

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

25
ЧАСТЬ II
2022

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (420) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Мелани Кляйн* (1882–1960), британский психоаналитик, стоявшая у истоков детского психоанализа, игровой психоаналитической терапии и теории объектных отношений.

Мелани родилась 30 марта 1882 года в Вене в еврейской семье, где было уже трое детей. Её отец, Мориц Райцес, состоял во втором браке и был на пятнадцать лет старше своей жены. К моменту рождения Мелани ему было более 50 лет.

В детские годы особо близкие отношения сложились у Мелани со старшей сестрой Сидони. Однако та умерла в возрасте девяти лет, и маленькая Мелани тяжело переживала эту утрату. Через несколько лет умер брат Эммануэль, а когда Мелани Кляйн исполнилось 18 лет, скончался и её отец, а спустя несколько лет после отца — мать. Тяжёлые утраты детских лет вызвали у Мелани глубокую депрессию, которая, по мнению хорошо знавших её людей, с годами закрепились в её мироощущении и характере. Мелани Кляйн всю жизнь отличалась резким и неуживчивым характером, что невольно сужало круг её последователей.

В 1903 году она вышла замуж за инженера Артура Кляйна. Несколько лет изучала в Венском университете искусство и историю, однако образование осталось незавершённым. Вместе с мужем Мелани покинула Вену: они переехали в Словакию, а затем в Силезию. В браке родилось трое детей, однако семейная жизнь сложилась неудачно. Тяжёлый характер Мелани Кляйн помешал ей стать хорошей матерью. Любви и взаимопонимания в отношениях с детьми у неё не было. Её дочь Мелитта, тоже ставшая психоаналитиком, порвала отношения с матерью и даже на ее похороны не явилась.

С 1910 по 1919 год Кляйн проживала с семьёй в Будапеште. В 1914 году, находясь в депрессивном состоянии, связанном со смертью матери и рождением третьего ребёнка, Кляйн обратилась за помощью к психоаналитику Шандору Ференци. Пройдя у него психоаналитический курс, М. Кляйн проявила интерес к психоанализу как таковому.

Именно наблюдения за играми собственных детей в 2–3-летнем возрасте привели её к выводу, что именно на этот период приходится формирование эдипова комплекса.

В ходе изучения наиболее агрессивных импульсов маленьких пациентов (зависть, жадность, ненависть) Кляйн разработала технику работы с детьми, не утратившую актуальности и в наши дни. Аналогом свободных ассоциаций в детском психоанализе является игровая деятельность. Мелани придавала большое значение переносам и контрпереносам, а также раскрыла основополагающее значение расщепления дет-

ского сознания в самом раннем возрасте на составляющие его основные понятия: «хороший» и «плохой».

Одна из наиболее важных идей Мелани Кляйн состоит в том, что агрессия и любовь выступают в качестве фундаментальных организующих сил психики. Агрессия расщепляет психику, тогда как любовь её цементирует. Ребёнок (или взрослый) будет агрессивно «расщеплять» мир, с тем чтобы отвергнуть то, что он ненавидит, и сохранить то, чего он желает.

Кляйн полагала, что суперэго присуще структуре личности от рождения и что ребёнок в ходе своего развития проходит через параноидно-шизоидную позицию (связанную с деструктивными импульсами) и депрессивную позицию (контроль либидо). Оба термина получили широкое распространение в психоанализе.

Старший сын Мелани Кляйн трагически погиб в горах, однако, по утверждению дочери Мелитты, он покончил с собой, отчаявшись найти взаимопонимание с матерью.

В 1917 году Мелани начала собственную психоаналитическую практику с анализа собственного младшего сына, а затем пятилетнего мальчика, сына её знакомых.

В 1918 году она приняла участие в работе пятого Международного психоаналитического конгресса, где познакомилась с Зигмундом Фрейдом.

Мелани Кляйн вела оживлённую полемику с дочерью Фрейда Анной по поводу пересмотра ряда положений учения её отца, в особенности касающихся проявлений агрессии в детском возрасте. Кляйновский психоанализ — единственная не-фрейдистская школа (помимо лакановской), принимающая существование влечения к смерти. В результате длительных дискуссий между сторонниками Мелани Кляйн и Анной Фрейд произошёл раскол в Британском психоаналитическом обществе и образовались три группы психоаналитиков — кляйнинская, фрейдовская и независимая.

После Второй мировой войны М. Кляйн в основном работала как обучающий аналитик и как супервизор, отказавшись от активной роли в жизни Британского психоаналитического общества.

22 сентября 1960 года после перенесённой операции Мелани умерла от эмболии лёгочной артерии.

Среди последователей Мелани Кляйн были такие психоаналитики, как Герберт Розенфельд, Уилфред Бион, Бетти Джоузеф, Ханна Сигал, Дональд Мельцер, Рождер Мани-Керл.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абакумова О. А., Кузнецова Ю. В.**
О сущности и содержательном аспекте внутренних актов корпорации63
- Анципович А. С.**
Содержание решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением65
- Бабинцева К. Г.**
Содержание права несовершеннолетнего на судебную защиту: национальный и международный аспекты67
- Батанина И. П.**
Необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, и крайняя необходимость: понятия и условия их правомерности71
- Брык А. В.**
Исключительная подсудность в гражданском процессе: исторический аспект и современность73
- Брык А. В.**
Проблемы соотношения видов территориальной подсудности в гражданском процессе.....75
- Ванюшина Е. А.**
Гражданско-правовое регулирование охраны авторских прав в сети Интернет76
- Галушкина В. А.**
Методика расследования ДТП78
- Гаплаев А. М.**
Актуальные проблемы кадровой политики в органах прокуратуры и пути их разрешения ... 80
- Гараева М. Р.**
Правовой режим наименований мест происхождения товаров и географических указаний.....82
- Григорьев И. О.**
К вопросу о видах процессуального статуса адвоката в уголовном процессе85
- Дедоров Н. Д.**
Сравнительный анализ проведения оперативно-розыскной деятельности на территории Российской Федерации и Германии87
- Деменчук Е. В.**
Общественные и публичные слушания в градостроительной деятельности.....90
- Долинская Ю. Р.**
Особенности последствий несоблюдения письменной формы сделки93
- Дроздов В. Д., Машонкина К. В.**
Возможные вопросы уголовной ответственности спортсменов за причинение вреда в рамках спортивных соревнований95
- Иваненко Т. С.**
Административная ответственность юридических лиц96
- Исаев Д. Ш.**
Практические проблемы реализации института преюдиции..... 100
- Клинкова Е. Н.**
Стрельба в условиях ограниченной видимости..... 102
- Краснопеев В. С.**
К вопросу о необходимости дополнения полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением 104
- Красуцких Л. В., Васильева В. В.**
Электронные средства платежа как предмет совершения хищения..... 105
- Кудрявцев Е. Е.**
Проблемы стандартизированной системы оценки для поступления в высшие учебные заведения 106
- Кудрявцева А. М.**
Изъятие земель для государственных или муниципальных нужд..... 108

Левченко В. Б. Особенности понятия и содержания дефиниции «наркотизм»..... 110	Марченко А. В. О некоторых вопросах представительства юридических лиц в налоговых правоотношениях в части включения в договор соответствующих полномочий 117
Лопатин К. А. Современные проблемы избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном процессе..... 112	Морозов М. В. Актуальные проблемы предпринимательского права 119
Лычаков В. В. Защитник как субъект уголовно-процессуального доказывания 114	Мышев Б. А. Защита экономических прав и свобод Уполномоченным по правам человека в России 121
Лычаков В. В. Проблемы участия защитника в процессе уголовно-процессуального доказывания..... 115	Николаев В. С. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений 122

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О сущности и содержательном аспекте внутренних актов корпорации

Абакумова Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент;
Кузнецова Юлия Васильевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье исследуются вопросы, связанные с внутренними актами корпораций, регулирующих корпоративные отношения. Рассмотрена правовая природа документов, принимаемых корпорациями. Основной упор исследования направлен на выявление и решение спорных вопросов правотворчества и правоприменения, связанных с внутренними актами.

Ключевые слова: корпорация, внутренние акты, корпоративные отношения, учредители (участники) хозяйственного общества, источник права.

About the essence and content aspect of the internal acts of the corporation

Abakumova Olga Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor;
Kuznetsova Yuliya Vasilyevna, student master's degree
Tyumen State University

The article examines issues related to internal acts of corporations regulating corporate relations. The legal nature of the documents adopted by corporations is considered. The main focus of the research is aimed at identifying and resolving controversial issues of law-making and law enforcement related to internal acts.

Keywords: corporation, internal acts, corporate relations, founders (participants) of a business company, source of law.

Деятельность корпорации представляет собой сложный процесс, направленный на достижение поставленных целей. На данный момент существует большой перечень вопросов, повседневно возникающих в деятельности организаций, которые законодательно не урегулированы. Помимо этого, в научной сфере на сегодняшний день нет единого подхода к понятию «внутренние документы корпорации». Данный факт отрицательно влияет на качество нормы права и вносит неточность в их понимание.

По мнению Т. В. Кашаниной [1], С. И. Носова [2], О. А. Макаровой [3] и других ученых акты, принимаемые корпорациями, относятся к нормативным актам. Однако другая часть научного сообщества утверждает, что указанные акты не относятся к числу источников права, аргументируя это отсутствием в ст. 3, 5, 7 Гражданского Кодекса Российской Федерации [4] указания на внутренние документы корпораций как на акты, содержащие нормы гражданского права.

Так, в своей работе Н. В. Козлова обосновывает свою точку зрения тем, что акты, которые принимаются органами юридических лиц, нельзя признать ни нормативными, ни даже индивидуальными актами. По ее мнению, «внутренние акты,

утверждаемые единоличным исполнительным органом в отношении субъектов корпоративных отношений, являются односторонней гражданско-правовой сделкой, а принимаемые коллегиальными органами корпорации — многосторонней гражданско-правовой сделкой» [5]. Абсолютно противоположное мнение имеет А. В. Габов, утверждающий, что «существование в качестве внутреннего акта совершенно не свойственно сделкам, а также управленческое решение следует выделить как отдельное основание возникновения гражданских прав и обязанностей» [6].

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод о том, что внутренние акты корпораций — это документы, принимаемые компетентными органами управления организации, являющиеся обязательными для всех участников. В свою очередь участники корпорации при вступлении в организацию добровольно приняли на себя бремя подчинения воле большинства, выражающаяся в принятии внутренних актов.

Вместе с тем, исследуя вопросы правовой природы корпоративных актов, необходимо проанализировать данные документы на предмет соответствия, содержащихся в них положений признакам норм права. Рассмотрим положения

внутренних документов корпорации с точки зрения признаков нормы права, согласно определению нормы права, определенным Н. И. Матузовым и А. В. Малько [7]:

1. Общеобязательный характер. Положения внутренних актов корпорации распространяются на всех участников корпорации, а также работников корпорации, не являющихся участниками, хотя в некоторых случаях данные акты необходимо соблюдать и иным лицам, не относящимся к вышеуказанным категориям лиц. Таким образом, наличие такого признака, бесспорно.

2. Формальная определенность. Определяя возможность (и необходимость) корпорации в принятии внутренних документов, законодатель уже определил формализованность этих документов.

3. Связь с государством. Принятие внутренних документов корпорации санкционировано Гражданским кодексом Российской Федерации. Несмотря на тот факт, что данный вид документов не упоминается в гражданско-процессуальном и административно-процессуальном-законодательстве, как уже указывалось выше, государство в виде судебных органов учитывает внутренние документы корпорации как правовые акты. Следовательно, соответствие данному признаку также установлено.

4. Представительно-обязывающий характер, то есть властное предписание относительно возможного и должного поведения людей. Принятие внутренних актов корпорации обуславливается необходимостью установления общих правил поведения для всех участников и работников корпорации, что предполагает установление возможного и должного поведения людей в определенных ситуациях.

5. Микросистемность. Так, правовая норма является специфической микросистемой, состоящей из взаимосвязанных и взаимопорядоченных элементов: гипотеза, диспозиция, санкция. Установление, как указано в предыдущем абзаце, общих правил поведения участников и работников корпорации как возможного должного поведения, осуществляется посредством установления условий, при которых поведение будет должно и возможно (гипотеза), определенные этими условиями модели поведения (диспозиция), а также последствия исполнения или неисполнения этих моделей поведения (санкции). Таким образом, признак микросистемности в положениях, устанавливаемых внутренними актами корпорации, также присутствует.

Подводя итог вышеперечисленному, представляется, что внутренний акт корпорации не является сделкой, так как распространяется на лица, которые голосовали против его принятия или не принимали участия в голосовании. Отнести внутренний документ к ненормативным правовым актам, который представляет собой односторонний правовой акт индивидуального характера также не представляется возможным, поскольку исходя из анализа соответствия положений внутренних актов и норм права, данные положения содержат все признаки, присущие нормам права.

Стоит обратить внимание на п. 5 ст. 52 Гражданского Кодекса Российской Федерации, согласно которому законодатель выделяет в качестве внутренних документов внутренний регламент и иные внутренние документы. При этом, следует отметить, что определяя внутренний регламент одним из видов

внутренних документов, законодатель не характеризует его какими-либо отдельными признаками, которые бы обособляли данный вид документов из общей массы внутренних документов. Исходя из заложенного законодателем принципа возможности принятия таких документов, можно сделать вывод о том, что в корпорации может существовать один внутренний регламент, определяющий порядок внутренней организации деятельности корпорации, и масса иных внутренних документов. Единным объединяющим признаком и внутреннего регламента, и иных внутренних документов, следует определить необходимость соответствия всех этих документов независимо от их названия учредительному документу юридического лица.

Между тем, наименование «внутренние документы» не отражают содержательного контекста данных документов. Внутренние документы — это документы, регулирующие корпоративные отношения. Поэтому для единообразного подхода к документам, принимаемым корпорациями, целесообразнее было бы законодательно поименовать их корпоративными актами без разделения на регламент и иные документы.

Таким образом, представляются объективным и целесообразным сделать следующие выводы:

1. Определяя место внутренних актов в системе источников права, следует рассматривать данные документы корпорации как нормативные правовые акты, принимаемые компетентными органами управления, которые регламентируют корпоративные отношения. В свою очередь они являются обязательными к исполнению для всех участников организации.

2. Наименование «внутренний регламент и иные внутренние документы» не отражают содержательное значение данного понятия. Внутренние документы в общем их значении являются особой разновидностью локальных актов организации, которые могут приниматься и некорпоративными юридическими лицами. В целях придания корпоративным актам статуса нормативных правовых актов корпорации, обособления их от индивидуальных документов, утверждаемых в корпорации, а также в целях соблюдения юридической техники в части обеспечения единообразного введения наименования данных документов предлагается именовать данные документы как «корпоративные акты». Для достижения данной цели, предлагается п. 5 ст. 52 Гражданского кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции:

«5. Учредители (участники) корпорации, а в случаях, установленных федеральными законами, органы управления корпорации, вправе, а в установленных настоящим Кодексом и федеральными законами случаях обязаны, издавать (утверждать) корпоративные акты, которые являются нормативными правовыми актами корпорации, регулируют корпоративные отношения и не являются учредительными документами юридического лица. В корпоративных актах должны содержаться положения, не противоречащие учредительному документу корпорации».

3. Для исключения споров о статусе внутренних актов присутствует необходимость законодательного закрепления статуса внутренних документов корпорации как источников корпоративного права. В этих целях и с учетом вышеизложенного предлагается дополнить ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации пунктом 8 следующего содержания:

«8. Корпоративной организацией могут издаваться (утверждаться) корпоративные акты, принятые в соответствии с пунктом 5 статьи 52 настоящего Кодекса, содержащие нормы гражданского права в части регулирования деятельности данной корпорации.

Литература:

1. Кашанина Т. В. Корпоративное право: учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. — 189 с.
2. Носов С. И. Акционерное законодательство России: история, теоретический анализ, тенденции развития. М.: РАГС, 2001. — 122 с.
3. Макарова О. А. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017. — 413 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 21 октября 1994 г.: по состоянию на 25.02.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации, 1994 № 32. — 3301 с.
5. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. Учебник. М.: Статут, 2005. — 220 с.
6. Габов А. В. Сделки с заинтересованностью. Практика акционерных обществ. М.: Законодат, 2004, — 158 с.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. — 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2014, — 269 с.

Содержание решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Анципович Артем Сергеевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье автором рассматривается правовая природа решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. Определяются различия между действиями и решениями прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. Приводится классификация подинститута решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. Анализируются позиции исследователей относительно реализации прокурором функции уголовного преследования в рамках производства в подинституте решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

Ключевые слова: *решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, подинститут решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, классификация решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, функция уголовного преследования в рамках производства прокурора в подинституте решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.*

В настоящее время, за период 2020–2022 гг., в научной литературе по вопросам изучения решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, были опубликованы работы следующих авторов: Д. А. Антюфеев [3], Д. В. Грызлов [4], Е. А. Ковалева [5], Н. Ю. Решетова [6], А. В. Спирин [7], Ю. И. Скоропупов [8], Трикозов Р. А. [9].

Вышеозначенные научные исследования последних лет свидетельствуют о наличии повышенного интереса к содержанию решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, что определяет актуальность выбранной темы статьи.

Система решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, представляет с собой комплекс процессуальных инструментов направленных, преимущественно, на реализацию функции надзора за предварительным следствием.

Институт действий и решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, представляет с собой систему, состоящую из двух отдельных подинститутов, поскольку они несут разное значение для уголовно-процес-

суального производства. Если при производстве в подинституте действий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, можно говорить об исполнении правообеспечительной функции, поскольку каждое предписание, в рамках ст. 222 УПК РФ, направлено на соблюдение гарантий участников уголовного судопроизводства, путем предоставления равной возможности подготовки к будущему судебному разбирательству, то при производстве в подинституте решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением наблюдается реализация именно надзорной функции [1].

Подинститут решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, исходя из положений ст. 221 УПК РФ, представляет с собой следующую систему:

1. Обязательная группа решений:
 - об утверждении обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд;
 - о возвращении уголовного дела следователю;
 - о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

2. Ситуативные группы решений:

- решения, производимые вышестоящим прокурором по отношению к нижестоящему;
- решения, связанные с изменением или отменой избранной мерой пресечения.

Подробный правовой анализ ч. 1 ст. 37 УПК РФ свидетельствует о том, что одной из функций прокурора является надзор за деятельностью органов предварительного следствия. Также функцию надзора прокурора можно увидеть, обращаясь к общему источнику, регламентирующему деятельность прокуратуры Российской Федерации, а именно к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, который в ч. 2 ст. 1 предписывает органам прокуратуры «осуществление надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие» [2].

Учитывая правовые нормы, регламентирующие сущность надзорной функции прокурора и проанализировав каждый отдельный процессуальный элемент подинститута решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, можно утверждать, что его деятельность на данном этапе производства выражается именно в процессуальном надзоре за органами предварительного следствия.

Некоторые авторы, в частности А. В. Сучков и М. В. Чиннова рассматривают, реализацию функции уголовного преследования в рамках производства прокурора в подинституте решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением [10, с. 17]. Главным аргументом сторонников данной позиции является тезис о том, что именно прокурор, утверждая обвинительное заключение, как бы предоставляет государственный иск суду о нарушении положений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, реализуя тем самым функцию уголовного преследования в рамках института действий и решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

Обязанность прокурора реализовывать, в том числе функцию уголовного преследования, отражена в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, в которой, помимо обязанности надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, закреплена соответствующая обязанность по уголовному преследованию. Сущность же данной функции находит свое выражение в п. 55 ст. 5 УПК РФ, которая регламентирует, что уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

На наш взгляд, прокурор, в рамках процессуального производства в подинституте решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, реализует элементы функции уголовного преследования путем предшествующего производства по уголовному делу, что в итоге приводит к формированию следователем обвинительного заключения, но в рамках данного института — отсутствует.

Сравнивая функционал прокурора в однородных институтах, таких как решения по уголовному делу, поступившему

с обвинительным актом или постановлением, можно прийти к выводу, что функция уголовного преследования наиболее четко прослеживается именно в них. В отличие от подинститута решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, подинституты решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или постановлением предоставляют больший объем полномочий, связанных с изменением содержания итогового документа предварительного расследования, что и является, по мнению ряда авторов, выражением уголовного преследования.

Например, в ч. 2 ст. 226 УПК РФ и ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ предусмотрена возможность прокурором изменить своим постановлением содержание обвинительного акта и постановления путем исключения из них отдельных пунктов обвинения, либо переквалифицировать его на менее тяжкое, что по сути, означает, что прокурор может самостоятельно изменить содержание итогового документа предварительного расследования.

В то же самое время, в рамках производства в подинституте решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, отсутствуют положения, позволяющие прокурору самостоятельно изменять содержание и объём обвинения, исключая из него что-либо, либо же возможности переквалификации его на менее тяжкое, тем самым законодатель ограничивает возможность прокуроров в самостоятельности «изобличения» преступления в рамках производства в подинституте решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

Прокурор способен повлиять на содержание обвинительного заключения только лишь путем возвращения уголовного дела следователю, т.е. опосредованно, при обнаружении нарушений, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, что определяет позицию законодателя по поводу реализации функций прокурора в подинституте решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

С таким пониманием правового содержания решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением согласен и ученый Ю. В. Буров, который считает, что: «анализ действующего законодательства, позволяет говорить о тенденции уменьшения доли влияния прокурора на уголовное преследование. Сегодня следствие, в отличие от дознания, выступает наиболее самостоятельным структурным элементом, являясь более независимым от прокурора в процессе уголовного преследования» [11, с. 27].

Таким образом, анализируя подинститут решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, можно прийти к выводу о том, что его содержание сводится к удостоверению прокурором законности производства предварительного следствия. По нашему мнению, каждый процессуальный элемент в этом подинституте направлен на проверку законности и обоснованности совершения процессуальных действий и принятия решений следователями в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
3. Антюфеев Д. А. Необходимость расширения полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным актом и обвинительным заключением / Д. А. Антюфеев // Человек: преступление и наказание: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. В 3-х частях, Рязань, 26 марта 2021 года. — Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. — С. 277–282. — EDN ZUUCXL.
4. Грызлов Д. В. Процессуальные решения прокурора при расследовании преступлений / Д. В. Грызлов // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета, Краснодар, 27 марта 2020 года / Отв. ред. В. А. Семенцов. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. — С. 63–67. — EDN MHLNLI.
5. Ковалева Е. А. Проблемы правового регулирования этапа утверждения обвинительного заключения прокурором / Е. А. Ковалева // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12. — № 3–1. — С. 180–185. — DOI 10.34670/AR.2022.69.94.021. — EDN UXPVON.
6. Решетова Н. Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела / Н. Ю. Решетова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 5(79). — С. 44–50. — EDN JMWLMC.
7. Спиринов А. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора на этапе окончания досудебного производства / А. В. Спиринов // Законность. — 2020. — № 1(1023). — С. 12–15. — EDN UNUJNA.
8. Скоропупов Ю. И. К вопросу о прокурорской деятельности на досудебных стадиях уголовного процесса / Ю. И. Скоропупов // Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 25 января 2020 года / Отв. редактор В. Н. Яшин. — Тула: Тульский государственный университет, 2020. — С. 181–187. — EDN OMJWNM.
9. Трикозов Р. А. Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением / Р. А. Трикозов // Актуальные вопросы современного права: Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 2022 года. — Москва: Полицентр, 2022. — С. 84–88. — EDN YYLSPD.
10. Сучков А. В., Чиннова М. В. О необходимости законодательного закрепления обязанности составления обвинительного заключения при окончании предварительного следствия за прокурором, осуществляющим уголовное преследование // Вестник ВятГУ. 2011. № 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-zakonodatelnogo-zakrepleniya-obyazannosti-sostavleniya-obvinitelnogo-zaklyucheniya-pri-okonchani-predvaritelnogo-sledstviya-za-prokurorom-osushchestvlyayushim-ugolovnoe-presledovanie> (дата обращения: 01.06.2022).
11. Буров Ю. В. Функция прокурора на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsiya-prokuro-ra-na-etape-okonchaniya-predvaritelnogo-sledstviya-s-sostavleniem-obvinitelnogo-zaklyucheniya> (дата обращения: 01.06.2022).

Содержание права несовершеннолетнего на судебную защиту: национальный и международный аспекты

Бабинцева Ксения Геннадьевна, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье автор раскрывает содержание права на защиту несовершеннолетнего в аспекте права несовершеннолетнего на квалифицированную юридическую помощь, включая судебную защиту.

Ключевые слова: право на защиту, несовершеннолетний, квалифицированная юридическая помощь, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство.

Право гражданина на защиту является основополагающей конституционной гарантией, носит универсальный характер и не подлежит ограничению (ст. 46, 48, ч. 3 ст. 56 Конституции РФ [8]).

Неотъемлемый и абсолютный характер права на судебную защиту подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ, отраженной в Постановлении от 21 января 2020 г. № 3-П [16].

Так, согласно статье 48 Конституции РФ, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, включая бесплатную юридическую помощь в предусмотренных законом РФ случаях и право на защитника в уголовном судопроизводстве [8] с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [17].

Вышеназванные гарантии распространяются и на несовершеннолетних. Следовательно, право на защиту несовершеннолетнего на защиту в уголовном и административном судопроизводстве, так и право на защиту имущественных и личных неимущественных прав в порядке гражданского судопроизводства.

Любое национальное право не может существовать изолированно, то есть в отрыве от общепризнанных международных норм и принципов, гарантирующих соблюдение прав человека. Именно наднациональные организации и их решения являются двигателем развития отечественного законодательства в части охраны прав личности.

Наиболее регламентированной частью ювенального права на международном уровне является уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних. Связано это, во-первых, с самой спецификой уголовного производства: уязвимое положение подозреваемого / обвиняемого / осуждённого / подсудимого относительно основного субъекта уголовного преследования — государства; а во-вторых, с тем, что несовершеннолетний сам по себе является очень уязвимой категорией по сравнению с другими субъектами права.

Специальный акт международного права — Конвенция о правах ребёнка — предусматривает ряд основополагающих принципов обращения с детьми, подвергшимися уголовному преследованию:

— обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости — неотъемлемое право на достоинство и значимость, должно соблюдаться и защищаться на всем протяжении процесса обращения с ребенком с первого контакта с правоохранительными органами и на всех этапах любых мер обращения с ребенком;

— обращение, которое укрепляет в ребенке уважение к правам человека и свободам других — полное соблюдение и осуществление гарантий справедливого судебного разбирательства, закрепленных в п. 2 ст. 40 Конвенции о правах ребенка.

— обращение, при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе;

— уважение достоинства ребенка, которое требует запрещения и предупреждения всех форм насилия при обращении с детьми, находящимися в конфликте с законом [7].

Комитет по правам ребёнка, созданный во исполнение Конвенции о правах ребёнка, отмечает, что в контексте уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних основополагающим является принцип наилучших интересов в отношении детей, преступивших закон, или причастных к делу (в качестве жертв или свидетелей).

Комитет по правам ребёнка подчёркивает, что ключевым условием для надлежащего и эффективного осуществления этих прав или гарантий являются профессиональные качества лиц, работающих в системе отправления правосудия по делам несовершеннолетних — подготовка юридических и иных представителей ребёнка, сотрудников службы пробации, работников социальной сферы и других лиц, имеет важнейшее значение и должна осуществляться на систематизированной и непрерывной основе [4].

Несмотря на выход России из Совета Европы, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская Конвенция) и прецеденты Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) длительное время являлись важнейшим источником права, а выводы и суждения, изложенные в решениях ЕСПЧ, имплементировались в систему российского права путём внесения изменений в нормативные правовые акты, а также путём разъяснений высших судебных инстанций РФ, направленных на изменение правоприменительной практики. Таким образом, анализ таких актов дает возможность более детально раскрыть содержание права несовершеннолетних на защиту.

Согласно подходу ЕСПЧ, в случае, когда ребенок попадает в систему уголовного правосудия, его процессуальные права, учитывая его статус несовершеннолетнего, должны быть гарантированы, и его невиновность или виновность должны быть установлены в соответствии с требованиями соответствующей правовой процедуры и принципа законности в отношении конкретного действия, которое он предположительно совершил.

Как следует из решений ЕСПЧ, специальные уголовно-правовые нормы, которые действуют в отношении несовершеннолетних, не должны лишать или ограничить их правовые гарантии [13]. Следовательно, специальное законодательство не должно ущемлять права ребенка по сравнению с общим.

Кроме того, по мнению ЕСПЧ, следуя принципу справедливости, особое внимание должно быть уделено обеспечению того, чтобы правовая квалификация ребенка как несовершеннолетнего правонарушителя не привела к тому, чтобы все внимание было сфокусировано на его статусе несовершеннолетнего как таковом, пренебрегая при этом расследованием конкретного уголовного деяния, в котором его обвиняли, и необходимостью представить доказательства его вины. Преследование в судебном порядке ребенка-правонарушителя через систему уголовного правосудия только на основании его статуса несовершеннолетнего правонарушителя (правовое определение которого отсутствует) не может считаться совместимым с надлежащей правовой процедурой и принципом законности [11].

Какой-либо особый подход к несовершеннолетнему как особому в силу его возраста субъекту в правовых отношениях допускается только тогда, когда это способствует защите его прав. Во всех иных случаях должны применяться общие правовые гарантии, установленные нормами материального и процессуального права [13]. То есть, правовые гарантии для несовершеннолетних не могут быть ниже, чем у совершеннолетнего человека.

Общие принципы отправления правосудия в отношении несовершеннолетнего определяют и его право на защиту в контексте права на получение квалифицированной юридической помощи.

Так, пп. «с» п. 3 ст. 6 Европейской Конвенции прав человека гарантирует, что судебное разбирательство в отношении обвиняемого будет проводиться надлежащим образом с соблюдением права на защиту.

Это право включает в себя три отдельных права:

- право на представление своих интересов в суде лично;
- право на адвоката по выбору;
- при определенных условиях, право на предоставление бесплатной юридической помощи [15].

В частности, лицу, которому предъявлено уголовное обвинение, должно быть гарантировано право на помощь и поддержку адвоката в течение всего времени судебного разбирательства с момента его задержания полицией или заключения под стражу [14]. Кроме того, данная норма предусматривает право на «практическую и эффективную» правовую помощь [12].

Подход Комитета по правам человека, который создан на основании Пакта о гражданских и политических правах [9], аналогичен. Отметим, что этот Комитет рассматривает сообщения о нарушении закрепленных в Пакте прав человека от граждан, находящихся под юрисдикцией государств — членов ООН, присоединившихся к Пакту и Факультативному протоколу к нему. Так, согласно п. 4 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, в отношении несовершеннолетних процесс должен быть таков, чтобы учитывались их возраст и желательность содействия их перевоспитанию [9]. Несовершеннолетние лица должны пользоваться по меньшей мере теми же гарантиями и защитой, которые предоставляются взрослым в соответствии со статьей 14 Пакта [9].

При этом, согласно позиции Комитета по правам человека, несовершеннолетние нуждаются в специальной защите. В частности, в уголовном судопроизводстве они должны быть прямо информированы о предъявляемых им обвинениях и в соответствующих случаях через родителей или законных опекунов пользоваться необходимой помощью при подготовке и представлении своей защиты; быть как можно более оперативно судимыми в рамках справедливого слушания дела в присутствии законного адвоката, других соответствующих защитников и родителей или законных опекунов, кроме как если считается, что это не отвечает наилучшим интересам ребенка, в частности с учетом их возраста или положения. По мере возможности следует избегать заключения под стражу до и во время судебного процесса [5].

Комитет по правам человека считает, что с учётом физического и психологического развития детей и их эмоциональных и образовательных потребностей государства-участники обязаны принимать специальные меры защиты. То есть во всех решениях, принимаемых в контексте отправления правосудия по делам несовершеннолетних, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка. Особое внимание следует уделять необходимости защиты частной жизни детей в уголовном судопроизводстве [20].

Помимо вышеназванных мер, Комитет по правам человека акцентирует внимание на том, что в отношении несовершеннолетних, помимо уголовного разбирательства, следует применять иные меры, такие как посредничество между виновным и потерпевшим, собеседования с участием членов семьи нарушителя, использование консультативных услуг или общинных служб или образовательных программ при условии, что они отвечают требованиям Международного пакта о гражданских и политических правах и других соответствующих правозащитных стандартов [5].

Таким образом, международные акты, закрепляя положения о судопроизводстве в отношении несовершеннолетнего и их особенности, прямо предусматривают право на квалифицированную юридическую помощь и участие защитника как неотъемлемую составляющую гарантии права на справедливое судебное разбирательство в отношении несовершеннолетнего.

Право несовершеннолетнего на квалифицированную юридическую помощь и право на судебную защиту на национальном уровне раскрывается в материальных и процессуальных нормах гражданского, уголовного и административного законодательства.

Согласно ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), право на защиту в уголовном судопроизводстве включает в себя в том числе и право пользоваться помощью защитника (право на получение квалифицированной юридической помощи) [21].

Указанное положение законодательства распространяется и на несовершеннолетних с учётом особенностей судопроизводства, регламентированных ст. 50 УПК РФ — наряду с защитником и законным представителем, чье участие в процессе является обязательным (п. 2 ч. 1 ст. 51, ст.ст. 426, 428 УПК РФ), к производству допроса несовершеннолетнего привлекаются педагог и психолог во всех случаях, если обвиняемый не достиг 16-ти летнего возраста, а в возрасте от 16 до 18 лет — при условии, что он страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии (ч. 3 ст. 425 УПК РФ) [21].

Таким образом, право на квалифицированную юридическую помощь несовершеннолетнему в рамках уголовного судопроизводства прямо предусмотрено УПК РФ.

Однако, в отличие от уголовного, в гражданском процессе квалифицированная юридическая помощь детям до 14 лет фактически недоступна в силу их особого правового положения — участия в деле не лично, а через законных представителей, органы опеки и попечительства, прокуратуру, призванных выступать в их интересах в спорах, затрагивающих законные интересы несовершеннолетних [2].

Согласно логике ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) несовершеннолетние, которых законодатель наделил правом личной защиты своих интересов, пользуются всей совокупностью прав, закрепленных в ГПК РФ, включая и самостоятельное право быть представленным адвокатом [3]. Следовательно, ребенок наравне с иными субъектами имеет право на получение квалифицированной юридической помощи, которое не должно зависеть от воли и усмотрения законного представителя. Особенно в случаях конфликта инте-

ресов самого несовершеннолетнего и его законного представителя.

Судебная практика подтверждает тезис о праве ребенка на самостоятельное, личное получение квалифицированной юридической помощи. Так, Московский городской суд отменил определение первой инстанции об оставлении без рассмотрения искового заявления несовершеннолетнего о его вселении в жилое помещение, определении порядка пользования им, а также взыскании убытков в виде расходов на оплату арендуемого жилья, расходов на оплату услуг представителя, со ссылкой на отсутствие доказательств его эмансипации [1].

Кроме того, согласно разъяснению Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга от 4 апреля 2020 г., письменная форма соглашения об оказании юридической помощи считается соблюденной при выдаче доверителю квитанции в счет оплаты первичной консультации, что говорит об отсутствии необходимости в принципе заключения соглашений с детьми в целях их правового консультирования [18]. Данное положение упрощает обращение ребёнка к адвокату с целью получения квалифицированной юридической помощи не в рамках уголовного производства.

Что касается оплаты несовершеннолетним защитника с учетом того, что адвокатская деятельность, как правило, не осуществляется на безвозмездной основе [23], а дети не во всех случаях являются получателями бесплатной юридической помощи [22], в силу особого правового статуса несовершеннолетних и социальной направленности их обращений, представляется, что оказание правовой помощи детям во всех случаях может быть осуществлено *pro bono*.

Помимо указанного выше, в силу ст. 56 Семейного кодекса РФ следует, что только несовершеннолетние от 14 до 18 лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений [19]. В таких случаях заключение соглашения о представлении интересов детей в суде прямо предусмотрено законодательством, в связи с чем доверенность

на ведение дел в суде может быть выдана несовершеннолетним самостоятельно, без обязательного предварительного получения письменного согласия законных представителей [10]. Представление же интересов ребенка в гражданском процессе может также осуществляться адвокатом на основании ордера, что предусмотрено ч. 5 ст. 53 ГПК РФ [3].

Аналогичным образом несовершеннолетние могут обращаться за квалифицированной юридической помощью в порядке осуществления защиты нарушенного права по Кодексу административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ).

Данное положение прямо предусмотрено ст. 5 КАС РФ, согласно которой способность своими действиями осуществлять процессуальные права, в том числе поручать ведение административного дела представителю, и исполнять процессуальные обязанности в административном судопроизводстве (административная процессуальная дееспособность) принадлежит, в том числе несовершеннолетним гражданам в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, — по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых указанные граждане согласно закону могут участвовать самостоятельно [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российское национальное законодательство, устанавливающее право несовершеннолетнего на судебную защиту, основывается на соответствующих правовых актах международного уровня и соответствует их основным положениям. Между тем, правовое регулирование особенностей реализации права несовершеннолетних на юридическую защиту нуждается в совершенствовании. В частности, реализация права несовершеннолетнего на судебную защиту в сфере частноправовых отношений существенно ограничена: без участия законных представителей ребенок фактически не имеет возможности защитить свои права за исключением случаев, которые прямо закреплены в гражданском и семейном законодательстве.

Литература:

1. Апелляционное определение Мосгорсуда от 22.09.2020 по делу № 2–298/2020 // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 12.06.2022).
2. Виктория Дергунова. Об оказании ребёнку независимой от законных представителей квалифицированной юридической помощи // Орган Федеральной палаты адвокатов РФ «Адвокатская газета». — Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru>. (дата обращения: 16.06.2022).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.06.2022).
4. Замечания общего порядка № 10 (2007). Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, приняты Комитетом по правам ребенка на его 44-й сессии. CRC/C/GC/10 // Электронная библиотека Университета Миннесоты. — Режим доступа: <http://humanrts.umn.edu>. (дата обращения: 16.06.2022).
5. Замечания общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство, приняты Комитетом по правам человека на его 90-й сессии (9–27 июля 2007 г.), CCPR/C/GC/32 // Электронная библиотека Университета Миннесоты. — Режим доступа: <http://humanrts.umn.edu>. (дата обращения: 16.06.2022).
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N21-ФЗ // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 17.06.2022).
7. Конвенция о правах ребёнка, одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.06.2022).
8. Конституция Российской Федерации // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.06.2022).

9. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.06.2022).
10. Письмо ФНП от 22 июля 2016 г. № 2668/03–16–3 «О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей» (вместе с «Методическими рекомендациями по удостоверению доверенностей»), утв. решением правления ФНП от 18 июля 2016 г., протокол № 07/16 // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 16.06.2022).
11. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ашур против Франции» от 29.03.2006, жалоба N67335/01 // Официальный сайт Европейского суда по правам человека.— Режим доступа: www.echr.coe.int. (дата обращения: 10.06.2022).
12. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Артико против Италии» от 13.05.1980, жалоба N6694/74 // Официальный сайт Европейского суда по правам человека.— Режим доступа: www.echr.coe.int. (дата обращения: 14.06.2022).
13. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Блохин против Российской Федерации» от 23.03.2016, жалоба N47152/06 // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 16.06.2022).
14. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Даянан против Турции» от 13.10.2009, жалоба N7377/03 // Официальный сайт Европейского суда по правам человека.— Режим доступа: www.echr.coe.int. (дата обращения: 10.06.2022).
15. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Пакелли против Германии» от 25.04.1983, жалоба N8398/78 // Официальный сайт Европейского суда по правам человека.— Режим доступа: www.echr.coe.int. (дата обращения: 11.06.2022).
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2020 N3-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С». // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 12.06.2022).
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно — процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 12.06.2022).
18. Разъяснение Совета Адвокатской Палаты Санкт-Петербурга от 04.04.2020 // Сайт Адвокатской Палаты Санкт-Петербурга.— Режим доступа: <https://www.apspb.ru>. (дата обращения: 16.06.2022).
19. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.06.2022).
20. Соображения Комитета по правам человека от 18.07.2017 по делу Н. К. против Нидерландов // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 12.06.2022).
21. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.06.2022).
22. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 N324-ФЗ // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 12.06.2022).
23. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N63-ФЗ // Справочная правовая система КонсультантПлюс. (дата обращения: 12.06.2022).

Необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, и крайняя необходимость: понятия и условия их правомерности

Батанина Ирина Павловна, студент
Тюменский государственный университет

Глава 8 Уголовного кодекса содержит перечень обстоятельств, при которых преступление исключается. К этой категории относятся; необходимая защита (ст. 37 УК РФ), причинение вреда задержанию лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ); крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ). Все вышеперечисленные обстоятельства характеризуются тем, что они вызваны сознательно, конкретный человек участвует в защите или нанесении вреда, а его действия совершаются на основе его волевого решения. Совершение этих действий влечет за собой ущерб, в том числе охраняемым законом интересам. При соблюдении определенных правовых рамок данное деяние будет носить антисоциальный характер и не будет означать необходимости нести за это соответствующее уголовное наказание. Подразумевается, что действия, перечисленные выше, могут быть выполнены не в любой момент времени и в любой форме. Даже с учетом наличия института обстоятельств, при которых исключается преступность, в уго-

ловном праве достаточно давно существует проблема, связанная с определением юридического характера, особенностей и классификации обстоятельств, при которых исключается его уголовная ответственность при использовании необходимой защиты, при нарушении при задержании лица, что является преступлением и крайней необходимостью.

Актуальность темы связана с тем, что заключение под стражу приносит общественную пользу. В результате задержания обеспечивается неизбежность привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, а также к обязанности этого лица возместить причиненный ущерб. Задержание направлено на реализацию принципов уголовного права с целью предотвращения совершения преступными элементами новых преступлений. Поэтому на уровне законодательства закрепляется право на применение различных мер, связанных с повышением эффективности борьбы с преступностью.

Уголовное право определяет порядок и особенности, связанные с реализацией этого права. В частности, речь идет о мерах, которые могут применяться при задержании правонарушителей и могут быть признаны незаконными. Даже с учетом права на задержание преступных элементов и возможности причинения им вреда на практике возникают проблемы, связанные с определением условий законности действий. Основная часть — введение в уголовное право. 38 это следует рассматривать как меру стимулирования граждан к поимке преступников, как меру, связанную с поддержкой властей в обеспечении верховенства закона. Подразумевается, что эта деятельность носит социально полезный характер. Эта статья также имеет профилактическую функцию.

Дело в том, что лицо, совершающее преступление, знает о возможности его задержания не только от полицейских, но и от обычных граждан. Они наделены правом на уровне уголовного права причинять вред и даже смерть преступнику при задержании. По этой причине преступные элементы как со стороны полицейских, так и со стороны обычных граждан, имеющих право на задержание и нарушение, обеспокоены их задержанием, что позволяет им отказаться от своих злонамеренных намерений [2, с. 55].

Действия, содержащие доказательства преступления, связанного с задержанием виновных, не считаются преступлением. Однако необходимо соблюдать условия допустимости действий, которые сводятся к причинению вреда. Такие условия должны включать следующее:

- ущерб причинен неизбежно и разумно;
- лицо, осуществляющее арест, имеет уверенность в том, что вам будет причинен вред лицу, совершившему преступление;
- лицо, совершившее преступление, принимает меры для побега, поэтому нет возможности задержать преступника альтернативным способом;
- преступление завершено или его совершение было прервано на этапе подготовки или покушения;
- преступнику причинен вред для совершения преступления в связи с совершением преступления;
- преступление совершено или совершено на этапе подготовки или судебного разбирательства;

— преступнику причинен вред для совершения преступления прекратить преступное действие с целью предотвращения совершения нового преступления, передать задержанного лица сотрудникам органов внутренних дел.

Вышеуказанные условия относятся к законности причинения вреда. Они получили закрепление в уголовном праве, необходимы с практической точки зрения. С одной стороны, они должны рассматриваться как гарантия недопустимости необоснованного ущерба. С другой стороны, условия законности направлены на защиту интересов лица, которое наносит ущерб при определенных обстоятельствах. Независимо от характера обстоятельств, необходимо оценить превышение мер по задержанию с учетом того, является ли задержание законным. Следовательно, лицо, занимающееся задержанием преступника, должно соблюдать условия, указанные в части 1 статьи 38 Уголовного кодекса.

Лишение жизни задержанного лица является законным деянием, при условии, что это лицо совершило особо тяжкое преступление. При этом ситуация с задержанием была неблагоприятной. Кроме того, задержанный не должен иметь прямого намерения лишить преступника жизни. При прямом умысле исключается обязательный элемент признания законности задержания, направленный на дальнейшее доведение преступника до правоохранительных органов.

Для признания преступлением деяния, совершенного в случае превышения мер, связанных с задержанием преступника, существуют два особых основания. Они перечислены в особой части Уголовного кодекса, а именно в части 2 статьи 108 Уголовного кодекса и части 2 статьи 114 Уголовного кодекса. В первом случае речь идет о предполагаемой ответственности за убийство, во втором случае речь идет о предполагаемой уголовной ответственности за причинение тяжкого или умеренного вреда [1, с. 40].

Формулировки, используемые законодателями, не всегда успешны. Они не исключают наличия пробелов и столкновений. Это относится и к статье 38 Уголовного кодекса. Тот факт, что юридические гарантии для задержанных закреплены в уголовном праве, является основой для повышения эффективности борьбы с преступностью. Эти гарантии распространяются на лиц, принимающих меры по задержанию преступников. 38 Уголовного кодекса следует улучшить, исходя из возникновения проблем в правоохранительной и судебной практике. Если обратиться к анализу уголовных дел, то можно заметить, что часто оправдательные приговоры произносятся судами высшей инстанции. При рассмотрении каждого случая необходимо учитывать индивидуальные критерии оценки.

Единого подхода к применению уголовно-правовых норм, связанных с причинением вреда лишению свободы, пока не сформировано. 38 УК РФ, можно констатировать, что формулировка этого института указывает на наличие множества сходных черт с другим институтом — необходимой защиты. Кроме того, формулировка этого института частично реализует

функции на этапе, когда само социально опасное действие было прервано или уже завершено. 38 УК РФ применять необходимо, если преступник совершает преступление, другое деяние, даже если оно опасно, не будет квалифицировано по этой статье.

Примером этого является деяние, совершенное запутанным лицом или лицом, которое не достигло возраста для привлечения к уголовной ответственности. 38 УК РФ, необходимо сделать вывод, что задержанное лицо обязано в короткий срок установить, есть ли в совершенном деянии признаки правонарушения. Не всегда возможно решить эту проблему, даже если вы находитесь в заключении и квалифицируете преступление на этапе предварительного расследования [2, с. 25].

Что касается путаницы, то ее можно установить только по результатам судебно-психиатрической экспертизы. Задержание тех людей с психическими отклонениями так же важно, как и задержание психически здоровых преступных элементов. Дело в том, что именно такие люди часто становятся серийными убийцами и маньяками. Проблемным моментом явля-

ется процессуальная сторона вопроса. Дело в том, что лицо, совершившее преступление, является невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана его признанием в суде и вынесением приговора.

Таким образом, при задержании преступника задержанный не может знать, признан ли преступник виновным. На практике оказывается, что вопрос о законности причинения вреда при задержании лиц (которые не пострадали и не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности) не решен.

Даже высший суд придерживается мнения о недопустимости причинения вреда вышеуказанным категориям лиц, единственными исключениями являются случаи необходимой защиты.

Существует необходимость правильного решения вопросов, связанных с квалификацией законного или незаконного содержания под стражей, с оценкой превышения необходимых мер, необходимых для содержания под стражей лица, в отношении которого было совершено преступление.

Литература:

1. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России: Учебное пособие. 6-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2017. С. 41. Божьев, В. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2018. № 1. С. 54.
2. Буробин, В. Н. Адвокатская деятельность / В. Н. Буробин. — М.: Статут, 2018. — 604 с. Воскобитова, Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2019. №3. С. 462.
3. Григорьев, В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2019. С. 99.
4. Деришев, Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России: монография. Омск, 2017. — 291 с.
5. Доля, Е. А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола. М., 2017.-356с.
6. Латыпов, В. С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... канд. юрид. наук/В. С. Латыпов.— Уфа, 2021.— 226 с.
7. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2019. С. 114.

Исключительная подсудность в гражданском процессе: исторический аспект и современность

Брык Арина Вадимовна, студент

Научный руководитель: Чекмарева Анастасия Валериевна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В рамках настоящего исследования автором проводится анализ исключительной территориальной подсудности с точки зрения его исторического генезиса и положения в современном гражданском процессе. Автором указываются конкретные проблемы, затрагивающие исследуемый институт, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: гражданский процесс; исключительная подсудность; территориальная подсудность; приоритетный характер; отдельные категории дел.

Exclusive jurisdiction in civil proceedings: historical aspect and modernity

Within the framework of this study, the author analyzes the exclusive territorial jurisdiction from the point of view of its historical genesis and position in the modern civil process. The author specifies specific problems affecting the institute under study, and also suggests ways to solve them.

Keywords: *civil procedure; exclusive jurisdiction; territorial jurisdiction; priority character; separate categories of cases.*

Одной из актуальных тем для современного гражданского процесса является исключительная подсудность. Научный интерес к таковой оправдывается её приоритетным характером перед другими видами территориальной подсудности, а также существованием неоднозначных оценок теоретиков. Необходимость её детального рассмотрения дополнительным образом подчеркивается тем, что формулировки статей Гражданского процессуального кодекса на сегодняшний день не позволяют исчерпывающим образом определить перечень исков, которые подлежат рассмотрению по правилам исключительной подсудности.

Первоначально следует отметить, что за последние 150 лет институт исключительной подсудности не претерпевал качественных изменений. В свою очередь, родовая подсудность в дореволюционном праве смешивалась с понятием подведомственности [1].

Обращаясь к документам того времени, следует выделить Устав гражданского судопроизводства 1864 г., согласно которому в отношении подсудности было выделено общее правило — иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика. При этом в документе наличествовал перечень исключений, к которым применялись особые правила. Таковые негласно носили название «особенной подсудности» и имели бинарную классификацию. Первым видом признавался аналог сегодняшней альтернативной подсудности — у истца наличествовало право по своему усмотрению подавать иск как по правилам общей подсудности, так и специальной. Во втором случае можно было говорить о существовании исключительной подсудности — в данном случае истец лишался право выбора и мог подать иск при соблюдении исключительного круга правил [1].

Согласно правилам исключительной подсудности того времени, к таковым делам относились иски о праве собственности, иски о вознаграждении за убытки, причиненные недвижимому имуществу, иски о владении или пользовании и о «всяком ином праве» на недвижимое имущество, иски о наследстве, иски о действительности и недействительности завещаний.

Другим важным историческим шагом формирования исключительной подсудности стало принятие Гражданского процессуального кодекса РСФСР в 1923 г. Документом было выделено два основных вида подсудности: родовая и территориальная. Первая, в свою очередь, включала нормы об общей территориальной, альтернативной и исключительной.

Согласно ст. 29 комментируемого кодифицированного акта к исключительной подсудности относились иски по месту нахождения имущества или его основной части, иски о праве на строения, земельные участки, предприятия, иски об освобождении имущества от описи и продажи, а также иски к имуществу, которое оставалось после смерти его собственника.

Согласно ГПК РСФСР 1964 г., правила исключительной подсудности были распространены на иски к перевозчикам, ко-

торые вытекают из договоров перевозки грузов [3]. Следует отметить, что данным документом, благодаря включению подсудности по связи дел и договорной подсудности, была установлена классификация, существующая по сей день.

Как отмечалось ранее, правила об исключительной подсудности имеют приоритетный характер над другими её видами. Это означает, что иски по делам, перечисленным в статье, могут быть поданы только в установленные этой же статьей суды. В данном случае наличествует одно исключение — встречный иск, подаваемый вне зависимости от содержательной части в тот суд, в котором иск рассматривался первоначально [2].

Согласно ч. 2 ст. 30 ГПК РФ иски кредиторов наследодателя, предъявляемые до принятия наследства наследниками, подсудны суду по месту открытия наследства. Для уяснения содержания этой нормы, необходимо обратиться к разделу 5 части 3 ГК РФ — «Наследственное право». Как мы видим, правило исключительной подсудности по наследственным делам основано на ч. 3 ст. 1175 ГК РФ, которая устанавливает право кредитора наследодателя предъявить свои требования до принятия наследства наследниками к исполнителю завещания или к наследственному имуществу.

В данном случае можно весьма справедливо отметить, что предъявление иска к наследственному имуществу — юридическая фикция, которая не делает наследство отдельным субъектом права. Её применение связывается с тем, что наследственная масса после открытия наследства и до вступления наследников в права наследования не имеет юридического собственника. В данном случае отсутствием ответчика объясняется отнесение данной категории дел к подсудности суда по месту открытия наследства. По мнению М.К. Треушниковой, данные правила логичны, т.к. после принятия наследства, наследственное имущество может быть поделено, принято одним из наследников с условием выплаты компенсации другому и т.п., а в этом случае правила исключительной подсудности теряют смысл [1].

Таким образом, следует отметить необходимость наличия в процессуальных кодексах отдельных норм об исключительной подсудности. Благодаря их закреплению разрешение отдельных категорий гражданских споров будет происходить более быстро и правило, кроме этого, будут соблюдены интересы сторон.

В отношении отдельных категорий исков, которые подаются по правилам исключительной подсудности в российском гражданском процессе сохраняется некоторая неопределенность в толковании норм. Устранение подобных видится возможным при даче соответствующих разъяснений судами, а также при совершенствовании обозначенных в настоящем исследовании отдельных законодательных положений.

Литература:

1. Махмутилов, М. Р. Исключительная подсудность в гражданском процессе / М. Р. Махмутилов, Д. А. Эльдарова // Проблемы совершенствования законодательства: Сборник научных статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2019. — С. 218–220

2. Егорова, Л. В. Спор о подсудности встречного иска / Л. В. Егорова // Закон и право.— 2018.— № 5.— С. 58–61.
3. Ракина, Л. Н. Исключительная подсудность гражданских дел, вытекающих из договоров перевозки / Л. Н. Ракина // Транспортное право.— 2013.— № 3.— С. 21–25.

Проблемы соотношения видов территориальной подсудности в гражданском процессе

Брык Арина Вадимовна, студент

Научный руководитель: Чекмарева Анастасия Валериевна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящей научной работе автором анализируется существующий порядок применения правил территориальной подсудности, применяемый в рамках современного гражданского процесса. По результатам проведенного исследования автором подчеркивается необходимость обращения внимания законодателя к развитию информационных технологий (в т. ч. дистанционного правосудия), которые должны быть учтены при формировании алгоритма применения правил территориальной подсудности.

Ключевые слова: территориальная подсудность, исключительная подсудность, договорная подсудность, дистанционное правосудие, гражданский процесс.

Problems of correlation of types of territorial jurisdiction in civil proceedings

In this scientific work, the author analyzes the existing procedure for the application of the rules of territorial jurisdiction, applied in the framework of modern civil procedure. According to the results of the study, the author emphasizes the need to draw the attention of the legislator to the development of information technologies (including remote justice), which should be taken into account when forming an algorithm for applying the rules of territorial jurisdiction.

Keywords: territorial jurisdiction, exclusive jurisdiction, contractual jurisdiction, remote justice, civil procedure.

В настоящее время процессуальная доктрина определяет территориальную подсудность, как совокупность ряда процессуальных норм, которые регулируют порядок определения того суда, в котором будет рассмотрено дело в качестве первой инстанции. В данном случае отмечается вторичный по отношению к родовой подсудности характер ввиду того, что речь идет об непосредственном определении в рамках судебного звена.

На законодательном уровне закреплены несколько видов территориальной подсудности, которые представлены в особом порядке, а именно:

- по адресу, месту жительства ответчика,
- по выбору истца,
- исключительная подсудность,
- подсудность нескольких связанных между собой дел,
- договорная подсудность [1].

Вышеуказанное иерархическое деление весьма оправдано в силу необходимости регламентирования особого порядка определения территориальной подсудности. При этом, в процессуальном праве все же присутствуют некоторые коллизии применения тех или иных правил при решении конкретного гражданского спора.

Для гражданского процесса крайне важным признается соблюдение особого алгоритма формирования применения правил территориальной подсудности. Оправдывается данная необходимость тем, что для того, чтобы определить суд первой

инстанции, который будет уполномочен разрешить спор необходимо уточнить точный порядок соответствующих правил, которыми будет руководствоваться как он при рассмотрении спора, так и стороны, обращаясь за защитой своих прав в суд. Кроме этого, важно отметить, что помимо установления вышеуказанного порядка необходимо чтобы данные правила находились в особом соотношении, складывалось полное понимание о том, какие из них имеют приоритет, а какие и носят исключительный характер [2].

Соглашаясь с рядом мнений научного сообщества, следует отметить, что на сегодняшний день признаком первичности и универсальности являются правила общей и альтернативной подсудности. Что касается правил договорной подсудности, то они носят субсидиарный характер, а их применение свойственно лишь при достижении соглашения между сторонами. Природа исключительной подсудности содержит в себе правила императивного характера, подчиняя себе остальные нормы распределения пространственной судебной компетенции.

Как отмечалось в начале, даже при четком построении системы правил определения подсудности, в современном гражданском праве наличествуют некоторые коллизии, возникающие из-за нарушения цели, которая стоит перед институтом подсудности. Так, её основным назначением является обеспечение доступности судебной защиты, а также предсказуемости реализации права на суд, защиты ответчика от необоснованного обращения в суд [2].

Исключительная подсудность, ввиду своей императивности и обладания абсолютным приоритетом по отношению к другим правилам подсудности требует некоторой доработки ввиду новых условий, ранее не известных гражданскому процессу. К таковым следует отнести развитие информационных технологий, которые демонстрируют существенное снижение значения исключительной территориальной подсудности.

Так, гражданские споры в сфере недвижимости на сегодняшний день не требуют от судьи непосредственного изучения её особенностей. Доказательства, которые будут признаны существенными для конкретного дела могут быть получены по результатам экспертиз, либо путем предоставления соответствующих документов, в т.ч. в электронной форме.

Необходимо отметить, что для отказа от императивного характера исключительной территориальной подсудности требуется условный характер всего имущества, которое законом отнесено или приравнено к недвижимому. Очевидно, что для целей судебной защиты характеристика спорного имущества не будет иметь значения, поэтому требуется параллельное переосмысление объектов гражданских прав на уровне материального права.

Обозначенные проблемы правил исключительной подсудности следует применять и к другим видам, к договорной и альтернативной.

Что касается альтернативной, то законодателем её сущность определена в предоставлении дополнительных гарантий доступности судебной защите по ряду вопросов. Так, к таковым относятся семейные и трудовые споры, защита прав потребителей и др.

Для договорной подсудности, в её устоявшемся понимании, свойственная идея реализации сторонами права выбора по распоряжению своими процессуальными правами.

По мере развития информационных технологий, проникающих в том числе в гражданский процесс, справедливо пред-

положить, что правила определения подсудности так же будут некоторым образом адаптированы и изменены. Современные технологические достижения позволяют принимать полноценное участие в рамках конкретного судебного дела находясь удаленно, с использованием сети «Интернет» и дополнительного технического оборудования. Данная практика весьма активно и эффективно была апробирована в период пандемии COVID-19. Статистические данные свидетельствуют, что за 2020 год было проведено порядка 400 000 судебных заседаний с использованием дистанционных технологий [3].

Следовательно, в новых условиях некоторым образом утрачивает свою актуальность традиционный алгоритм определения компетентного суда, который, как уже выяснилось основан на приоритете исключительной территориальной и договорной подсудности.

Резюмируя, справедливо подчеркнуть, что наличие существующих коллизий в гражданском процессе, а именно наличие необоснованного деления института подсудности на широкий круг разновидностей не упрощает, а напротив усложняет процесс выбора суда для подачи искового заявления. Данное положение дел напрямую противоречит основной цели территориальной подсудности — удобству сторон процесса. Кроме этого, обозначенное зачастую свидетельствует о нарушении своевременности отправления правосудия, а также прямо сказывается на качестве выносимых решений.

В данной связи видится необходимым обращение законодателя на пересмотр правил определения компетентного суда. В данном случае крайне важно изменение консервативных взглядов на данную процедуру и учёт распространения дистанционных и упрощённых процессуальных форм. Кроме этого, справедливо отметить необходимость дальнейшей теоретической работы по поставленному в настоящем исследовании вопросу ввиду его крайней важности для современного гражданского процесса.

Литература:

1. Аяганова Б. А. К вопросу о видах подсудности в России // Вестник магистратуры. 2020. № 1–5 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vidah-podsudnosti-v-rossii> (дата обращения: 11.06.2022).
2. Коршакова К. В., Шкурай Т. А. Институт подсудности гражданских дел: современное состояние и проблемы // Право и практика. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-podsudnosti-grazhdanskih-del-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy> (дата обращения: 11.06.2022).
3. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год // URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29651/ (дата обращения 11.06.2022).

Гражданско-правовое регулирование охраны авторских прав в сети Интернет

Ванюшина Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Институт авторского права имеет достаточно длительную историю. Российская Федерация, относясь к романо-германской правовой семье, в определенной степени позаимство-

вала американскую модель развития общества, тем самым без каких-либо существенных изменений приняла западную модель теории авторского права.

С. П. Гришаев определил три основных подхода к правовому регулированию использования интеллектуальной собственности в виртуальной реальности:

- 1) правовая защита авторства в Интернет-сети не имеет смысла в принципе;
- 2) традиционная правовая система не способна обеспечить защиту авторства в Интернет-сети и для этой цели требуется разработка абсолютно нового подхода;
- 3) защита авторства в Интернет-сети с помощью существующей правовой системы осуществима посредством ее некоторого преобразования [10, с. 140].

Отсутствие как таковых правовых ограничений в сети Интернет повлекло формирование потребительского отношения к находящимся в нем объектам авторского права. В то же время информационное пространство настолько своеобразно, что не учитывать его отличительные черты невозможно. В связи с этим необходимо не игнорировать и не уравнивать сеть Интернет с другими объектами авторского права, а заложить фундамент для формирования новых норм, которые смогут регулировать данное правоотношение.

Международное сообщество в целом пошло по третьему пути. При этом активно ведутся дискуссии относительно создания самостоятельной международно-правовой базы, регулирующей вопросы защиты авторских и смежных прав во Всемирной сети Интернет.

Международные договоры, необходимые для регламентации авторских и смежных прав в целом, распространяют свое действие и на авторов произведений в сети Интернет.

Как отмечает Л. А. Новоселова, развитие законодательства, регулирующего общественные отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, на современном этапе приобрело «многовекторный характер» [12, с. 81], который учитывает интересы различных сторон общественных отношений, наличие сложных внутренних системных противоречий и необходимость поиска новых решений в условиях продолжающегося технологического и общественного развития.

В развитии института защиты авторского права современной России можно выделить два переходных этапа. Первый имел место в 90-е годы XX в., с началом перехода РФ к рыночной экономике, и был связан с формированием нового российского законодательства. Именно в данный период появились основополагающие нормативные акты, регламентирующие правовой режим различных результатов интеллектуальной деятельности и особенности защиты прав на них. Второй этап дальнейшего реформирования отечественного законодательства о защите авторского права начался в связи с тем, что РФ с 22.08.2012 стала полноправным членом Всемирной торговой организации (ВТО).

Современное законодательство, регулирующее отношения, связанные с защитой авторского права в сети Интернет, состоит из Конституции РФ [1], ГК РФ [5], УК РФ [2], КоАП РФ [3], ГПК РФ [4], а также специального закона в данной области (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6] (далее — Закон об информации)).

По сведениям на сентябрь 2012 г. РФ оказалась в пятерке государств, где дела, связанные с авторским правом в сети Ин-

тернет, состоят наихудшим образом [13]. В связи с этим возникла необходимость введения новых механизмов борьбы с нелегальными действиями пользователей в сети Интернет. Был принят соответствующий нормативный правовой акт [7]. Данный закон модернизировал законодательство о защите интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет.

Принятие данного закона явилось первым значительным шагом со стороны государства в борьбе с нарушением авторских прав в сети Интернет. Однако «антипиратский» закон вызвал сильную общественную реакцию, критику со стороны научного сообщества. Отмечалось, что «закон технически не соответствует характеру взаимодействий в коммуникационных сетях, страдает размытостью понятий и не разрешает фундаментальных проблем информационного сообщества». Недостатки данного нормативного правового акта были выявлены и практикой его применения, что обусловило необходимость его совершенствования.

Позднее в действие был введен «антипиратский» закон 2015 г. [8], который внес изменения в Закон об информации и ГПК РФ.

Результатом применения данного закона стало первое решение Мосгорсуда от 14.10.2015 о пожизненной блокировке торрент-трекера RuTrfcker.org и еще 11 сайтов с пиратским контентом (bobfilm.net, dream-film.net, kinokubik.com, kinozal.tv, kinobolt.ru, rutor.org, seedofT.net, torrentor.net, tushkan.net, tv.serial-online.net, wood-film.ru.). Ранее Мосгорсуд блокировал лишь отдельные страницы с пиратскими копиями фильмов или сериалов [11, с. 94].

Однако, по мнению аналитика Российской ассоциации электронных коммуникаций К. Казаряна: пользователи RuTracker.org будут все равно заходить на сайт с помощью мер обхода, из этого можно сделать вывод, что блокировка в какой-то степени бесполезна [14].

Введенные в 2015 г. законоположения подверглись критике. По мнению некоторых специалистов, главным недостатком «антипиратского закона» явилось то, что его действие направлено на решение проблем правообладателей в ущерб интересам других лиц.

С учетом анализа практики был принят «антипиратский» закон 2017 г. [9].

Анализ нововведений в области защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет позволяет выделить следующие тенденции:

- 1) расширение круга объектов «антипиратских» процедур: от фильмов (аудиовизуальных произведений) до любых объектов авторских прав, за исключением фотографий;
- 2) увеличение количества мер и процедур, направленных на ограничение распространения информации, нарушающей интеллектуальные права в сети Интернет: предварительные обеспечительные меры по исковым требованиям о защите авторских прав; судебное рассмотрение требований о защите авторских прав в сети Интернет; порядок ограничения доступа к сайтам по решению суда; порядок ограничения доступа к сайтам на постоянной основе по решению суда; порядок признания сайта «зеркалом» заблокированного сайта; порядок ограничения доступа к «зеркалу»;

3) расширение круга субъектов, вовлеченных в процесс по защите авторских прав: правообладатели; суд; Роскомнадзор; владельцы сайтов; провайдеры хостинга; операторы связи; операторы поисковых систем; Министерство связи России.

Таким образом, «антипиратские поправки» в первую очередь затронули механизм процессуальной и административной

защиты. При неизменности прав и обязанностей правообладателей создание «антипиратского механизма», состоящего из судебной и административной процедур, включило в него информационных посредников путем введения для последних дополнительных обязанностей, направленных на пресечение нарушений исключительных прав в Интернете.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с послед.изм.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с послед.изм.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с послед.изм.) // Российская газета. 2001. 31 декабря.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с послед.изм.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с послед.изм.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с послед.изм.) // Российская газета. 2006. 29 июля.
7. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ (с послед. изм.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Российская газета. 2013. 10 июля.
8. Федеральный закон от 24.11.2014 № 364-ФЗ (с послед.изм.) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 27 ноября.
9. Федеральный закон от 01.07.2017 № 156-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 27. Ст. 3953
10. Гришаев С. П. Интеллектуальная собственность. М.: Юрист, 2014. 340 с.
11. Гуде С. В., Петрищева Е. Н. Актуальные проблемы и направления правового регулирования защиты авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Юрист — Правовед. 2016. С. 93–98.
12. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма. 2014. 128 с.
13. Пираты идут полным ходом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru>.
14. Российской ассоциации электронных коммуникаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://raec.ru>.

Методика расследования ДТП

Галушкина Валерия Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В предложенной статье рассматриваются основные методики расследования уголовных дел, сопряженных с дорожно-транспортными происшествиями, приводится разделение методов на нормативные и криминалистические. В заключении статьи замечается, что в ближайшее время поднятая проблема останется одной из самых острых в уголовно-правовой теории и следственной практике, несмотря на совершенствование криминалистической техники

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, нормативные методы, криминалистические методы, предварительное следствие, судебная практика

В условиях непрекращающегося развития автотранспортной системы дорожно-транспортные происшествия становятся одной из основных причин массовой гибели людей и получения физических травм различной степени тяжести. Не-

смотря на то, что по данным Научного центра безопасности дорожного движения при Министерстве внутренних дел Российской Федерации количество дорожно-транспортных происшествий, число раненых и умерших за 9 месяцев 2021 года

достигло наименьших значений за четыре года наблюдений (96314 ДТП, 121573 раненых, 10516 погибших за 9 месяцев 2021 года против 121710 ДТП, 155859 раненых и 13521 погибших за 9 месяцев 2017 года) [12], проблема предотвращения дорожно-транспортных происшествий остается одной из основных в практической деятельности правоохранительных органов и, в частности, органов обеспечения безопасности дорожного движения.

В соответствии с легальным определением, дорожно-транспортное происшествие — это «событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб» [1]. Следовательно, очевидным представляется тот факт, что далеко не все дорожно-транспортные происшествия являются объектом внимания следственных органов. Речь идет в основном о тех ДТП, которые повлекли причинение тяжкого вреда здоровью, смерть одного лица, смерть двух и более лиц с формой вины в виде косвенного умысла (неосторожности), а также о таких сопряженных с основными квалифицирующими составами, как оставление места совершения преступления и нахождение виновного лица в состоянии алкогольного опьянения (статья 264 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2].

Если дорожно-транспортное происшествие повлекло за собой вышеозначенные общественно-опасные последствия, то стоит говорить о преступлении, которое подлежит расследованию. А там, где речь идет о расследовании, стоит говорить о соответствующих методиках его проведения. Методика расследования ДТП — это совокупность приемов, способов и подходов, которыми руководствуются компетентные органы следствия при установлении обстоятельств совершения преступлений, сопряженных с дорожно-транспортными происшествиями.

Методики расследования ДТП стоит подразделять на нормативные и, собственно, криминалистические. Нормативные методики расследования ДТП — это набор тех указаний уголовно-процессуального характера, которыми руководствуются сотрудники органов следствия при расследовании ДТП. Криминалистические методики расследования ДТП — это набор технических приемов, средств и способов криминалистической науки, которые служат установлению обстоятельств совершения преступления.

Нормативная методика расследования ДТП включает в себя в основном требования, касающиеся порядка проведения предварительного расследования. Предварительное расследование проводится в форме предварительного следствия, так как проведение дознания для данной категории дел не предусмотрено. Субъектом предварительного расследования являются сотрудники следственных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, так как данная категория дел в со-

ответствии со статьей 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации относится к их подследственности [3]. Использование приемов предварительного расследования начинается сразу с момента возбуждения уголовного дела. Основным приемом предварительного расследования являются следственные действия, для участия в которых могут быть приглашены понятые, эксперты и переводчики.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает следующие виды следственных действий при расследовании дел, сопряженных с дорожно-транспортными происшествиями: допрос, следственный эксперимент, обыск, выемка, освидетельствование, личный обыск, очная ставка, опознание. Данный перечень, однако, является открытым.

В контексте нормативных методик расследования дорожно-транспортных происшествий интересным представляется вопрос о допустимости отнесения актов высших судебных органов (в частности, Постановлений Пленумов ВС РФ) к числу источников методических рекомендаций по расследованию ДТП. С одной стороны, данные акты даже для нижестоящих судов не являются обязательными, поскольку следствие руководствуется, в конечном счете, уголовным законом и, следовательно, они не являются обязательными для органов расследования дел о ДТП. С другой стороны, в Постановлениях Пленума ВС РФ содержатся те рекомендации, которые основаны на анализе многочисленной судебной практики, что в необходимом порядке должно учитываться органами следствия, поскольку результаты расследования, в конечном счете, будут переданы для соответствующей оценки судом.

Если говорить о криминалистических методиках расследования ДТП, то стоит заметить, что исчерпывающий перечень таковых подходов отсутствует. Это объясняется исключительностью каждого дела, сопряженного с ДТП, которое, стало быть, требует особых, исключительных методов. Тем не менее, анализ научной литературы по данной тематике позволяет заключить, что основными криминалистическими методиками расследования ДТП являются следующие приемы: работа профессиональных психологов [5], интерпретация средств видеオフィксации [7], версионная работа, выявление свидетелей [11] с целью организации допроса.

В заключение заметим, что затронутая нами лишь в наиболее общем, фрагментарном виде проблема, на наш взгляд, в ближайшее время останется одной из самых острых в уголовно-правовой теории и следственной практике. Совершенствование криминалистической техники, безусловно, позволит эффективнее проводить следственные действия, однако данное конкретное обстоятельство, к сожалению, едва ли будет способно сократить те негативные общественно-опасные последствия, которые возникают вследствие дорожно-транспортных происшествий.

Литература:

1. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., № 50, ст. 4873.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
4. Постановление Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 22 ноября 1993 г., № 47, ст. 4531.
5. Безруков Ю. И. Специальные (психологические) знания и их использование в деятельности полиции при расследовании ДТП (теоретико-методологический аспект) // Вестник Удмуртского университета: Экономика и право. 2015. Том 25. Выпуск 6. С. 116–123.
6. Безруков Ю. И. Работа специалиста-психолога в расследовании дорожно-транспортных происшествий // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 4. С. 126–128.
7. Грибунов О. П., Коновалов А. И. К вопросу использования средств видеозаписи в расследовании дорожно-транспортных происшествий // Вестник Уральского юридического института МВД РФ. 2018. № 3. С. 29–32.
8. Кисляков С. В. Использование информации с камер видеонаблюдения на первоначальном этапе расследования дорожно-транспортного преступления // Академическая мысль. 2018. № 2 (3). С. 72–74.
9. Коновалов А. И. Планирование и его роль в версионной работе по отработке следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования ДТП // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (2). С. 26–32.
10. Латыпова К. С. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования по делам о ДТП // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2 (2). С. 256–260.
11. Фролов В. В. Организация выявления свидетелей и их допрос при расследовании ДТП // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 261–264.
12. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Научный центр безопасности дорожного движения. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2256058> (Дата обращения: 05.01.2021).

Актуальные проблемы кадровой политики в органах прокуратуры и пути их разрешения

Гаплаев Алим Магомедович, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор детально рассматривает проблемы кадровой политики и пытается предложить варианты по их разрешению.

Ключевые слова: организация прокуратуры, прокурорская деятельность, аттестационная комиссия, государственная служба, кадровая политика, служба в органах прокуратуры, аттестация, наставничество.

Пополнение прокуратуры юридически грамотными кадрами, обладающими необходимыми профессиональными и моральными качествами, — одно из необходимых условий успешного выполнения стоящих перед ней целей и задач по укреплению законности, защите прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства.

Служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, представляет собой вид федеральной государственной службы, осуществляемой прокурорскими работниками (прежде всего, прокурорами) и лицами, занимающие должности федеральной государственной гражданской службы. При этом законодатель наделил прокурорских работников особым правовым статусом, необходимым и ровно в той мере, которая обусловлена специальным характером задач прокурорской деятельности.

Анализ практики говорит о необходимости закрепления в законодательстве положений о формировании аттестаци-

онной комиссии возможного возникновения конфликта интересов¹, который мог бы повлиять на рекомендации комиссии. Следует также конкретизировать сроки утверждения и критерии учета решений аттестационной комиссии при принятии последующих кадровых решений руководителями органов и организаций прокуратуры.

Кроме того, в целях расширения форм участия общественности в прокурорской деятельности можно рассмотреть вопрос о включении представителей общественности в составы аттестационных комиссий при органах и организациях прокуратуры, а также в целом внедрить институт общественной оценки такой деятельности, которая будет учитываться при определении эффективности работы прокурорских работников.

Введение в состав таких комиссий в качестве независимых экспертов представителей научных и образовательных организаций — специалистов по вопросам прокурорской деятельности также может способствовать более эффективному при-

¹ Генеральным прокурором Российской Федерации издан приказ от 11.11.2014 № 611 «О комиссиях органов и организаций прокуратуры Российской Федерации по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», определяющий порядок образования соответствующей комиссии, ее работу, компетенцию, а также виды принимаемых ею решений.

менению института аттестации прокурорских работников, позволит расширить применение научных методов оценки профессиональных и личных качеств аттестуемых.

Данные вопросы приобретают огромное значение и должны стать одними из основных направлений модернизации государственно-служебных отношений, поскольку перспективы развития самой прокуратуры, как и любого иного государственного органа, во многом определяются качественным составом кадров, их профессиональной, деловой и моральной подготовленностью к выполнению возложенных на них функций.

Решение проблемы повышения профессионализма кадрового состава органов и организаций прокуратуры будет способствовать:

1) совершенствование института наставничества [11], предусматривающее:

— создание в каждой региональной прокуратуре и в Генеральной прокуратуре Российской Федерации советов наставников, в задачи которых могли бы входить: подбор наставников и координация их деятельности, оказание методической и практической помощи наставникам, распространение положительного опыта наставнической работы, заслушивание отчетов о проделанной работе;

— определение критериев, которым должен соответствовать наставник (в части стажа службы, отсутствия фактов дисциплинарных взысканий, профессиональных и личных качеств и др.), максимального количества молодых специалистов, которые могут быть закреплены за одним наставником;

— разработку и нормативное закрепление критериев оценки эффективности воспитательной работы с молодыми специалистами [12], установление обязательности подготовки по окончании периода наставничества для дальнейшего предоставления руководству и аттестационной комиссии отчета о выполнении индивидуального плана воспитания и обучения молодого специалиста, результатах выполнения таких обязанностей на соответствующих должностных лиц, необходимом уровне профессиональных знаний, развития навыков и умений, способности эффективно исполнять служебные обязанности и др.;

— установление ряда стимулирующих мер для наставников (к примеру, в виде постоянных дополнительных выплат, применения мер материального и иного поощрения), что будет способствовать признанию их заслуг, повышению самооценки и авторитета среди коллег;

2) формализация процесса индивидуальной профессиональной подготовки (профессионального развития) путем определения обязательных для изучения тематик и направлений совершенствования, учитываемых при формировании планов такой подготовки;

3) возврат к широко применявшейся в ранее (в советское время) практике командирования работников в другие региональные, районные прокуратуры для обмена опытом в целях получения навыков и знаний у более опытных коллег.

Еще одна проблема заключается в вопросе социальных гарантий для лиц, работающих в органах и организациях прокуратуры (не только при прохождении службы, но и после ее прекращения). Общие гарантии выполнения служебных пол-

номочий предоставляются каждому из них независимо от статусных различий. Весьма условно можно разделить на следующие две основные группы:

— служебные гарантии, направленные на обеспечение исполнения функциональных обязанностей: создание условий исполнения должностных полномочий, денежное содержание и иные выплаты; защита служащего и членов семьи от насилия и угроз, других неправомерных действий в связи с исполнением им должностных обязанностей; обеспечение служебным транспортом и т.п.

— социально-экономические гарантии: ежегодный оплачиваемый отпуск; медицинское обслуживание работника и членов его семьи, в том числе после выхода на пенсию; переподготовка (переквалификация); обязательность согласия на перевод на другую должность; пенсионное обеспечение за выслугу лет; обязательное государственное страхование; обязательное социальное страхование.

Считается, что возможное изменение наименования ст. 44¹ «Обеспечение прокуроров жилыми помещениями» Закона о прокуратуре на «Обеспечение прокурорских работников жилыми помещениями» содержательно расширит круг лиц, которым адресовано содержание данной статьи, предусмотрев в ее положениях возможность получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилья прокурорскими работниками, а не исключительно прокурорами.

Относительно расширения соответствующих социальных гарантий по кругу субъектов, представляется также возможным рассмотреть вопрос о внесении изменений в п. 5 ст. 44 Закона о прокуратуре с тем, чтобы предоставление места в образовательных организациях во внеочередном порядке распространялось на детей не только прокуроров, но и иных прокурорских работников (при этом уместно вести речь не только об «общеобразовательных организациях, имеющих интернат», но и о любых других общеобразовательных организациях). Обозначенные изменения могут найти свое место в соответствующих нормах Закона о прокуратуре.

Только путем таких программных и системных мер может быть обеспечена разработка и внедрение принципиально новых механизмов формирования высокопрофессионального, компетентного и стабильного кадрового состава государственных органов, основанного на принципах построения модели профессиональной карьеры [13], дальнейшее совершенствование механизмов прохождения государственной службы и управления ею [14], обеспечение независимости служебных отношений от воздействия различных социально-политических факторов.

Исключительно основанная на конституционных нормах и складывающемся специальном законодательстве модернизация государственной службы позволит существенно повысить эффективность государства, сформировать государственный аппарат, оптимальный по численности и квалификации кадров, что в конечном счете благотворно скажется на реализации прав и свобод человека и гражданина во всех сферах общественной жизни, сделает их реальными для каждого россиянина [15].

Первоначальным шагом к достижению таких задач должно стать осознание того, что состояние кадрового потенциала государственного аппарата определяет не только результативность в достижении целей, поставленных перед конкретными государ-

ственными органами, но и эффективность деятельности всего государственного механизма как гаранта формирования сильного государства [16], стабильного развития его демократических начал и становления современного гражданского общества.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 18 февраля.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 31 мая.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 июля.
4. Указ Президента Российской Федерации от 21.11.2012 № 1563 (ред. от 02.12.2021) «О классных чинах прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 48. Ст. 6662.
5. Указ Президента Российской Федерации от 05.07.2021 № 403
6. «Об общей штатной численности органов прокуратуры Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 28 (часть I). Ст. 5490.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.03.1996 № 242 (ред. от 26.01.2012) «О продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска, предоставляемого прокурорам, работающим в местностях с тяжелыми и неблагоприятными климатическими условиями» // Российская газета. 1996. 16 марта.
8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 03.11.1999 № 82 «О присяге прокурора (следователя)» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Т. 2. — Тула: Издательский дом «Автограф», 2004. — С. 58, 59.
9. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 06.08.2002 № 48 (ред. от 05.12.2016) «О полномочиях руководителей органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации в дисциплинарной и некоторых других сферах» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Т. 2. — Тула: Издательский дом «Автограф», 2004. — С. 39–41.
10. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114 (ред. от 16.09.2020) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2010. № 6. С. 68–69; 2021. № 6. С. 66–76.
11. Ковтков Д. И. Наставничество на гражданской службе // Законодательство и экономика, 2016. № 11. С. 41–53.
12. Хатов Э. Б. Воспитательная работа с молодыми специалистами в органах прокуратуры: понятие и правовые основы // Lex russica. 2016. № 12. С. 145.
13. Стелина Я. Теоретические концепции института государственной службы // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 2. С. 27.
14. Нагорных Р. В. О содержании административно-правового механизма формирования и реализации кадровой политики в правоохранительной сфере // Административное право и процесс, 2009. № 3. С. 15–18.
15. Двадцать лет Конституции Российской Федерации: юридическая наука и практика. — М.: Институт государства и права РАН, 2013. — С. 24.
16. Государственная служба и служебное право: учебное пособие / Ю. Н. Стариков. — М.: Норма; Инфра-М, 2018. С. 219–221.

Правовой режим наименований мест происхождения товаров и географических указаний

Гараева Мадина Руслановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Арсланов Камиль Маратович, доктор юридических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья посвящена анализу правового режима наименований мест происхождения товаров и географических указаний. Подчеркивается, что установление правового режима географических указаний является новеллой действующего гражданского законодательства Российской Федерации. На основе системного и формально-юридического анализа раскрывается соотношение категорий «наименование места происхождения товаров» и «географическое указание». Обращается внимание на то, что, в отечественной гражданско-правовой доктрине есть противники установления на законодательном уровне правового режима географических указаний вследствие того, что анализируемая категория обладает сходством с категорией место происхождения товаров. Автор

положительно оценивает введение правового режима географических указаний, поскольку рассматриваемая новелла установила упрощенную процедуру регистрации и продвижения, уникальных не только с точки зрения географического происхождения, но и с исторического значения региональных брендов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, исключительное право, интеллектуальные права, указания происхождения товаров, географические указания, наименования мест происхождения товаров, регистрационный принцип, географический объект.

Legal regime of appellations of origin of goods and geographical indications

The article is devoted to the analysis of the legal regime of appellations of origin of goods and geographical indications. It is emphasized that the establishment of the legal regime of geographical indications is a novelty of the current civil legislation of the Russian Federation. On the basis of a systematic and formal legal analysis, the correlation of the categories «name of the place of origin of goods» and «geographical indication» is revealed. Attention is drawn to the fact that, in the domestic civil law doctrine, there are opponents of the establishment at the legislative level of the legal regime of geographical indications due to the fact that the analyzed category has similarities with the category of place of origin of goods. The author positively assesses the introduction of the legal regime of geographical indications, since the novel in question established a simplified procedure for registration and promotion, unique not only from the point of view of geographical origin, but also from the historical significance of regional brands.

Keywords: intellectual property, means of individualization, exclusive right, intellectual rights, indications of the origin of goods, geographical indications, names of the places of origin of goods, registration principle, geographical object.

Категории «наименование мест происхождения товаров» и «географические указания» являются центральными категориями института интеллектуальной собственности в отечественном гражданском праве и представляют объект повышенного научного интереса. В числе современных представителей отечественной цивилистики, занимающихся изучением обозначенных категорий, особо следует отметить таких авторов, как: В. С. Знаменская, А. Н. Левушкин, М. С. Руженцева, О. А. Рузакова, М. А. Салтыков, О. Ю. Широкова и другие [1, 5–8, 11].

Проведенный анализ научной литературы позволяет прийти к выводу, о том, что в современной отечественной гражданско-правовой доктрине дискуссионным является вопрос относительно целесообразности законодательной новеллы, установившей правовой режим географических указаний.

Предпосылкой для расширения перечня средств индивидуализации посредством установления правовой охраны географических указаний послужили возникающие в отечественной судебной практике проблемы соотношения различных видов географических обозначений, а также столкновения прав на них [2, 3].

Представляется важным отметить, что первоначально в ГК РФ был установлен законодательный подход, в соответствии с которым был установлен ограничительный законодательный подход, устанавливающий закрытый перечень результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Как справедливо отмечает М. А. Федотов, «установление на законодательном уровне закрытого перечня объектов интеллектуальной собственности позволяет предположить, что в условиях современной отечественной правовой действительности отсутствует возможность введения новых разновидностей интеллектуального продукта» [9, с. 8].

В соответствии с противоположной точкой зрения, «при возникновении нового вида результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации с целью установления его правовой охраны законодательный перечень средств индивидуализации может быть расширен с одновременным закреплением в ГК РФ норм, регламентирующих правовую охрану прав, возникающих в отношении такого объекта» [4, с. 4].

Проведенный формально-юридический анализ параграфа 3 Главы 76 ГК РФ «Право на географическое указание и наименование места происхождения товара» позволяет прийти к выводу о том, что «географические указания» и «наименования мест происхождения товара» являются близкими по своей правовой сущности категориями. К числу их сходств относится то, что они представляют собой средства обозначения изделий, указывающие на страну, местность, другой географический объект происхождения товара. Анализируемые категории призваны выполнять индивидуализирующую, рекламную, информативную функции, вследствие чего, должны отражать истинные сведения и не вводить в заблуждение потребителей.

Таким образом, географические указания включаются законодателем, наряду с иными обозначениями товаров, в перечень средств индивидуализации.

Проведенный формально-юридический анализ п. 3 статьи 1516 ГК РФ позволяет прийти к выводу о том, что анализируемые категории обладают определенными сходствами. В частности, у правообладателей отсутствует возможность распоряжения правом на указанные объекты (п. 6 статьи 1519 ГК РФ), если совпадают способы использования географических указаний и наименований мест происхождения товара. Приведенные обстоятельства позволяют утверждать, что категории «географические указания» и «наименования мест происхождения товара» соотносятся между собой как род и вид.

В отечественной гражданско-правовой доктрине высказывается мнение относительно целесообразности именовать рассматриваемые категории «квалифицированными средствами индивидуализации». Аргументом в пользу подобного предложения служит то обстоятельство, что «в формировании географического обозначения указание на географическое происхождение товара имеет индивидуализирующее свойство, определяющее особое качество и характеристики товара» [10, с. 14].

Вместе с тем, существуют и значительные отличия географических указаний от наименований мест происхождения товаров.

1) Наименование мест происхождения товаров употребляется с целью обозначения товара, особые свойства которого определяются характерными для данного географического объекта природными условиями (людскими факторами), т.е. влияния географической среды на качество или специфику товара носит определяющий характер. При этом географическое указание используется при наличии связи качества, репутации или иной характеристики товара с его географическим происхождением, что дает возможность отличать товары, обозначенные географическим указанием от однородных товаров.

2) В отношении географических указаний допускается, что на территории соответствующего географического объекта может производиться лишь один из этапов изготовления товара, который оказывает значительное влияние на формирование характеристик товара. В свою очередь наименование мест происхождения товара служит средством индивиду-

ализации товара, особые свойства которого обладают максимальной связью с определенной местностью. В то же время на территории географического объекта должны производиться все этапы производства товара, которые оказывают значительное влияние на формирование особых свойств товара, т.е. сырье и его переработка должны осуществляться на территории одного географического места. Приведенное отличие правового режима анализируемых средств индивидуализации влияет на процедуру их регистрации.

3) В отличие от географического указания, которое может выражаться как в словесной форме, так и в иных формах, к примеру, посредством художественного изображения, наименование мест происхождения товара всегда выражается в словесной форме.

4) В соответствии со статьей 1520 ГК РФ различаются знаки охраны географических указаний и наименований мест происхождения товара (предупредительная маркировка).

Подводя итог проведенному исследованию, представляется важным отметить, что установление сходств и отличий между категориями «географические указания» и «наименования мест происхождения товара» обладает не только научным, но и прикладным значением. Так, посредством установления сходств анализируемых категорий, наименования мест происхождения товара и заявки на них могут быть преобразованы в географическое указание и заявку на географическое указание, и наоборот. При этом принимая во внимание вышеназванные отличия в формировании механизма правовой охраны анализируемых средств индивидуализации, следует установить законодательные критерии такого преобразования.

Литература:

1. Знаменская В.С. Конфликт прав на наименование места происхождения товара и товарный знак // БИС. 2015. № 12. С. 11–18.
2. Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2016 г. № 304-КГ15–17805 по делу № А03–24423/2014 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22012016-n-304-kg15-17805-po-delu-n-a03-244232014/> (дата обращения: 10.06.2022).
3. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27 декабря 2010 г. № Ф03–9234/2010 по делу А 51–3036/2010 // СПС «Консультант Плюс».
4. Право интеллектуальной собственности: учебник / И. А. Близнец, Э. П. Гаврилов [и др.], под ред. И. А. Близнеца. М.: Проспект, 2013. 960 с.
5. Рабец А. П. О некоторых аспектах правовой охраны географических указаний в качестве новых объектов интеллектуальных прав // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 140–151.
6. Рузакова О. А. Географические указания как средство индивидуализации товаров: перспективы развития российского законодательства // Экономика. Право. Общество. № 4 (16). 2018. С. 6–11.
7. Руженцева М. С., Левушкин А. Н. Проблемы использования географических названий для маркировки товаров и услуг [Электронный ресурс]. URL: <http://adm.nauka20-35.ru/Files/ArticleFiles/6825065c-30b4-4437-938c-06c454138bb5.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).
8. Салтыков М. А. Правовая охрана наименования места происхождения товара как одного из объектов интеллектуальных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М. А. Салтыков. М., 2012. 182 с.
9. Федотов М. А. Прощание с принципами (вопрос дифференциации в законодательстве об интеллектуальной собственности) // Российская юстиция. 2006. № 8. С. 8–10.
10. Шахназарова Э. А. Охрана географических обозначений в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Э. А. Шахназарова. М., 2019. 33 с.
11. Широкова О. Ю. Виды средств индивидуализации товара, происходящего с определенной территории: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. Ю. Широкова. М., 2016. 174 с.

К вопросу о видах процессуального статуса адвоката в уголовном процессе

Григорьев Илья Олегович, студент
Тольяттинский государственный университет

В статье рассматриваются основные аспекты участия адвоката в уголовном процессе в различных правовых статусах — в качестве защитника, представителя и лица, оказывающего правовую помощь. Установлено, что некоторые нормы, закрепляющие правовой статус адвоката-защитника и адвоката-представителя нуждаются в совершенствовании. Также указано на необходимость правовой регламентации процессуальной функции адвоката, связанной с оказанием им правовой помощи.

Ключевые слова: адвокат, уголовный процесс, защитник, представитель, правовая помощь.

Из п. 5 ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9] следует, что в рамках уголовного процесса адвокат может выступать в качестве представителя или защитника, то есть может выполнять различные процессуальные функции. Проанализируем эти функции несколько подробнее.

Адвокат как защитник в уголовном процессе. Участие адвоката в уголовном процессе в роли защитника является одной из наиболее важных гарантий прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого). Именно эта роль адвоката уравнивает (или хотя бы максимально приближает) права лица, находящегося под уголовным преследованием, с правами иных профессиональных участников уголовного судопроизводства — следователя, государственного обвинителя.

Защитником, согласно ч. 1 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [11] (далее — УПК РФ) признается «лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». Деятельность адвоката-защитника сводится к выявлению обстоятельств, которые оправдывают подозреваемого или обвиняемого, смягчают его ответственность и (или) наказание, освобождают его от уголовной ответственности и (или) наказания. Также адвокат-защитник выявляет допущенные в рамках уголовного судопроизводства нарушения прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и требует их устранения [7, с. 185]. Последняя из названных функций адвоката в правовой литературе рассматривается как функция публичного характера [12, с. 569].

УПК РФ закреплен перечень случаев, при которых участие защитника в уголовном процессе обязательно — они перечислены в ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В научной литературе высказываются предложения по совершенствованию указанной нормы. Так, например, некоторые исследователи целесообразным считают обязательное привлечение защитника в случае, если обвиняемый является неграмотным, поскольку в таком случае он «не способен даже просто ознакомиться с содержанием процессуальных документов и, безусловно, нуждается в дополнительных гарантиях защиты его прав и законных интересов» [8].

В УПК РФ четко не определены обязанности адвоката-защитника. Некоторые из них закреплены в уголовно-процессуальном законе в виде запрещающих норм. Так, например, согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ одно и то же лицо не может быть

защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого, а в соответствии с ч. 7 ст. 49 УПК РФ не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Как отказ от принятой на себя защиты трактуется, в частности занятие адвокатом по делу позиции и действие вопреки своего подзащитного, за исключением случаев, когда защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного [3, с. 311]. Запрет на такого рода действия прямо установлен в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексе профессиональной этики адвоката [4].

Адвокат как представитель в уголовном процессе. Что касается процессуальной функции представителя, то согласно ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55 УПК РФ адвокат может выполнять ее в отношении потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. В таком случае адвокат наделяется обязанностью действовать согласно закону в интересах названных лиц [12, с. 570]. Для реализации этой задачи представителю предоставляются те же полномочия, которыми обладает представляемое лицо (ч. 3 ст. 45, ч. 2 ст. 55 УПК РФ). Уголовно-процессуальным законодательством также предусмотрены случаи обязательного участия в процессе представителя потерпевшего. Однако соответствующий перечень обстоятельств значительно уже, чем в случае с обязательным участием в уголовном судопроизводстве защитника. Так, согласно ч. 2 ст. 45 УПК РФ участия представителя потерпевшего обязательно, только если последний является (1) несовершеннолетним или (2) по своему физическому или психическому состоянию лишен возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Некоторые исследователи такое положение рассматривают как нарушение конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации). Еще одним основанием обязательного участия адвоката-представителя потерпевшего в уголовном процессе можно считать положение ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ. Согласно указанной норме «по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом».

В научной литературе высказывается мысль о том, что, выступая в роли защитника, адвокат является не кем иным, как

представителем подозреваемого или обвиняемого [10, с. 359]. Такая позиция подвергается серьезной критике в современной научной литературе. Основным аргументом при этом выступает то, что адвокат как защитник «занимает в некоторой степени самостоятельное положение по отношению к обвиняемому. Самостоятельность позиции защитника по отношению к обвиняемому допускает несовпадение точек зрения адвоката и обвиняемого по различным вопросам, но она не может приводить к кардинальным расхождениям между основными позициями адвоката и обвиняемого, что предавало бы защите формальный характер» [5, с. 28]. Кроме того, участие в уголовном процессе защитника не исключает обязательности участия обвиняемого — он не имеет возможности передать все принадлежащие ему права защитнику и полностью заменить им себя [1, с. 34]. Следовательно, говорить о представительстве в данном случае нельзя.

Иные процессуальные функции адвоката в уголовном процессе. Ряд исследователей упоминает о еще одной процессуальной функции адвоката, которая не нашла прямого закрепления в нормах УПК РФ — адвокат, оказывающий юридическую помощь свидетелю. Н. А. Кузнецова полагает, что, выполняя соответствующую роль, адвокат «не является ни защитником, ни представителем», и поэтому процессуальный статус такого лица должен быть регламентирован на законодательном уровне [6, с. 315]. Такую позицию следует поддержать, поскольку процессуальное положение свидетеля в значительной мере отличается от статуса обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. Все перечисленные лица имеют в рамках уголовного дела собственный правовой интерес, выполняют активную роль. В то же время роль свидетеля в уголовном судопроизводстве пассивна, личный правовой интерес в результате рассмотрения уголовного дела отсутствует. Кроме того, свидетель, равно как и обвиняемый, не может переложить свои полномочия на адвоката — он все реализует их сам. Следовательно, адвокат свидетеля не является его представителем. Учитывая это, а также большое значение фигуры свидетеля для правильного разрешения уголовного дела

(только он может сообщить известные ему сведения, имеющие значение по делу) полагаем, что в УПК РФ должны найти отражение полномочия адвоката свидетеля. В настоящее время уголовно-процессуальный закон содержит лишь фрагментарные сведения о правах и обязанности такого лица — они отражены в виде права свидетеля являться на допрос с адвокатом (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) и статьях, регламентирующих осуществление отдельных следственных действий (например, ч. 5 ст. 189 УПК РФ).

Не регламентированным в действующем УПК РФ осталось не только правовое положение адвоката свидетеля, но и лица, привлекаемого к проверке сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ) и лица, в помещении которого проводится обыск (ч. 11 ст. 182 УПК РФ) [2, с. 55]. Это обстоятельство также может приводить к правоприменительным трудностям и нарушению прав и законных интересов названных лиц.

Итак, в результате проведенного анализа обобщено, что перечень прав и обязанностей, которыми наделяется адвокат, различается в зависимости от той процессуальной функции, которую он выполняет. В современном российском уголовном процессе адвокат может выступать в роли защитника (если он действует в интересах подозреваемого или обвиняемого), представителя (если он действует в интересах гражданского истца или ответчика, потерпевшего, частного обвинителя), а также оказывать правовую помощь свидетелю, лицу, привлекаемому к проверке сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела и лицу, в помещении которого проводится обыск. Последняя процессуальная функция адвоката не регламентирована действующим УПК РФ. Некоторые нормы, закрепляющие правовой статус адвоката-защитника и адвоката-представителя нуждаются в совершенствовании. В частности, среди исследователей активно поддерживается предложение об изменении процессуального порядка признания доказательствами тех сведений, которые были собраны адвокатом, о расширении оснований обязательного участия в уголовном процессе адвоката-защитника и адвоката-представителя потерпевшего и т. д.

Литература:

1. Джатиев, В. С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе / В. С. Джатиев. — Орджоникидзе, 1987. — 80 с.
2. Иконникова, М. М. К вопросу о процессуальном статусе адвоката в уголовном судопроизводстве / М. М. Иконникова, А. В. Маслов // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 62–15. — С. 53–57.
3. Коваль, В. А. Проблема расхождения позиций адвоката (защитника) и обвиняемого (подсудимого) / В. А. Коваль // Молодой ученый. — 2018. — № 20 (206). — С. 310–312.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката (с изм. и доп. утв. X Всероссийским съездом адвокатов 15.04.2021). — URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 20.05.2022).
5. Кречетова, Л. В. Защитник в уголовном процессе: учебное пособие / Л. В. Кречетова. Оренбург: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета, 2000. — 104 с.
6. Кузнецова, Н. А. Адвокат, оказывающий юридическую помощь свидетелю, как участник уголовного процесса / Н. А. Кузнецова // Инновации. Наука. Образование. — 2020. — № 20. — С. 311–317.
7. Кузьмичева, А. В. Значение и проблемы реализации защиты в уголовном процессе / А. В. Кузьмичева // Инновационные научные исследования. — 2020. — № 12–3(2). — С. 185.
8. Локтевич, О. И. Обязательное участие защитника в уголовном процессе: краткий обзор законодательства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации / О. И. Локтевич, Ю. А. Матвейчев [Электронный ресурс]. — URL: http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20180510130646_20170608090427_Loktevich_Matveichev.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

9. Об адвокатской деятельности и адвокатуре: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
10. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. / М. С. Строгович. — М.: Издательство «Наука», 1968. — 468 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921.
12. Эльдерова, К. А. К вопросу о статусе и роли адвоката в уголовном процессе / К. А. Эльдерова // Аллея науки. — 2020. — Т. 1. — № 5(44). — С. 568–571.

Сравнительный анализ проведения оперативно-розыскной деятельности на территории Российской Федерации и Германии

Дедоров Никита Дмитриевич, студент магистратуры
Тверской государственной университет

На сегодняшний день оперативно-розыскная деятельность по своему характеру, целям и способам их непосредственного достижения не может в целом не ограничивать прав и свобод человека и гражданина.

Однако, установленное право государства на вмешательство в личную жизнь граждан на выделенной основе закона и в целях организованной борьбы с преступностью как правило, полностью соответствует представленным требованиям ст. 12 Всеобщей декларации прав человека.

Ключевые слова: *нормативный регламент, конституционные права оперативно-розыскная деятельность, уголовное право, федеральные органы.*

Анализируемая проблема правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) также являясь составной частью общей системы права.

Прежде чем определить систему правовых норм, регулирующих ОРД, необходимо отметить, что эта проблема традиционно привлекает внимание почти всех исследователей в области ОРД. Классификации выдвигаются самые различные. Авторы предлагают рассматривать правовую основу в «широком» и «узком» аспекте в зависимости от «дальних» и «близких» границ регулирования, исходя из уровня внутреннего содержания правовых норм, от юридической силы этих норм и т.д. (А. И. Алексеев, Г. К. Сенилов, В. Г. Бобров, Л. Н. Калинин, К. В. Сурков, К. К. Горайнов, М. А. Шматов, А. Ю. Шумилов и др.) [6, с. 65].

Не подвергая сомнению правомерность предложения различных вариантов классификации и поддерживая необходимость исследования их разнообразия, считаю, что наиболее целесообразным будет системный подход к решению проблемы. Именно он позволяет рассматривать правовую систему ОРД в органической взаимосвязи с системой более высокого уровня: системой правоохранительных органов. Имея в виду их неразрывную связь в том, что система ОРД выступает как элемент (подсистема) правоохранительной государственной деятельности, то естественно, их правовая основа должна быть единой, разумеется, с определенными особенностями для данного специфического элемента (подсистемы) ОРД [7, с. 89].

В настоящее время, согласно положениям ст. 17 Конституции РФ «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [1].

Исходя из этого систему норм правового регулирования ОРД можно представить в следующем виде:

- Конституция РФ.
- Общепризнанные принципы и нормы международного права.
- Федеральные законы.
- Нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.
- Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению ОРД.

Закон об ОРД и является тем законом, который обеспечивает реализацию дозволения на ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Указанные положения легли в основу специальных норм этого Закона: в ст. 5 закреплён принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД, а ст. 9 определяет основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Особое место здесь занимает Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.). В этом международном правовом акте впервые на высшем международном уровне нормативно закреплены вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Содержание ОРД определяет Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N144-ФЗ. В системе правовых норм закона достаточно четко выделяются определенные блоки, которые регулируют качественно однородные группы отношений. Учитывая типичные признаки однородности содержания, юридического единства норм,

обеспечивающих цельное регулирование соответствующих отношений, они вполне могут именоваться институтами [2, с. 77].

В качестве необходимых общих правовых положений дано законодательное определение ОРД с четко обозначенными целями (ст. 1), указаны задачи (ст. 2), сформулированы конституционные и специальные принципы (ст. 3), определена правовая база (ст. 4) и закреплена система гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ст. 5).

Поэтому, вполне естественно, она имеет нормативные предписания для ее органов и должностных лиц относительно ОРД. Определяя их компетенцию, Закон о полиции обязывает: осуществлять ОРД в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, обеспечения собственной безопасности, а также в иных целях, предусмотренных Законом; осуществлять розыск лиц, совершивших преступление, подозреваемых и обвиняемых; лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания; принимать меры, направленные на предупреждение экстремизма, по противодействию терроризма и в обеспечении правового режима контртеррористической операции и другие меры. При этом Закон наделяет их правом проводить гласно и негласно ОРМ, осуществлять при решении задач ОРД иные, предусмотренные федеральным законом действия (ст. 12, 13 Закона о полиции).

Таким образом, завершая краткую характеристику системы нормативно-правового регулирования ОРД, можно сказать, что сущность и содержание правового регулирования выявляются посредством исследования предмета и метода правового регулирования, по их функциям и структуре.

На сегодняшний день, ОРД — это установленный вид деятельности, осуществляемый в первую очередь гласно и негласно соответственно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в пределах их представленных полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях организованной защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Определенно, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал на то, что применение технических средств фиксации наблюдаемых событий само по себе не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения, которое признается обязательным условием для проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина [8].

Согласно представленным положениям ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» задачами ОРД в первую очередь являются [3]:

1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2) осуществление организованного розыска лиц, в первую очередь скрывающихся от органов дознания, следствия и суда,

в том числе, уклоняющихся от уголовного наказания, и соответственно, розыска без вести пропавших;

3) добывание основной информации о представленных событиях или действиях (бездействии), в первую очередь создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ.

В свою очередь, представленные задачи ОРД тесно переплетены между собой, но в то же время каждая из них как правило, является самостоятельной. В указанном законе задачи ОРД в первую очередь полностью выстроены по приоритету: личность — общество — государство.

Защита, предоставляемая индивидуальными основными правами в Германии, может отличаться от защиты, предоставляемой за рубежом [7].

В любом случае, вторая часть 1 статьи 10 и вторая часть 1 статьи 5 Основного закона, которые в своем измерении как права против вмешательства государства обеспечивают защиту от наблюдения за телекоммуникациями, также защищают иностранцев в других странах.

Согласно Определению Конституционного суда Российской Федерации № 862-О-О/2008 от 21.10.2008 в своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин М. Д. Камалиев оспаривает конституционность статьи 6 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», позволившей, по его утверждению, проводить в служебном помещении сотрудника таможенного органа на основании постановления руководителя этого органа и без судебного решения наблюдение с применением средств видеозаписи, результаты которого в дальнейшем были использованы судом при доказывании фактов получения им взяток. Заявитель указывает, что во время осуществления этого оперативно-розыскного мероприятия им велись телефонные переговоры, в том числе по личному сотовому телефону, которые могли быть зафиксированы с помощью применявшихся технических средств; тем самым были нарушены его права на неприкосновенность частной жизни и на тайну телефонных переговоров, гарантированные статьей 23 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, нет оснований полагать, что статья 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сама по себе допускает произвольный сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица и ограничивает конституционное право заявителя на тайну телефонных переговоров.

Суд решил отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Камалиева Марата Дамировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой [11].

Правовая основа сотрудничества с иностранными разведывательными службами удовлетворяет конституционным требованиям только в том случае, если она обеспечивает, чтобы пределы, установленные верховенством права, не отменялись путем взаимного обмена разведывательными данными и чтобы Федеральная разведывательная служба по существу продол-

жала нести ответственность за собранные и проанализированные ею данные.

Должна быть гарантирована институциональная независимость надзорных органов. Это включает в себя то, что надзорные органы имеют отдельный бюджет, независимое управление персоналом и процедурную автономию. Они должны быть оснащены персоналом и ресурсами, необходимыми для эффективного выполнения их задач. Они должны обладать всеми полномочиями, необходимыми для осуществления эффективного надзора в отношении Федеральной разведывательной службы. Необходимо также обеспечить, чтобы надзору не препятствовало правило третьей стороны.

Органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в Федеративной Республике Германия, являются:

- Федеральное ведомство по охране Конституции (политическая разведка и контрразведка);
- земельные ведомства по охране конституции;
- Федеральная разведывательная служба;
- Служба военной контрразведки;
- Военная полиция Бундесвера;
- Федеральная пограничная охрана;
- Федеральное ведомство по уголовным делам (криминальная полиция) и др.

До 1968 г. германские службы безопасности и органы криминального расследования не имели законных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, хотя проводили их. Однако в связи с разгулом терроризма в середине 1960-х гг. Бундестаг принял решение дополнить ст. 10 Основного закона и перечислить обстоятельства, при которых органы национальной безопасности и другие спецслужбы могут перехватывать телефонные разговоры и почтовые отправления.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, на практике используют и такие формы оперативно-розыскных мероприятий, как проверочная закупка, создание легендированных юридических лиц, использование осведомителей (без ограничения по лицам), что не запрещается законом с целью раскрытия и расследования преступлений [11, с. 48].

Наибольший интерес представляют организационно-тактические основы оперативно-розыскной деятельности спецслужб ФРГ. При этом следует отметить отличительные черты деятельности всех спецслужб ФРГ:

- тесная взаимосвязь между режимными мерами и оперативной деятельностью, активное использование спецслужбами информации других государственных органов и организаций;
- создание всеохватывающих электронных систем учета граждан Германии и иностранцев, находящихся в стране;
- активная оперативная работа среди политических эмигрантов и иностранцев, временно находящихся в ФРГ;
- распространенность работы сотрудников спецслужб под прикрытием различных государственных и негосударственных организаций;
- массовое привлечение к оперативной деятельности бывших сотрудников спецслужб ФРГ (так называемый институт «свободных сотрудников»);

- высокие требования конспирации, предъявляемые к кадровому составу, а также к оперативному аппарату;
- широкое применение сдельной формы оплаты труда конфиденентов в зависимости от ценности, представляемой ею информации.

Согласно Определению Конституционного суда Российской Федерации № 2178, судебное решение на право проведения оперативно-розыскного мероприятия и материалы, послужившие основанием для его принятия, хранятся только в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Тем самым, приведенные законоположения не препятствуют проверке правомерности судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, чем, как следует из представленных материалов, заявитель воспользовался [9].

Следовательно, согласно ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» При осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия: [3].

1. Опрос.
2. Наведение справок.
3. Сбор образцов для сравнительного исследования.
4. Проверочная закупка.
5. Исследование предметов и документов.
6. Наблюдение.
7. Отождествление личности.
8. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.
9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.
10. Прослушивание телефонных переговоров.
11. Снятие информации с технических каналов связи.

Одним из приоритетных направлений государственной политики является обеспечение безопасности граждан, охрана их личности, прав и законных интересов от преступных посягательств. В соответствии с этим правоохранительные органы призваны осуществлять комплекс мер, надежно защищающих конституционные права и свободы граждан.

Согласно Постановлению Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 10 марта 2009 года по делу «Быков (Вуков) против России» необходимость оперативно-розыскных мероприятий, влекущих ограничение прав, гарантированных статьями 23 и 25 Конституции Российской Федерации, возлагается Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, которые, запрашивая разрешение на их проведение, должны опираться не только на предположения о наличии признаков противоправного деяния и относительно его субъектов, но и на конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие обоснованность таких предположений. При этом на них возложена также обязанность обеспечивать соблюдение правил конспирации при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а следовательно, и обязанность предотвращать преждевременное рассекречивание сведений о намечаемых мероприятиях, с тем чтобы их проведение не оказалось бессмысленным или невозможным [10].

Тем не менее, при непосредственном нарушении органом (должностным лицом), в первую очередь осуществляющим ОРД, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья в соответствии с российским законодательством в первую очередь обязаны принять меры по непосредственному восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда. Представленные нарушения Закона об ОРД при осуществлении ОРД в первую очередь за собой влекут дисциплинарную, гражданско-правовую и уголовную ответственность [3].

Сравнивая две страны касательно проведения ОРД, можно сказать о том, что в нашей стране данное направление осуществляется наиболее открыто и позволяет осуществлять полный комплекс мер для защиты прав граждан.

Однако, как показывает практика, исходя из разряда имеющихся проблем, касательно сферы предварительного судебного контроля, в работе имеет определенное значение степень не урегулированности в современном законе конкретного положения о родовой подсудности в системе рассмотрения матери-

алов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В свою очередь, проводя анализ данного вопроса, можно отметить то, что в этой сфере необходимо конкретное предложение о закреплении в ст. 9 Закона об ОРД такой подсудности за районными (городскими) судами, полагая, что этим обеспечиваются большие гарантии права граждан на судебную защиту.

Также, немаловажным их имеющихся недостатков, принято выделять сферу правового регулирования в категории предварительного судебного контроля за непосредственной ОРД. В отношении этого, особенно имеет частные основания сфера неопределенности утвержденной процедуры в системе продления общих сроков непосредственного проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые в максимальной степени также напрямую ограничивают конституционные права современной категории граждан, которая в принципе также непосредственно допускает их прямую неограниченную продолжительность. В работе предлагается ограничить число продлений сроков проведения мероприятий, а правом на каждое последующее продление наделять вышестоящие суды.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 01.07.2020 N11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*, 01.07.2020, N31, ст. 4398.
2. Уголовный Кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 13.06.1996 г.) // «Собрание Законодательства РФ». — № 25 от 15.06.1996
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N144-ФЗ // «Собрание Законодательства РФ». № 16 от 12.08.1995.
4. Алексеев А. И. Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» / А. И. Алексеев. — М.: Проспект, 2014. — 521 с.
5. Горбухов В. А. Оперативно-розыскная деятельность. Конспект лекций / В. А. Горбухов. — М.: Феникс, 2014. — 176 с.
6. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник и практикум / Е. С. Дубоносов. — Москва: Огни, 2016. — 478 с.
7. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 862-О-О/2008 от 21.10.2008.
8. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 158-О-О/2010 от 26.01.2010 // Система «Гарант»
9. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 2178-О от 26.10.2021 // Система «Гарант»
10. Постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 10 марта 2009 года по делу «Быков (Bykov) против России» // Система «Консультант — Плюс»
11. Постановление Первого Сената от 19 мая 2020 года Режим доступа: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2020/05/rs20200519_1bvr283517en.html

Общественные и публичные слушания в градостроительной деятельности

Деменчук Евгений Владимирович, студент
Тюменский государственный университет

Народное представительство во властных структурах демонстрирует существование системы муниципальной демократии. Эффективность в работе определяется степенью участия граждан страны в общественной жизни. Органы государственной власти и местное самоуправление взаимодействуют с институтами гражданского общества, благодаря нормативно-правовым актам, регулирующим волеизъявление людей.

Ключевые слова: слушание, народное представительство, государственная власть, нормативно-правовые акты, градостроительство.

Public and public hearings in urban planning activities

People's representation in government structures demonstrates the existence of a system of municipal democracy. The effectiveness of the work is determined by the degree of participation of citizens of the country in public life. State authorities and local self-government interact with civil society institutions, thanks to regulatory legal acts regulating the expression of people's will.

Keywords: hearing, people's representation, state power, regulatory legal acts, urban planning.

Население имеет возможность принимать участие в решении важных вопросов градостроительства с помощью организованных публичных слушаний. Данная форма влияния на содержание муниципальных правовых документов обеспечивает учет мнений населения по разным проблемам, актуальным для жителей регионов. В Российской Федерации благодаря принятию ФЗ № 131 от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» появилась обязательность в организации публичных слушаний по вопросам, закрепленным нормативно [1].

Муниципальная власть должна принимать решения в градостроительстве, земельных и правовых отношениях с учетом мнения жителей. Так же на федеральном уровне был установлен порядок проведения общественных мероприятий, закрепленный в Уставе или правовом акте представительного органа власти.

Местное самоуправление разрабатывает акты, которые направлены на организацию процесса. Однако единого правила не существует, универсальный порядок не выработан, а рекомендации специалистов не всегда применимы в отдельных муниципалитетах.

Институт делиберативной демократии представляет собой общественные или публичные слушания, которые в РФ утверждаются с 90-х годов.

Первоначально совместно обсуждались вопросы об охране окружающей среды, затем хозяйственная деятельность, возможность размещения объектов и т.п. В 2003 году был принят федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», статья 28 которого регулирует взаимодействие, связанное с публичными слушаниями между должностными лицами местных муниципалитетов и органами государственной власти. ФЗ № 97 «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» излагает конкретные нормы, необходимые для согласования проектов планов поселений, застроек и других вопросов землепользования и градостроительства.

Общие сведения о публичных слушаниях можно найти в Уставах муниципалитетов. Положения местных образований формулируют конкретный порядок проведения мероприятий, организацию деятельности представительной власти при решении вопросов. В соответствии с ФЗ о принципах организации публичные слушания необходимы в следующих ситуациях:

- в процессе обсуждения устава муниципального образования или проекта нормативного акта об изменениях документа, если не идет речь о проведении прикрепления решений, отраженных в федеральных законах государства;
- при составлении проекта местного бюджета или выявлении результатов его исполнения;

- когда обсуждаются вопросы изменения муниципального образования;
- если рассматриваются проекты развития, правила землепользования, застройка территорий;
- при обсуждении разрешений на реконструкцию объектов, участков и т.п.

Публичные слушания следует рассматривать как промежуточный вариант при принятии окончательного решения. Они не завершают процесс, так как итоговый вариант принимается уполномоченным лицом в соответствии с законодательством.

По вопросам градостроительства граждане получают необходимую информацию, могут внести свои предложения. Они участвуют в обсуждении. Обязательность публичных слушаний определена Градостроительным кодексом РФ.

Формы осуществления процесса могут быть разные. Ответственные деятели, некоммерческие организации приглашаются одновременно, если возникает необходимость представления проекта. Подобная схема имеет место, например, в Новосибирске.

В Северодвинске создают общественную палату, чтобы провести слушания. На ней присутствуют представители общественных организаций. Некоторые муниципалитеты используют специальные процедуры, такие как жюри граждан или воркшоп.

Муниципальные правовые акты регламентируют порядок проведения публичных слушаний. Устав или отдельные Положения определяют основные принципы, к которым следует отнести законность, открытость и равноправие участников. Обсуждая проекты градостроительства, граждане РФ участвуют в формировании общественного мнения. Задачами публичных слушаний в области градостроительства являются:

- рассмотрение проектов нормативных актов для местного регулирования вопросов строительства объектов разного значения;
- определение общественного мнения при принятии решения по проекту муниципального нормативного акта;
- осуществление контроля в процессе реализации решений органов местной власти;
- обеспечение учета мнения разных категорий населения при принятии решения органами местного самоуправления.

Публичные слушания назначаются тогда, когда требуется принять проект планировки территорий или застройки, использования участка земли под строительство. В случае необходимости реконструкции также требуется учесть мнение общества.

Федеральное законодательство зафиксировало основные требования к проведению слушаний. Остальные вопросы решают органы местного самоуправления. Существующая проблема неэффективности данной формы воздействия общества решается на местном уровне. Чтобы выявить разные точки

зрения необходимо тщательно подготовить предложение, привлекая специалистов, экспертов, представителей авторитетных объединений [5].

Подготовка осуществляется при проведении мероприятий, направленных на информирование населения. С помощью экспертов проводятся консультации на основе представленных материалов. Имея заключение специалистов, составляется проект решений, который выносится на обсуждение граждан. Таким образом, хорошая организация публичных слушаний приводит к принятию решений, поддерживаемых общественностью, что минимизирует конфликты, уменьшает напряженность во взаимоотношениях органов власти, должностных лиц с народом.

На основании статьи 5.1 Градостроительного кодекса РФ проводятся публичные слушания в городе Пензе. Положение «О публичных слушаниях в г. Пензе» утверждено городской Думой 30 сентября 2005 года. В соответствии с документом определен порядок проведения процесса, а также правила организации. На рассмотрение общественности выносятся обязательные вопросы:

- проект Генерального плана города Пензы;
- правила землепользования, застройки;
- проект благоустройства территорий, парков, скверов, мест общественного пользования, памятников архитектуры и т.п.;
- межевание земель;
- разрешения на использование объекта строительства;
- внесение дополнений и изменений в нормативные акты, касающиеся вопросов градостроительства и другие.

В Положении представлен перечень документов, необходимых заявителю для подачи в комиссию по насущным вопросам [4].

Рассмотрим конкретные дела, демонстрирующие реализацию нормативных актов на практике. 9 марта 2022 года в г. Пенза было оглашено заключение о результате публичных слушаний по проекту о разрешении использования земельного участка для приюта животных. Документ содержит информацию, позволяющую сделать вывод о состоявшемся процессе, в результате которого было рекомендовано главе администрации города, решить положительно данный вопрос.

Земельный участок площадью 6543+/-28.31 кв.м. имеет кадастровый номер 58:29:2001003:15709, расположен по адресу: г. Пенза, ул. Осенняя, з/у № 11. Комиссия по подготовке проекта изложила материал, который был утвержден администрацией. В публичных слушаниях участвовало 3 человека, которые не представили замечаний и предложений. Таким образом, целесообразность проекта была подтверждена.

Однако на практике подобный регламент свидетельствует об отсутствии активности населения, вследствие чего многие публичные слушания проходят формально [2].

Еще один проект был отклонен по результатам публичных слушаний на основании замечаний пяти человек. В феврале

2022 года в Пензе общественность обсуждала разрешение на изменение параметров строительства по адресу: ул. Урицкого 1. Заинтересованные лица выступили с критикой, обосновав отказ несовместимостью расположения увеселительного заведения вблизи жилого дома.

Потребовав выполнения утвержденных нормативов, было принято решение о нецелесообразности изменений. Руководители проекта были недостаточно убедительны в аргументах. Решение публичных слушаний было рекомендовано главе администрации города с целью предотвращения корректировки проекта компанией ООО «Бочка».

Положение о публичных слушаниях в Рязани, утвержденное Городской Думой в 2008 году, основано на принципах ФЗ № 131 от 06.10.2003 года, статьи 20 Устава муниципалитета городского округа Рязанской области.

В нем определены основные цели и механизм реализации поставленных задач. Документ учитывает необходимость обеспечения участия жителей города в обсуждении проектов.

Поэтому не допускается ограничение доступа граждан в процесс обсуждения. Кроме того, в положениях местных органов власти перечисляются инициаторы слушаний. Ими могут стать отдельные граждане или группа лиц, представители властных структур. Ходатайство в городскую думу могут подписать несколько человек, заинтересованных в обсуждении актуального вопроса.

Результаты публичных слушаний публикуются для всеобщего ознакомления. Необходимо учитывать рекомендательный характер вынесенного решения.

По вопросам градостроительства население проявляет, как правило, наибольшую активность. Возникающие спорные вопросы сопровождаются обсуждением, при этом не должны быть зафиксированы нарушения. К их числу следует, например, отнести следующие моменты:

- недостаток информированности населения о предстоящих слушаниях;
- проведение процесса в рабочее время, в малый промежуток по времени;
- отсутствие материалов для ознакомления с проектами;
- доступность данных ограничена вследствие технической документации, которая не понятна обывателю;
- отказ отдельным гражданам в принятии участия в процессе и другие [3].

Чтобы добиться реального инструмента взаимодействия власти и общества, необходимо проводить работу, направленную на увеличение доверия в обществе.

Открытость политики властей, эффективность воздействия инициативных общественных групп по актуальным вопросам помогают повысить участие граждан в управленческой деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
2. Иванова З. и др. Градостроительная политика и практика публичных слушаний в Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2019. — Т. 25. — № 9. — С. 52–60.

3. Кондольская А. А., Аверина Л. В. Публичные слушания vs общественные обсуждения: новеллы в градостроительной деятельности // инновационные стратегии развития управления в строительстве и городском хозяйстве. — 2020. — С. 162–167.
4. Рыженков А. Я. Принцип участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности: теория и практика // Гуманитарные и юридические исследования. — 2018. — № . 2. — С. 169–176.
5. Фомин Р. С. Общественные градостроительные порталы как альтернатива публичным слушаниям в области градостроительства // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2018. — № . 7 (23). — С. 55–58.

Особенности последствий несоблюдения письменной формы сделки

Долинская Юлия Руслановна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются последствия такого порока сделки как нарушение ее формы. Рассмотрены различия соответствующих последствий при нарушении простой письменной формы, а также нотариальной формы сделки, в том числе в зависимости от установления конкретной формы обязательной в силу воли законодателя или же самих сторон.

Ключевые слова: *недействительность сделок с пороками формы, запрет ссылаться на свидетельские показания, конвалидация.*

Рассуждая о формах сделок, Г.Ф. Шершеневич писал: «Жизнь сильно страдает от формализма нашего права» [1, с. 248]. Тем не менее, последствия несоблюдения формы сделки установлены, чтобы защитить интересы как лиц, совершающих сделку, так и иных участников оборота.

С нарушением формы сделки закон связывает определенные негативные для сторон последствия. Несоблюдение простой письменной формы сделки по общему правилу не влечёт её недействительности. Это означает, что такая сделка будет действительной, однако доказывание её действительности ограничено в средствах и источниках доказывания.

Нарушение простой письменной формы сделки имеет место в следующих случаях:

— при совершении сделки в устной форме, когда законом устанавливается обязательная письменная форма. При этом такое нарушение возможно как в договорных отношениях, так и при совершении односторонней сделки (к примеру, выдача банковской гарантии);

— при совершении сделки в письменной форме, когда по утверждению одной из сторон, опровергаемому другой стороной, она совершалась письменно, но соответствующий письменный документ в оригинале утрачен и имеется лишь копия. В такой ситуации сторона, доказывающая факт совершения сделки, не может апеллировать копией договора, которая не является достаточным доказательством наличия оригинала, однако ей разрешается представлять письменные или иные допустимые (кроме свидетельских показаний) доказательства [2].

В соответствии с п. 1 ст. 162 ГК РФ несоблюдение простой письменной формы сделки в случае спора лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания в подтверждение сделки и ее условий, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства (например, аудио- или видеозапись, сообщения в мессенджерах). Исходя из буквального толкования статьи, можно сделать вывод, что данный запрет не распространяется на разногласия относительно иных вопросов

кроме факта совершения сделки и выяснения ее условий. Это означает, что стороны могут использовать свидетельские показания при доказывании, например, ненадлежащего исполнения сделки или фактов, являющихся основанием для изменения или прекращения договорных отношений.

Следует разобраться, чем объясняется приращение Гражданским кодексом РФ столь низкой доказательственной ценности свидетельским показаниям граждан. Высказывается мнение, что в условиях достаточно распространенной практики лже-свидетельствования по гражданским делам активное использование этого способа доказывания создало бы существенные риски признания судами сделок, которые на самом деле не совершались, а также неверного установления содержательных деталей таких сделок [3, с. 416]. Важно, что несмотря на трудности, которые данная норма создает для процесса доказывания по делу, она все же стимулирует участников оборота к надлежащему оформлению сделки либо, по крайней мере, побуждает их задумываться над получением более надежных доказательств совершения сделки еще при ее совершении.

Важно отметить, что правило о недопустимости использования свидетельских показаний при несоблюдении простой письменной формы сделки имеет ряд исключений. Например, при доказывании передачи вещи на хранение при чрезвычайных обстоятельствах (п. 1 ст. 887 ГК), в случае спора по поводу тождества вещи, принятой на хранение, и вещи, возвращенной хранителем (п. 3 ст. 887 ГК).

Вместе с тем совершение сделки с нарушением простой письменной формы способно порождать более серьезные негативные последствия. Пункт 2 ст. 162 ГК РФ устанавливает, что в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон, такие сделки влекут недействительность. К перечню сделок, для которых простая письменная форма является обязательной под страхом ничтожности, относятся, в частности, предварительный договор (п. 2 ст. 429 ГК РФ), кредитный договор (ст. 820 ГК РФ), договор банковского вклада (п. 2 ст. 836 ГК РФ), договор коммерческой

концессии (п. 1 ст. 1028 ГК РФ), договор обещания дарения движимого имущества в будущем (п. 2 ст. 574 ГК РФ) и т.д. Перечень таких сделок является исчерпывающим и не столь обширным относительно недавнего времени. Это объясняется тем, что Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей ГК РФ» [4] презумпция ничтожности недействительной сделки была сменена на презумпцию оспоримости. Это означает, что все сделки, для которых предусматривалась возможность быть признанной недействительной, «по умолчанию» стали оспоримыми. В этой связи законодатель вынужден специально обозначать последствие ничтожности сделки, если он желает его предусмотреть при нарушении простой письменной формы конкретного договора.

В отличие от простой письменной формы, которая по общему правилу имеет доказательственное значение в отношении факта совершения сделки и ее условий, нотариальная форма сделки всегда имеет конститутивное значение. Это проявляется в том, что нарушение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность независимо от того, установлено данное требование законом, или предусмотрено соглашением сторон, хотя по закону для сделок данного вида такая форма не обязательна.

В последнем случае столь категоричное регулирование вызывает негативные оценки цивилистов. Так, А. А. Павлов отмечает, что российский законодатель, по сути, в противоречии с принципом свободы договора, исключает для контрагентов возможность изменить ранее достигнутое соглашение о нотариальной форме конклюдентно, просто совершив сделку без нотариального удостоверения вопреки ранее достигнутой договоренности, и называет такое «искусственное ограничение» не вполне обоснованным [5, с. 19].

Данный тезис подтверждается также тем, что в силу п. 2 ст. 162 ГК РФ стороны вправе самостоятельно определить по-

следствия несоблюдения согласованной ими ранее простой письменной формы сделки. Однако для соглашения о нотариальной форме будущей сделки такой возможности не предусмотрено, и ее несоблюдение априори влечет ничтожность сделки.

Тем не менее, реализуя идею добросовестного поведения контрагентов и исходя из запрета противоречивого поведения (*venire contra factum proprium*), Гражданский кодекс в статье 165 закрепляет институт конвалидации (исцеления) недействительной сделки с пороком формы. Его сущность заключается в том, что при уклонении одной стороны от нотариального удостоверения сделки, в том время как другая сторона полностью или частично ее исполнила, суд вправе по требованию исполнившей сделку стороны признать такую сделку действительной. С 1 сентября 2013 года к таким требованиям применяется специальный срок исковой давности, составляющий один год (п. 4 ст. 165 ГК РФ).

Для исцеления сделки на основании п. 1 ст. 165 ГК РФ несоблюдение нотариальной формы должно быть единственным пороком, влекущим ее ничтожность. Это объясняется тем, что в случае удовлетворения исковых требований исполнившей стороны суд своим решением констатирует действительность сделки в целом.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что существует два вида последствий несоблюдения простой письменной формы сделки. Общее последствие заключается в том, что стороны сделки в случае спора лишаются права ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания. В тех случаях, когда об этом прямо указано в законе или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность. Нарушение же нотариальной формы сделки всегда влечет ее ничтожность, за исключением возможности конвалидации сделки в случае недобросовестного поведения контрагента.

Литература:

1. Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 2 включая Курс гражданского права / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. — М.: Статут, 2017. — 678 с.
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.02.2008 № 12913/07 по делу № А53–19026/06–С2–20 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 6.
3. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов // М-Логос. — М.: Статут, 2018. — 1126 с.
4. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ». 2013. № 19. Ст. 2327.
5. Павлов А. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Журнал «Вестник экономического правосудия РФ». 2017. № 3.

Возможные вопросы уголовной ответственности спортсменов за причинение вреда в рамках спортивных соревнований

Дроздов Владислав Дмитриевич, студент;

Машонкина Каролина Владимировна, студент;

Научный руководитель: Никитин Евгений Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье авторы определяют проблемы уголовной ответственности спортсменов за причинение вреда в рамках спортивных соревнований.

Ключевые слова: уголовное право, причинение вреда спортсменами, уголовная ответственность спортсменов.

В современном мире большого внимания заслуживает травматизм спортсменов во время спортивных соревнований. Согласно данным, предоставленным Национальной Университетской Спортивной Ассоциацией, на 1 миллион спортивных отчетов за шестнадцатилетний период приходится данные о 182000 повреждениях [1, с. 311–319].

Следует сказать, что значительная часть этих повреждений является следствием нарушений правил конкретного вида спорта. При этом наступившие последствия данных нарушений отрицательно сказываются не только на карьере спортсменов, но и на состоянии и продолжительности их жизни.

Актуальность вопроса уголовной ответственности за причинения вреда жизни и здоровью в процессе проведения спортивных соревнований заключается в том, что несмотря на поражающую статистику, единой точки зрения в уголовно-правовой оценке данного явления нет. Часть ученых склоняется к тому, что связь уголовного права со спортивным травматизмом отсутствует [2], другая часть предполагает возможность включения причинения вреда в рамках спортивных соревнований в сферу действия норм уголовного права [3].

Мы считаем, что уголовное право не должно оставаться безразличным к данному вопросу, в связи с чем возникает необходимость регламентирования квалификации действий спортсменов.

Что такое правила, нарушение которых ведёт к травматизму спортсменов? Обратимся к Федеральному Закону от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Изучив статьи данного закона, мы пришли к выводу, что само понятие «правило» нигде не закреплено. Так, в ч. 2 ст. 2 «правила» упоминаются в следующем ключе: вид спорта — часть спорта, которая признана в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона обособленной сферой общественных отношений, имеющей соответствующие правила, утвержденные в установленном настоящим Федеральным законом порядке, среду занятий, используемый спортивный инвентарь (без учета защитных средств) и оборудование [4]. Следовательно, мы можем говорить о том, что правила существуют внутри определенного вида спорта и распространяются на конкретный спорт.

Например, согласно п. 2.3.6 правил вида спорта «Бокс» (утв. приказом Министерства спорта РФ от 23 ноября 2017 г. N1018) боксер, нокаутированный в голову в результате неправильных ударов или после команд «Брэк» или «Стоп», в результате чего ему присуждена победа «ввиду дисквалификации», не имеет право продолжать соревнования [5]. Так, нарушая правила

конкретного вида спорта, спортсмен подвергается мерам дисциплинарной ответственности.

Для регламентации порядка квалификации действий спортсменов обратимся к мнениям учёных. Например, А. А. Скворцов в своей работе отмечает, что грубое нарушения правил спортивных соревнований, если это повлекло по неосторожности причинения тяжкого вреда здоровью, а также смерть одного или нескольких лиц и др. организуют составы преступлений, которые необходимо включить в 25 главу Уголовного Кодекса РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Непосредственным объектом выступают общественные отношения, регулируемые законодательными актами в области физического воспитания населения и обеспечивающие безопасность жизни или здоровья населения при занятиях этим видом деятельности, а также общественные отношения, которые обеспечивают возможность каждому гражданину заниматься спортом в безопасных для жизни или здоровья условиях [6].

Однако мы считаем, что при нарушении правил спортивных соревнований всё-таки непосредственным объектом преступлений являются общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека.

В. В. Сараев по этому поводу говорит следующее: нарушая правила, вред причиняется в первую очередь спортсмену, его жизни и здоровью, поэтому уголовно-правовую норму в области ответственности за нарушение правил спортивных соревнований автор предлагает включить в главу 16 УК РФ. Также, по его мнению, нет нужды в специальной норме, регулирующей нарушения правил спортивных соревнований, поскольку данные действия попадают под квалификацию по ст. 109 и ст. 118 УК РФ. Сараев предлагает лишь дополнить указанные нормы частями, которые будут посвящены причинению вреда жизни и здоровью в рамках спортивных соревнований [2].

Изучив две отличные точки зрения — В. В. Сараева и А. А. Скворцова — мы пришли к выводу о том, что вторая точка зрения для нас более приемлема. Мы считаем, что нет нужды в том, чтобы устанавливать новую норму права, регулиющую ответственность за нарушение правил спортивных соревнований. Как упоминалось в нашей работе ранее на примере бокса, правила каждого вида спорта уже предусматривают свою ответственность, в связи с чем подтверждается целесообразность включения такой нормы в 16 главу УК РФ, при этом, по-нашему мнению, ни статья 109, ни 118 УК РФ не

должны быть подвержены изменениям в части дополнения признаком причинения вреда вследствие нарушения правил спорта.

Насчёт привлечения к ответственности тех спортсменов, которые умышленно причинили вред сопернику, высказал своё мнение Е. В. Безручко. Он считает необходимым привлекать спортсменов к уголовной ответственности, если они осознанно нарушают правила в целях сохранения личного престижа, авторитета команды и т.д. Такое нарушение должно быть рассмотрено как умышленное причинение вреда здоровью, причем способ причинения вреда не имеет значения [7].

Таким образом, анализ изученных точек зрения позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, сами по себе спортивные соревнования не включают преступность деяния.

Во-вторых, для правильной квалификации причиненного тяжкого вреда или смерти сопернику во время спортивных со-

ревнований необходима установить, сознательно ли были нарушены правила вида спорта.

В-третьих, если вред, причиненный в рамках спортивных соревнований, повлёк смерть противника, однако действия спортсмена не нарушали правила вида спорта, то деяние следует квалифицировать по ст. УК РФ, как невинное причинение вреда.

В-четвертых, в противном случае, если будет доказано, что спортсмен, сознательно нарушает правила вида спорта и причиняет вред жизни и здоровью соперника, его деяния следует квалифицировать по соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

В-пятых, если в рамках спортивных соревнований в результате нарушений правил вида спорта был причинен вред сопернику по неосторожности, должно учитываться то, является ли виновный профессиональным спортсменом. Если же виновный не является профессиональным спортсменом, его деяния следует квалифицировать либо по ч. 1 ст. 109 УК РФ, либо по ч. 1 ст. 118.

Литература:

1. Hootman J. M., Dick R., Agel J. Epidemiology of Collegiate Injuries for 15 Sports: Summary and Recommendations for Injury Prevention Initiatives J Athl Train. 2007, vol.42, N.2.
2. Сараев В. В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
3. Степанова Т. А., Тащиян А. А., Биналиев А. Т. Отдельные аспекты привлечения организаторов спортивных мероприятий, собственников и пользователей объектов спорта к уголовной ответственности // Юристъ-Правоведъ. 2019.
4. Федеральный закон от 04.12.2007 N329-ФЗ (последняя редакция) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета. — № 276. — 2007.
5. Правила вида спорта «Бокс» от 23.11.2017 г. N1018 (утв. приказом Министерства спорта РФ от 23 ноября 2017 г. N1018)
6. Скворцов А. А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятиях спортом: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
7. Безручко, Е. В. Причинение вреда здоровью при занятиях спортом: вопросы уголовно-правовой оценки / Е. В. Безручко // Бизнес в законе. — 2009.

Административная ответственность юридических лиц

Иваненко Татьяна Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются проблемы административной ответственности юридических лиц в России. Проанализирована тенденция законодателя к ужесточению административной ответственности юридических лиц и фискальная направленность санкций за совершение ими правонарушений. Обуславливается, что указанное не выполняет задачи административного наказания и не оказывают должного административно-правового воздействия на юридических лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическое лицо, кодекс, штраф, предупреждение, наказание.

Administrative responsibility legal entities

This article discusses the problems of administrative liability of legal entities in Russia. The tendency of the legislator to toughen the administrative responsibility of legal entities and the fiscal orientation of sanctions for their violations are analyzed. It is stipulated that the above does not fulfill the tasks of administrative punishment and does not have a proper administrative and legal impact on legal entities.

Keywords: administrative responsibility, legal entity, code, fine, warning, punishment.

Современную экономику невозможно представить без предпринимательства — деятельности граждан и юридических

лиц, цель которых — систематически получать прибыль, продавая товары, оказывая услуги или выполняя работы. Предпри-

нимательская сфера представлена огромным числом субъектов, среди которых как крупные государственные корпорации, так и мелкие предприятия. Особое место занимают субъекты, представляющие малый и средний бизнес, т.е. предприятия, которые не представляют собой крупные объединения и на которых трудится относительно небольшое количество человек.

Малый и средний бизнес играет важную роль в экономике и в обществе. Многие исследователи-экономисты, среди которых Н.М. Филимонова, Н.В. Моргунова, Е.С. Ловкова и другие, отмечают высокую социальную значимость малого и среднего бизнеса. По их мнению, именно он позволяет сформироваться среднему классу, что крайне важно для экономической и социальной стабильности [8]. Что касается его экономической значимости, то она состоит в следующем. Во-первых, он позволяет повысить благосостояние общества, в том числе за счёт снижения безработицы. Во-вторых, создаёт конкуренцию для крупного бизнеса, нередко предлагая аналогичные по качеству товары или услуги, но дешевле. В-третьих, он, как правило, оперативнее реагирует на рыночные изменения и меняющиеся потребности населения [2].

Все названные особенности малого и среднего бизнеса являются актуальными и для России. Если учесть, что на данный момент в стране зарегистрировано 5,6 млн субъектов малого и среднего бизнеса, то становится актуальным вопрос об административной ответственности юридических лиц [4].

Актуальность темы заключается в том, что сегодня создается большое количество юридических лиц с различной организационно-правовой формой, что в рамках проведения административной реформы и постоянных изменений законодательства способствует возникновению коллизий и пробелов в законодательстве, в свою очередь это влечет за собой рост правонарушений, совершаемых юридическими лицами.

Особое внимание уделяется вопросу понятия ответственности юридических лиц и понятию вины юридического лица.

В первую очередь, необходимо отметить, что юридическая ответственность является одним из средств правовой защиты общественных отношений от противоправных посягательств, устанавливая меры наказания к лицам, совершившим, в том числе, и административные правонарушения [3]. Соответственно, особым видом юридической ответственности является административная ответственность.

Административная ответственность имеет особые специфические признаки, свойственные конкретным правонарушениям. В частности, административная ответственность менее сурова нежели, чем уголовная, поскольку деяния, за которые она наступает, являются менее опасными. В доктрине уголовного права существуют различные мнения на определение термина «административная ответственность». Так, одни авторы полагают, что административная ответственность представляет собой деятельность, связанную с применением мер административных наказаний, являющихся специфической формой негативного реагирования государства [7]; другие определяют административную ответственность в качестве неблагоприятных последствий, применяемых к лицам, совершившим деяния, запрещенным КоАП РФ [6]. Следует отметить, что и те и другие авторы за основу определения понятия «администра-

тивная ответственность» берут две основные существенные характеристики:

1. административный проступок;
2. административное взыскание.

Следовательно, административная ответственность связывается с применением определенных принудительных мер, определяемыми санкциями правовых норм.

Далее, единственным основанием привлечения лица к административной ответственности является совершение этим лицом административного правонарушения [5].

Легальное толкование термина «административное правонарушение» содержится в ст. 2.1 КоАП РФ, согласно которой под административным правонарушением понимается виновное, противоправное деяние физического или юридического лица, за которое в КоАП устанавливается административная ответственность. Исходя из данного определения можно выделить следующие специфические признаки административного правонарушения:

1. деяние, которое включает в себя два аспекта поведения: действие или бездействие. Соответственно, административное правонарушение может выражаться либо в активном волевом поведенческом акте либо же в воздержании от определенных действий. Мысли, чувства, желания, не воплотившиеся в жизнь, не являются наказуемыми согласно административному законодательству.

2. противоправность, что означает, что своим деянием лицо причиняет либо ставит под угрозу причинения вреда охраняемым КоАП РФ общественным отношениям.

3. виновность, то есть психическое отношение правонарушителя к совершаемому им деянию [10].

4. наказуемость, то есть за совершение конкретного деяния в нормах КоАП устанавливается административная ответственность.

В КоАП РФ содержится большое количество составов правонарушений (258), предусматривающих административную ответственность юридических лиц. К ним относятся правонарушения в сфере нарушения прав граждан, здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и общественной нравственности, в области охраны собственности, охраны окружающей среды, в области предпринимательской деятельности, в области таможенного дела и т.д.

В первую очередь, необходимо отметить, что юридическое лицо представляет собой специфический субъект административной ответственности. В ходе анализа административно-правового законодательства были выявлены существенные особенности юридического лица как субъекта административной ответственности.

Во-первых, анализируя понятие «вина» юридического лица, необходимо отметить, что оно является самым спорным в науке административного права. Так или иначе вина юридического лица в совершении правонарушения является следствием вины работников организации, то есть физических лиц, которые также не освобождаются от привлечения к административной или уголовной ответственности. Но несмотря на субъективный критерий, для юридических лиц предусматриваются более высокие санкции по сравнению с физическими лицами. Такое пра-

вовое регулирование обусловлено самой спецификой юридического лица, к действиям которого хоть и причастны отдельные физические лица, но на организации возлагаются определенные риски, которые связаны с осуществляемой ими деятельностью. Если вина физического лица не возникает затруднений, то применительно к юридическому лицу имеются спорные аспекты. В теории административного права вина юридического лица рассматривается и как субъективное явление, и как объективное явление. В некоторых случаях вина юридического лица определяется через субъективную сторону правонарушения.

Например, Седьмой Арбитражный Апелляционный суд в 2008 г. отметил, что вина юридического лица может быть представлена в виде умысла или неосторожности.

Но позднее Верховный Суд РФ указал: «Ненадлежащее исполнение работником общества своих трудовых обязанностей не является обстоятельством, освобождающим само юридическое лицо от административной ответственности, а свидетельствует об отсутствии надлежащего контроля со стороны общества за действиями своих работников» [9]. Однако закрепление объективного понимания вины юридического лица часто игнорируется в судебной практике, и имеются случаи безвинового привлечения юридического лица к административной ответственности, когда считается достаточным установление факта административного правонарушения.

Во-вторых, при привлечении юридического лица к административной ответственности необходимо учитывать ее правосубъектность. Соответственно организация должна быть действительно зарегистрирована в ЕГРЮЛ в качестве юридического лица.

В-третьих, к юридическому лицу может быть применено ограниченное количество наказаний. Всего — 4 из 10, штраф, конфискация, предупреждение, административное приостановление деятельности.

В-четвертых, при ограниченности применения наказаний к юридическим лицам, применяются более тяжкие наказания по сравнению к физическим лицам.

Указанные условия и являются особенностью административной ответственности юридических лиц. Исходя и из этого, можно сделать вывод, что административная ответственность юридических лиц представляет собой особый вид административной ответственности, который обладает рядом специфических характеристик. В частности, к административной ответственности могут быть привлечены юридические лица, обладающие административной правосубъектностью.

Повышение эффективности административного законодательства является основополагающим направлением деятельности, которое стоит перед государством на пути к обеспечению должного функционирования базовых принципов конституционно-правового статуса личности. Анализ законодательного регулирования административной ответственности свидетельствует об ее ужесточении за последние годы. Такая политика привела к увеличению размера штрафов за правонарушения, совершаемые юридическими лицами.

В период с 2019 по 2021 годы в Российской Федерации было привлечено к административной ответственности более 50 000 юридических лиц правоприменителями разных уровней.

По мнению исследователей, законодатель, ужесточая меры административной ответственности, применяемые к юридическим лицам, не учел, что увеличение размера ответственности не способствует реализации основополагающих целей административного наказания, таких, как воспитание административного правонарушителя и воздействие на его правосознание.

Самым распространенным наказанием, которое применяется к юридическим лицам, является административный штраф. Ранее размер административного штрафа ограничивался в пределах 1000 МРОТ (минимальный размер оплаты труда), в настоящий момент, размер штрафа может достигать 50 000 000 рублей.

Проводя сравнительный анализ настоящей редакции КоАП РФ с предыдущими, можно проследить стремительный рост размеров штрафа. Следует отметить, что администра-

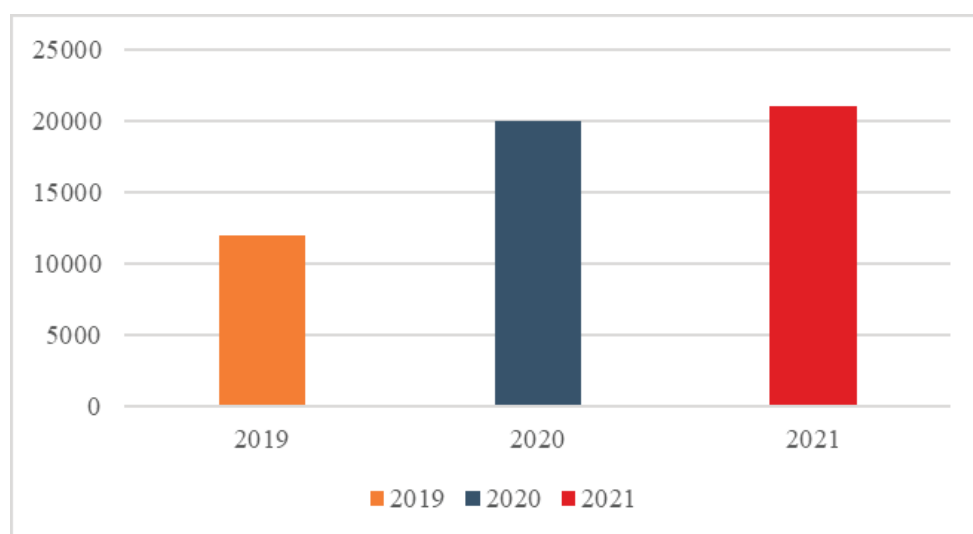

Рис. 1. Статистика привлечения к административной ответственности юридических лиц по данным «Федресурс» с 2019 по 2021 гг.

тивный штраф стал выполнять фискальную функцию государства, то есть обеспечивать пополнение доходной части бюджета, а цели административной ответственности отошли на второй план.

Кроме того, санкции, которые применяются к юридическим лицам, по большей части являются альтернативными, что порождает коррупциогенность в действиях юридического лица, совершившего правонарушение, у которого, возможно, возникнет желание «договориться» о применении более «мягкого» и «выгодного» для него вида ответственности [1].

По нашему мнению, в связи с этим целесообразно установить в КоАП РФ абсолютно-определенные санкции за административное правонарушение, совершаемое юридическим лицом. В свою очередь, при установлении наказаний в виде административных штрафов следует использовать базовую величину, систематическое индексирование которой позволит уйти от вызванного хаотичным изменением отдельных составов административных правонарушений дисбаланса.

Следует обратить внимание на позицию Конституционного суда РФ (далее КС РФ). Так согласно его положениям, штрафные санкции должны отвечать принципам справедливости, соразмерности, конституционно определенным приоритетам и характеру допущенного правонарушения. Без учета конституционных положений установление административной ответственности невозможно, так как именно они являются основой для вынесения справедливого наказания.

Проведение анализа жалоб юридических лиц, которые поступают в КС РФ, отмечается, что большинство связывается с погрешностями в административном законодательстве, а именно не учитывается характер совершенного административного правонарушения, а также имущественное и финансовое положение. Например, с точки зрения оспоренных санкций, не важно, является юридическое лицо малым предприятием или нет. Конечно, один факт статуса юридического лица как малого предприятия не является основанием для освобождения от наказания, но может стать дополнительным обстоятельством, указывающим на потенциальную возможность снижения штрафа.

Таким образом, учет всех возможных обстоятельств, в связи с которыми наказание должно быть смягчено, служит неотъемлемым компонентом реализации всех целей административной ответственности и вынесения правомерного и справедливого решения.

Анализируя вышеизложенное, необходимо сделать вывод, что в настоящее время в регулировании административной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, существуют существенные погрешности, которые необходимо решать. Следует отметить, что тенденция к ужесточению административной ответственности юридических лиц и фискальная направленность санкций за совершение ими правонарушений, не выполняют задачи административного наказания и не оказывают должного административно-правового воздействия на юридических лиц.

Литература:

1. Арсланбекова А. З., Алисултанова М. Ш. Проблемы административной ответственности юридических лиц // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-administrativnoy-otvetstvennosti-yuridicheskikh-lits> (дата обращения: 19.06.2022).
2. Артемов А. В. Малый и средний бизнес: понятие, критерии, категории субъектов, место и роль в рыночном хозяйстве // Социально-политические науки. 2016. № 12. С. 22.
3. Дорофеева Ж. П., Кваша А. П., Меньяйло Д. В. Особенности административной ответственности несовершеннолетних // ЮП. 2014. № 1 (62). С. 32–35.
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба России: официальный сайт. URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 20.12.2020).
5. Коркин А. В. Процессуальность как признак мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 32–35.
6. Сидорова С. А. К вопросу о принципе законности в административном процессе // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 87–89.
7. Федотова О. А. Задачи и принципы производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 29–32.
8. Филимонова Н. М. Экономика и организация малого и среднего бизнеса: учебное пособие. М.: НИЦ ИН-ФРА-М, 2020. С. 14.
9. Чаннов С. Е. Особенности административной ответственности юридических лиц // Юридическая наука. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativnoy-otvetstvennosti-yuridicheskikh-lits-1> (дата обращения: 19.06.2022).
10. Ястребов О. А. Принципы законодательства об административных правонарушениях: вопросы совершенствования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 8. С. 29–32.

Практические проблемы реализации института преюдиции

Исаев Давид Шахларович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В настоящей статье рассматриваются основные проблемы реализации института преюдиции в гражданском процессе. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, выявлению попыток необоснованного преодоления преюдиции, что пагубно сказывается на авторитете судебной власти, нарушает принципы доверия к суду и принципы правовой определенности.

Ключевые слова: преюдиция, преюдициальность, преюдициальный факт, гражданский процесс.

Идея преюдиции в целом рациональна и базируется на общих правилах распределения бремени доказывания, которые освобождают участников от доказывания определенных фактов. В практике судебных органов распространен случай, когда факты, которые нужно установить по текущему делу, уже были зафиксированы в другом деле с участием тех же лиц. Становится очевидным, что деятельность по определению обстоятельств дела во второй раз является излишней. Указанное основание выражается в преюдициальности, являющейся свойством законной силы судебного решения. Следовательно, преюдициальность является инструментом, помогающим нивелировать случаи вынесения противоречивых судебных решений.

Верное понимание и правильное применение на практике служит обеспечением судебной экономии, временного ресурса и процессуальных средств состязательного процесса.

Гражданское процессуальное законодательство устанавливает преюдициальность не только фактов, но и правоотношений. То есть, категория «обстоятельств» не ограничивается только фактическими обстоятельствами, но также включает в себя правовую оценку отношений между конкретными лицами. Этим гражданский процесс существенно отличается от конструкции, закрепленной в арбитражном процессуальном кодексе — в арбитражном производстве суд не связан правовой оценкой, данной другими судами.

В практике по гражданским делам прямо указывается на запрет сторон оспаривать правовую квалификацию. Так, в одном деле суд подчеркивает, что граждане-участники спора, рассмотренного Первомайским районным судом г. Омска, не могут в настоящем деле оспаривать позиции, содержащиеся в решении указанного суда в силу его преюдициального значения для тех же участников [1].

Также Верховный Суд РФ не раз подчеркивал в своих решениях на обязательность для суда как установленных судебными постановлениями фактов, так и правоотношений сторон. Это является одной из гарантий непротиворечивости судебных актов, предотвращение их взаимоисключаемости [2].

Кроме того, в практике высшей судебной инстанции существует противоречивость относительно толковании «фактов» как обстоятельств, не подлежащих доказыванию. В одном деле ВС РФ квалифицировал прекращение обязательств по поручительству именно как факт, а не правовую оценку отношений сторон: участник рассматриваемого ранее дела о взыскании задолженности не может оспаривать в другом деле установленный ранее факт прекращения поручительства [3]. При этом в иных делах Гражданская и Экономическая коллегии гово-

рили о прекращении обязательств в качестве юридической квалификации, а не объективной данности, что, полагаем, более правильно, поскольку иначе происходит смешение категорий «факты» и «правоотношения». Более того, в рассмотренном выше случае стороны были связаны отношениями поручительства, которые, по определению влекут возникновение договорных прав и обязанностей, что не может квалифицироваться как «факт», в отличие, например, от внедоговорных связей: например, преюдициальность факта наличия вины истца в причинении другой стороне ущерба [13].

Следующим аспектом являются особые правила действия механизма преюдициальности в случае, если новое дело рассматривается с участием третьих лиц. В этой связи интересным представляется следующий пример. Гражданин обратился с требованием о взыскании единовременной выплаты к Министерству здравоохранения, ссылаясь на то, что право на получение таковой за ним, как за медицинским работником, признано вступившим в силу судебным решением, договор на получение выплаты заключен, но не исполнен. Апелляционная инстанция отказала в удовлетворении требований, в обоснование указав:

1) гражданин не имеет права на получение выплаты, поскольку не соответствует определенным в законе критериям для ее получения;

2) судебное решение, в котором сделан вывод о признании за гражданином права на получение такой выплаты, не является преюдициальным для данного дела, т.к. в деле иной состав участников — в качестве третьего лица привлечен Федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

Верховный суд не согласился с приведенной позицией апелляционной инстанции: действительно, для новых лиц факты и обстоятельства, установленные предыдущим решением, не имеют преюдициального значения, однако, если такое лицо не оспаривает установленные факты, то они становятся обязательными для суда. Так, ФФОМС не оспаривал соответствие гражданина установленным критериям для получения выплаты [4].

Полагаем, ВС РФ занял верную позицию как с точки зрения обозначения границ преюдиции, так и с точки зрения защиты нарушенного интереса гражданина, не получившего соответствующую выплату. Получается, что суд апелляционной инстанции в данном случае рассмотрел вопрос о праве получения выплаты во второй раз, выйдя за пределы заявленных требований.

Можно говорить о том, что в данном случае преюдициальность фактов как бы «расширяется» в своем действии, поскольку факты, установленные вступившим в силу судебным

решением, распространяются и на новых участников, если они их не оспаривают.

Следующим дискуссионным вопросом является преюдициальность в отношении фактов, установленным в предыдущем деле, которое закончилось заключением сторонами мирового соглашения. Следует указать, что в доктрине об обязательности для судов таких фактов нет единого мнения. Некоторые авторы полагают, что стороны не должны доказывать в новом деле обстоятельства, подтвержденные условиями утвержденного мирового соглашения [15]. Другая позиция обратна — определение о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения в данном случае не носит преюдициальной силы [14].

Полагаем, вторая позиция является более обоснованной, поскольку из толкования ст. 220 ГПК РФ следует, что суд лишь утверждает фактические обстоятельства на основе заключенного сторонами мирового соглашения, но не устанавливает их сам в судебном порядке.

Кроме того, такая же позиция подтверждается практикой. Верховный Суд указывает, что в делах, которые заканчиваются заключением мирового соглашения, не осуществляется судебная оценка доказательств и установление обстоятельств дела, также указав на то, что обстоятельства, на которые сторона ссылается, должны быть доказаны в новом деле [5]. Дополнительным аргументом может служить отсутствие права суда вносить изменения и дополнения в условия мирового соглашения [6].

Однако единогласие в материалах судебной практики по гражданским делам, в отличие от уже давно сложившегося правильного подхода в арбитражной практике по данному вопросу, отсутствует. В одних делах суды спорно относятся к обоснованию доводов сторон преюдициальностью обстоятельств, установленных решением суда по утверждению мирового соглашения, в других делах встречается даже безусловная ссылка на такие решения как носящие преюдициальный характер.

Так, гражданка просила признать право собственности на колодец, расположенный на земельном участке, принадлежащем ответчику на праве собственности. В обоснование требований указывает, что колодец возведен на условиях общей долевой собственности, а также на то, что вступившим в силу решением суда утверждено мировое соглашение об определении порядка пользования имуществом и установлен факт нахождения спорного имущества в общей совместной собственности сторон. Истица считает данное решение преюдициальным и право пользования колодцем — не подлежащим оспариванию в силу ст. 61 ГПК РФ. Суд не удовлетворил требования, со ссылкой на отсутствие материальных оснований — ответчик является законным владельцем земельного участка, и колодец следует его судьбе как составная часть. В отношении заключенного мирового соглашения суд указал, что оно определяет порядок пользования иным имуществом, а не право на колодец [7].

Данная позиция суда весьма спорна, так как довод о преюдициальности указанного вступившего в законную силу решения суда не был опровергнут судами, наоборот, из толкования решения следует, что если бы мировое соглашение устанавливало бы права истца в отношении спорного имущества, то оно имело бы преюдициальное значение в данном деле.

В другом деле гражданин обратился с требованием к банку о взыскании задолженности по договору банковского вклада, неустойки и процентов, обосновывая тем, что требование о возврате вклада не исполнено. Ответчик возражал тем, что было утверждено мировое соглашение между банком и кредиторами в целях реструктуризации банка. Реструктуризации подлежали все обязательства банка, в том числе по возврату сумм вкладов. Суд поддержал позицию ответчика: истец был уведомлен о заключении мирового соглашения и утверждении его решением Арбитражного суда г. Москвы. Кроме того, такое решение, по мнению суда, имеет преюдициальное значение для рассмотрения настоящего дела, в связи с чем указанные обстоятельства не подлежат оспариванию [8].

Также на решение суда об утверждении мирового соглашения как безусловно преюдициальное ссылается суд и по другому делу: определение суда об утверждении мирового соглашения вступило в законную силу и имеет преюдициальное значение при разрешении настоящего спора по иску сопоручителя о взыскании с других сопоручителей задолженности в порядке регресса [9].

Данную практику нельзя признать положительной, поскольку, как указывалось выше, что суд утверждает фактические обстоятельства на основе мирового соглашения, но не производит судебную оценку доказательств и установление обстоятельств дела.

Последним рассматриваемым вопросом, не урегулированным на законодательном уровне, является вопрос о преюдициальности постановлений мирового суда о привлечении к ответственности за нарушение исключительных прав. Анализ судебной практики позволяет положительно ответить на данный вопрос. Следует указать, что в ст. 61 ГПК РФ говорится о преюдициальности решений арбитражного суда, приговора суда по уголовному делу, решений об административном правонарушении.

Так, несколько лиц как обладатели исключительных прав обратились с иском к ответчику, незаконно использующему программы для ЭВМ. В ходе дела было подтверждено незаконное использование ответчиком контрафактных продуктов, исключительные права на которые принадлежат истцам. Однако, суды первой и второй инстанции отказали истцам во взыскании компенсации, поскольку, по их мнению, материалы дела не содержат доказательств, подтверждающих принадлежность изъятых системных блоков компьютера ответчику как физическому лицу, а также использование им нелегальных программных продуктов в личных целях.

Однако Верховный Суд указал на ошибочность такой позиции: в материалах дела имеется протокол об административном правонарушении, которым установлено, что ответчик незаконно использовал исключительные права, принадлежащие другим лицам; а также постановление мирового судьи о назначении административного наказания. Таким образом, по делу имеется судебное постановление, установившее вину ответчика как физического лица в нарушении авторских прав истцов, которое имеет преюдициальное значение при рассмотрении настоящего дела [10]. Такая позиция подтверждается и по другим делам [11].

Подводя итоги, можно сказать о том, что отличительной чертой гражданского процесса является преюдициальность не только фактов, но и правоотношений. Отмечена противоречивость позиций высшей судебной инстанции в отношении квалификации некоторых обстоятельств в качестве «фактов» или «правоотношений». Предложено разграничение этих категорий: если обстоятельство относится к объективной данности, реальным событиям, то оно является «фактом», если же речь идет о связи сторон, в том числе договорной, которой суд дает юридическую квалификацию, то имеет место «правоотношение».

Второй рассмотренной проблемой является особенность действия механизма преюдиции в том случае, когда в деле участвуют новые лица. Преюдициальность распространяет свое действие на указанных субъектов, если новые участники не

оспаривают факты, установленные вступившим в силу судебным решением.

Также на основании толкования ст. 220 ГПК РФ сделан вывод о том, что определение о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения в данном случае не носит преюдициальной силы, поскольку суд лишь утверждает фактические обстоятельства на основе заключенного сторонами мирового соглашения, но не устанавливает их сам в судебном порядке.

Кроме того, выделено не закрепленное на законодательном уровне (в ст. 61 ГПК РФ) судебное постановление, носящее преюдициальный характер — постановление мирового суда о привлечении к ответственности за нарушение исключительных прав.

Литература:

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 августа 2020 г. № 50-КГ20-3-К8 (Дата обращения 15.06.2022)
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.10.2019 № 23-КГ19-6, 2-254/2017. (Дата обращения 15.06.2022)
3. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2020 г. № 5-КГ20-30 (Дата обращения 15.06.2022)
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.07.2017 № 19-КГ17-17. (Дата обращения 16.06.2022)
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.10.2014 по делу № 308-ЭС14-91, А53-16593/2013 (Дата обращения 19.06.2022)
6. Определение Тюменского областного суда от 15 января 2014 г. по делу № 33-6151/2013, 33-94/2014 (Дата обращения 19.06.2022)
7. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 05.02.2014 по делу № 33-908/2014 (Дата обращения 20.06.2022)
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.07.2014 по делу № 33-20011 (Дата обращения 20.06.2022)
9. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 19.02.2018 по делу № 11-2593/2018 (Дата обращения 21.06.2022)
10. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N3 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) (Дата обращения 16.06.2022)
11. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 11.11.2019 № 33-18605/2019 (Дата обращения 21.06.2022)
12. Апелляционное определение Усть-Куломского районного суда Республики Коми по делу № 11-5/2015: [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-ust-kulomskij-rajonnyj-sud-respublika-komi-s/act-487795354/>. (Дата обращения 22.06.2022)
13. Постановление Президиума Томского областного суда от 11.12.2019 № 44г-69/2019 (Дата обращения 20.06.2022)
14. Малых Е. Г. Проблемы преюдиции в гражданском и арбитражном процессе. Дис... канд. юрид. наук. М., 2005. (Дата обращения 16.06.2022)
15. «Преюдициальная связь судебных актов» (Безруков А. М.) («Волтерс Клувер», 007

Стрельба в условиях ограниченной видимости

Клиноква Екатерина Николаевна, курсант

Научный руководитель: Юрков Михаил Николаевич, преподаватель
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк)

В большинстве случаев преступления, перестрелки и военные действия, происходят в условиях ограниченной видимости, т.е. ночью. Следовательно, для натренированных сотрудников темнота является незаменимым помощником, потому что не

только оказывает психологическое воздействие на противника, но и играет на руку сотруднику. Отметим, что необходимо не только грамотно и четко использовать огнестрельное оружие, но и правильно применять темноту в роли оружия.

В ночное время следует вести стрельбу, ориентируясь на звук и вспышку. Данные навыки военнослужащие и сотрудники отработывают в специальных тренировочных центрах, где основной задачей является выработка стратегического мышления.

В ночное время суток повышается эффект неожиданности, и сотрудники, натренированные для ведения ночных боевых действий, способны выполнить боевую задачу быстро, эффективно и с наименьшими потерями. Необходимо отметить, что исход боевого события решает не количество людей и не мощь огневых средств, а степень подготовленности личного состава к ночному бою и способность конкретных людей воевать в темноте [1].

Затрагивая психологические особенности людей во время ведения огня, необходимо отметить, что на стрельбу влияют такие факторы, как «ожидание выстрела» и «ожидание нажатия на курок». Необходимо индивидуально прорабатывать указанные выше показатели для достижения наилучшего результата.

Обратимся к работе Рабазанова С. И., и Лопатина Е. А. Они считали, что: «справиться с данными проблемами помогут идеомоторная и аутогенная тренировки. Идеомоторная тренировка развивает у стрелка способность выполнять алгоритм правильных действий в той или иной ситуации работы с оружием. Посредством идеомоторной тренировки стрелок приобретает необходимые навыки умелого обращения с оружием. Самым явным проявлением идеомоторной тренировки является работа с оружием «вхолостую». Аутогенная тренировка — это психологическое воздействие на стрелка для приобретения им необходимого состояния для стрельбы или борьбы с негативными эмоциями. Аутогенная тренировка может проводиться в любое удобное время не только на стрелковых тренировках, но и вне их. Стрелка обучают методикам самостоятельной аутогенной тренировки с целью борьбы с негативными эмоциями, характерными для него» [6].

Р. А. Кудрявцев, Л. И. Тимошенко, Е. В. Кособлик, С. И. Гуц в своих научных работах писали, что эмоциональное состояние очень сильно влияет на исход стрельбы, так как оказывает воздействие на мелкую моторику, двигательную активность, восприятие и контроль своих действий, а также способность анализировать произошедшее [5].

От негативного или наоборот положительного настроения зависит тактика ведения стрельбы. При негативном настроении человек становится повышенно возбудимым, теряется самоконтроль, появляется напряжение, от которого происходит сжатие оружия перед выстрелом и резкое надавливание на спусковой крючок. При наличии хотя бы одного из этих факторов стрельба становится менее результативной.

Следует помнить, что ночью зрение подвержено искажению. Любой источник света всегда будет казаться ближе на $\frac{1}{4}$ реального расстояния, чем днем [2]. Визуально, крупные объекты будут казаться выше и больше, чем они есть на самом деле. Для правильного определения расстояния ночью на конкретных дистанциях наглядно производится зажигание спички, прикуривание или стрельба холостыми патронами, где сотрудники должны научиться визуально определять расстояние от одного объекта до другого.

Аналогично тренированным центрам активно реализуется практика применения специальных тренажеров, (полигоны, тир) которые позволяют моделировать внезапное появление и перемещение целей, для создания обстановки максимально приближенной к реальности.

Один из самых эффективных тренажеров, это с видом противника, внезапно выхватывающего пистолет. Задача обучающегося — уловить начало действий противника и упредить его в выхватывании своего пистолета из кобуры и производству выстрела. Тренажер фиксирует и сличает время действий противников, показывая, кто упредил и насколько. Отрабатывается действия с выниманием пистолета из различно расположенной кобуры, которая будет у данного сотрудника. В таких рода центрах можно обрабатывать различные задачи: блокирование и деблокирование здания, отдельных помещений, прохождение лестничных маршей, дверных проемов, также форсированное проникновение внутрь здания.

Таким образом, многофакторная подготовка к ведению боя в различных ситуациях с одним условием в виде ночного времени достигается с помощью разработки и развития таких факторов, как психофизиологические, экстремальные, а также тактика и методика взаимодействия между подразделениями в условиях боя.

Литература:

1. Осипов О. О. Технично-тактическая подготовка сотрудников правоохранительных органов в стрельбе из пистолета: учеб. — метод. пособие. Омск, 2003. 88 с.
2. Щипин А. И., Ковшов Н. В., Шестопалова Е. В., Дьякова Е. Ю. Огневая подготовка в органах внутренних дел: учеб. — метод. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. 238 с.
3. Дворяк И. А. Огневая (стрелковая) подготовка работников органов внутренних дел: учебник. М., 2005. 328 с.
4. Эрих Дорверк «Тактика ночного боя», 1964, г. Бонн
5. Влияние индивидуальных особенностей стрелка на его психологическое состояние во время стрельбы / Р. А. Кудрявцев, Л. И. Тимошенко, Е. В. Кособлик, С. И. Гуц // Современные наукоемкие технологии. — 2019. — № 7. — С. 190–194. — EDN JRDZAN.
6. Рабазанов С. И., Лопатин Е. А. Особенности обучения дисциплине «огневая подготовка» лиц, впервые принимаемых на службу в МВД России // Человеческий капитал. 2017. № 5 (101). С. 81–84.
7. Бондарев А. В. Особенности подготовки сотрудника ОВД к применению огнестрельного оружия и физической силы // Проблемы современного общества и пути их решения: материалы международной научно-практической конференции. Кубанский государственный университет. 2017. С. 339–344.
8. Яков А. А. Тренировка для развития специальной выносливости стрелка: материалы XVIII Международной научно-практической конференции: в 2-х т. 2016. С. 141–144.

К вопросу о необходимости дополнения полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Краснопеев Владимир Сергеевич, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

На сегодняшний день проблема достаточности полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, является актуальной как в юридической литературе, так и в практической сфере. После внесения изменений в ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ круг полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, был существенно ограничен.

Так, к примеру, в редакции УПК РФ от 06.06.2007 ст. 221 предусматривались следующие полномочия прокурора: при направлении дела в суд — составить новое обвинительное заключение; изменить объем обвинения либо квалификацию действий обвиняемого по уголовному закону о менее тяжком преступлении; отменить или изменить ранее избранную обвиняемому меру пресечения; избрать меру пресечения, кроме тех, избрание которых отнесено к компетенции суда; дополнить или сократить список лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей со стороны защиты; прекратить уголовное преследование отдельных обвиняемых полностью или частично; прекратить уголовное дело [1].

Согласно действующей на сегодняшний день редакции УПК РФ прокурор по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, вправе «принять одно из следующих решений:

- 1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;
- 2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;
- 3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду» [2].

Кроме того, стоит учесть, что при производстве дознания (дознания в сокращенной форме) круг полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом (обвинительным постановлением), значительно шире.

Очевидно, из этого следует, что внесением вышеуказанных изменений в ст. 221 УПК РФ законодатель четко разграничил полномочия прокурора и следователя, чем наградил следствие большей процессуальной самостоятельностью.

Данные изменения по сей день остаются темой для дискуссий в юридической литературе.

Ряд исследователей считает, что утверждение прокурором обвинительного заключения — «это рудимент отжившей модели досудебного производства, в которой прокурор был полновластным хозяином процесса» [3].

Другая точка зрения состоит в том, что прокурору необходимо вернуть полномочия, которыми он обладал до 2007 года, а «сужение его полномочий представляется необоснованным» [4] и вовсе противоречит тем функциям, которые прокурор призван осуществлять в уголовном процессе.

Кроме того, Грашичева О. Н. поднимает вполне резонный вопрос: «почему по получении обвинительного акта (обвинительного постановления) прокурор вправе исключить отдельные пункты обвинения или переквалифицировать обвинение на менее тяжкое, а при получении обвинительного заключения таких полномочий не имеет? На наш взгляд, нет достаточных оснований для сохранения в тексте УПК РФ этого несоответствия. Думается, что аналогичные полномочия должны быть сохранены у прокурора и в отношении обвинительного заключения» [5].

Однако статистика, приведенная Гавриловым Б. Я., говорит об улучшении качества расследования уголовных дел, так число оправданных судом лиц по уголовным делам, расследованным следствием МВД России с 2006 года (1 372–2,0%) сократилось до 324–0,84% к 2016 году [6].

В то же время значительно улучшились показатели и по уголовным делам, расследуемым в форме дознания, что позволяет усомниться в том, что именно изменения 2007 года послужили причиной для столь качественного развития.

Так, исследуя вопрос достаточности полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, следует обратить внимание на тот факт, что «неоднородность характера дефектов предварительного следствия, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, предопределяет различие способов их устранения. Именно этот момент заставляет усомниться в том, что производство дополнительного следствия является единственно возможным путем устранения обнаруженных прокурором нарушений» [7].

В ряде случаев без производства дополнительного следствия не обойтись, к примеру, неполнота предварительного следствия может быть восполнена непосредственно возвращением уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия. Однако в том случае, когда прокурор, изучив материалы уголовного дела, приходит к выводу о необходимости переквалификации обвинения на менее тяжкое или исключения отдельных пунктов обвинения, помимо возвращения уголовного дела следователю достаточно и, так называемого, прокурорского способа устранения данного дефекта.

Таким образом, следует поддержать суждения, высказываемые в юридической литературе, касающиеся необходимости дополнения полномочий прокурора возможностью исключать отдельные пункты из обвинения, переквалифицировать обвинение на менее тяжкое.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: редакция от 06.06.2007 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.— URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 18.05.2022).
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: редакция от 30.12.2021 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.— URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 18.05.2022).
3. Багмет, А.М. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? / А.М. Багмет, Ю.А. Цветков // Российская юстиция.— 2018.— № 4.— КонсультантПлюс: справочная правовая система.— URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.05.2022).
4. Головкин, Л.В. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев, Г.Н. Ветрова, Л.В. Головкин, Е.И. Жидкова, К.В. Ивасенко, Н.В. Ильютченко, Э.Ф. Куцова, М.А. Михеенкова, С.В. Романов, Л.Т. Ульянова, Д.П. Чекулаев; под редакцией Л.В. Головкин // Статут.— 2016.— КонсультантПлюс: справочная правовая система.— URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.05.2022).
5. Грашичева, О.Н. Проблемы правового регулирования полномочий прокурора на этапе окончания предварительного расследования / О.Н. Грашичева // Российский следователь.— 2015.— № 6.— КонсультантПлюс: справочная правовая система.— URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.05.2022).
6. Гаврилов, Б.Я. Эффективность досудебного производства // Б.Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство.— 2017.— № 2.— КонсультантПлюс: справочная правовая система.— URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.05.2022).
7. Дикарев, И.С. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением / И.С. Дикарев // Российский следователь.— 2020.— № 10.— КонсультантПлюс: справочная правовая система.— URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.05.2022).

Электронные средства платежа как предмет совершения хищения

Красуцких Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент;
Васильева Владилена Владимировна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье исследуется статус электронных средств платежа, рассматривается новый подход к толкованию предмета хищения в электронной среде, также исследуется статус криптовалюты в уголовном законодательстве РФ.

Ключевые слова: предмет хищения, электронные средства платежа, безналичные и электронные денежные средства, криптовалюта.

Чтобы понять процесс преступлений, направленный на посягание на собственность в электронной среде, необходимо сначала определиться с понимаем данного признака — электронные средства платежа, понять какое они занимают место в жизни как физических лиц и юридических, как влияет на их деятельность [2, Ст. 234].

Многие авторы делали попытки раскрыть понятие «электронных денег», но не у всех удается задеть все необходимые признаки. Более толковое и подробное понимание рассматриваемого средства было предложено Отмаром Иссингом — членом Правления Европейского центрального банка, который определил их как электронное хранение денежной стоимости с помощью технического устройства, для осуществления платежей не только в адрес эмитента, но и в адрес других участников [4, Ст. 29].

К электронным средствам платежа относят все используемые для безналичных расчетных операций банковские пластиковые карты, а также иные приравненные к ним платежные карты;

различные мобильные платформы, которые предполагают за собой использование электронного кошелька.

Тут необходимо разграничить электронные и безналичные денежные средства. Безналичные денежные средства имеют банковский счет, на который зачисляются, с которого переводятся денежные средства. Электронные денежные средства не имеют банковского счета. Также безналичные денежные средства существуют в виде записей на счетах в банках. Электронные денежные средства имеют форму кода в специальном электронном кошельке. Но данные отличия не имеют уголовно-правового значения, что подчеркивается в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 (далее — ПП ВС РФ № 48) [1].

Проанализировав практику, мы делаем вывод, что суды относят безналичные и электронные денежные средства к имуществу, а не к праву на имущество, из чего следует, что практика их относит к предметам хищения, а не к предметам мошенничества в форме приобретения права на чужое имущество, что так

же изложено в ПП ВС РФ № 48. Следовательно Верховный суд тем самым отменил физический признак имущества, который содержится в теории о хищении. Но данный подход помогает повысить эффективность применения правовых положений об ответственности за хищение [3, Ст. 4–9].

В настоящее время также следует выделить еще и третью группу электронных средств платежа — криптовалюту.

Квалификация деяний, которые связаны с хищением криптовалюты, на данный момент вызывает ряд сложностей.

Наиболее успешным примером криптовалюты сейчас является «Биткоин», который является финансовым инструментом виртуальной экономики. Если вернуться Биткоин рассмотреть с позиции предмета хищения, что можно сделать вывод, что он отвечает такому признаку, как экономический, так как существует курс биткоина к официальной валюте, есть возможность его использования как средства платежа при оплате товаров и услуг [5, Ст. 89]. Так же биткоин отвечает и юридическому признаку Электронных средств платежа, так как, несмотря на обезличенность электронных кошельков, они при-

надлежат определенному пользователю и является чужим для всех остальных.

В настоящее время судебная практика о хищении криптовалюты показывает, что правоприменители в большей части отказываются от возбуждения уголовного дела, так как криптовалюта не отвечает традиционным признакам предмета, которые сложились в учении о хищении. Например, Н. С. Шатикина полагает, что современное уголовное право использует узкое понимание имущества, поэтому криптовалюту к нему нельзя отнести, как нельзя отнести и к платежным средствам [7]. Также Арбитражный суд г. Москвы указывает, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав и находится вне правового поля РФ, так как ее правовая природа законодателем не определена [6, Ст. 409]

Таким образом, для повышения эффективности раскрытия преступлений в электронной среде необходимо уточнить предметы новых видов хищения, а также мы видим правильным рассмотреть криптовалюту в качестве иного имущества и распространить на нее в дальнейшем уголовно-правовую защиту.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета, № 280, 11.12.2017.
2. Абхалимова Р. С. Информационные технологии XXI века // Экономика и социум. 2014. № 2 (11).
3. Архипов А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3.
4. Карлина Н. Ю. Правовое регулирование расчетов с использованием электронных средств платежа // Вопросы науки и образования. 2019. № 18 (30).
5. Попиков А. А. Криптовалюта Bitcoin как финансовый инструмент виртуальной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2016. № 2.
6. Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3.
7. Шатикина Н. Несколько ремарок к вопросу о криптовалюте как предмете хищения. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/18/neskolko_remarok_k_voprosu_o_kriptovalyute_kak_predmete_hischeniya#comment_415739 (дата обращения: 27.05.2022).

Проблемы стандартизированной системы оценки для поступления в высшие учебные заведения

Кудрявцев Евгений Евгеньевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В Российской Федерации выпускники школ после окончания одиннадцатилетнего обучения для получения аттестатов проходят государственную итоговую аттестацию (далее ГИА), представляющую из себя набор экзаменов по предметам обязательным и по выбору обучающегося. ГИА выступает завершительным этапом образовательных программ основного и среднего общего образования [1]. Аттестация имеет три подразделения:

1. Обязательный государственный экзамен (далее ОГЭ) — государственная итоговая аттестация, предназначенная для выпускников заканчивающих 9 классов;

2. Единый государственный экзамен (далее ЕГЭ) — государственная итоговая аттестация, от которой зависит, как выпускник напишет экзамены по выбранным предметам, такие баллы он и получит. От полученных баллов уже будет зависеть, поступит ли гражданин в высшее учебное заведение (далее вуз), в какой вуз и возможность поступления на бюджетные места, для выпускников 11 классов.

3. Государственный выпускной экзамен (далее ГВЭ) — государственная итоговая аттестация, для выпускников в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа,

учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, для выпускников прошедших обучение с ограниченными возможностями по здоровью, детей-инвалидов и инвалидов.

Я хотел бы обратить внимание на ЕГЭ, так как для поступления в вуз абитуриенту требуется сдать вступительные экзамены в форме ЕГЭ после окончания школы. Список вступительных испытаний при поступлении на обучение в вуз по программам бакалавриата и программам специалитета утверждается Министерством образования и науки Российской Федерации. По большинству специальностей и направлений подготовки требуется сдать четыре и более вступительных испытаний, которые могут быть выбраны образовательной организацией высшего образования [3]. По каждому направлению, специальности один из предметов, экзаменов является профильным. В число экзаменов обязательных для поступления должны входить экзамен по профильному предмету организации и русский язык. Ученики же сдают два обязательных предмета согласно порядку проведения ГИА, утвержденному приказом Минпросвещения России: русский язык и математику базовую, профильную по выбору или смотря на требования вуза. Результаты ЕГЭ действительны в течение четырех лет, отсчет которых производится со следующего года с сдачи экзамена.

Молодые граждане, оканчивающие свое одиннадцатилетнее обучение, встают на путь выбора, куда им идти дальше, это серьезный шаг и подойти к нему нужно ответственно. Все решится от их личностных установок, понимания пройденного материала и использования его при сдаче экзамена. От полученных результатов будет зависеть, поступят ли они в выбранный ими вуз. В зависимости от уровня, престижа вуза, каждый устанавливает свои минимальные требования в виде количества баллов для поступления. Стандартизированная система проведения экзаменов в момент ее введения имела достаточно крупный успех только тем, что предоставила возможность абитуриентам из семей с различным финансовым достатком, из разных городов, населенных пунктов и т.д. поступить в ведущие вузы Российской Федерации.

Со временем систему требуется модернизировать, т.к. являются моменты, которые ухудшают ряд аспектов в качестве образования. Уже преподавательский состав наблюдает и подмечает такую тенденцию, что все больше нынешних выпускников не могут использовать полученные знания для решения задач, отсутствие воспитанности и развития молодого гражданина как личности взаимодействующего с обществом, реконструкция интеллектуальной деятельности, связанная с потерей логического мышления и тяжелым прогрессом в дальнейшем развитии и т.д. [6]

Подготовка к написанию теста занимает немало усилий. Регулярные тренировки, изучение материала, решение демо-версий экзаменов, решение экзаменов прошлых лет и пробники свели к тому, что ГИА в принципе представляет «заучивание». Заполнение бланков ответов требует особого внимания, если выйти за положенные бланком рамки может пострадать результат. Переживания, многократные повторения для подготовки, стремление и впечатлительность по-разному влияют на каждого из выпускников. Добавим ко всему этому момент подталкивающий, так или иначе к риску участников ЕГЭ:

1. В случае если результаты ЕГЭ аннулированы по причине фиксации факта нарушения порядка проведения экзамена, то он может пересдать учебный предмет в следующем году, но не в году аннулирования результатов;

2. В случае если участник получил неудовлетворительный результаты по сдаваемым предметам, то он может пересдать предмет в следующем году [2].

Если участник нарушил, он получает год отсрочки, допустим это вид наказания, но и при этом, если участник честно написал и не набрал требуемое количество баллов, ему тоже придется ждать год. По моему мнению, данный момент стоит урегулировать.

Гражданин, оканчивая школу, еще молодой, в случае провала теряет год. Год реализации своего потенциала через получение нового образования! Осознание этого в уме только созревшего гражданина нашей страны повергает в шок, особенно людей впечатлительных. Стресс побуждает совершать ошибки, ошибки влияют на результат. Со стороны семьи с разными финансовыми положениями, которые могут рассчитывать только на бюджетные места в вузах данный факт негативно сказывается на будущем их ребенка.

Стандартизированная система тестов и получение результатов в виде баллов требует модернизации. Требуется более гибкий подход к оцениванию в условиях глобализации. Для начала рассмотреть возможность хотя бы один раз повторно пройти экзамен в тот же период, который предусмотрен при удовлетворении апелляции. По данному поводу уже рассматривается законопроект № 114984-8, в котором будут внесены изменения в статью 59 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Предлагается закрепить право предоставлять резервный срок в течение одного месяца для пересдачи экзамена по соответствующему предмету и по предмету, которому были получены неудовлетворительные результаты.

Одним из вариантов решения и более гибкого подхода к оцениванию экзаменов участников, будет введение устной оценки участника сдаваемого предмета педагогом через диалог и опрос, как решались задачи. Участник благодаря системам теста может наугад поставить вариант ответа и отгадать его. Диалог обеспечивает к минимизации таких ситуаций и побуждению не «заучивать», а использовать полученные знания. Осуществлять контроль возможно при помощи записи диалога между участником и педагогом, в случае подозрения халатности или коррумпированности обратиться к записи. Результатом диалога будет сопроводительное письмо к тесту, благодаря которому появится возможность более детально ранжировать абитуриентов на бюджетные места. Со временем поменяется мышление учеников, они будут стремиться к пониманию и использованию полученных знаний в процессе обучения для решения задач на экзамене. Маловероятно, но определенно повлияет данное нововведение на момент решения частей А и В экзаменов, где проверка является компьютеризированной. Если меры не будут предприняты, то со временем страна потеряет молодые таланты и дополнительные занятия у «репетиторов» не смогут исправить положение. Ведь они тоже будут готовить только к тесту, и мы уже наблюдаем такую тенденцию как «ре-

петиторство» по подготовке к ЕГЭ. Тяжелее всего будет, когда педагоги перестанут развивать учеников интеллектуально, чтобы те в свою очередь могли развиваться дальше и использовать полученные знания.

Также следует рассмотреть отделы или организации, оказывающие помощь выпускникам школ, будучи впечатлительными и находящиеся в стрессовом состоянии. Отделы помощи обеспечат больше рабочих мест, можно расценивать как учебную или производственную практику для студентов, проходящих обучение в педагогической сфере, психологии.

Единый государственный экзамен по многим направлениям в свое время облегчил поступление гражданам. Самым сильным шагом остается предоставление возможности гражданам, проживающим вдалеке от городов, поступить в ведущие вузы страны.

Но следует шагать в ногу со временем и адаптироваться к текущим реалиям и возникающим проблемам. Тем самым, мы облегчим нагрузку на учеников, повысим уровень и качество образования, введем еще один критерий для поступления в вуз на бюджетные места, предоставим новые рабочие места и возможность практики обучающимся.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г., № 273-ФЗ: по сост. на 11.06.2022 // [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс»
2. Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования: Приказ Минпросвещения России № 190, Рособрнадзора № 1512 от 07.11.2018: по сост. на 16.03.2021 // [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс»
3. Об утверждении перечня вступительных испытаний при приеме на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата и программам специалитета: Приказ Минобрнауки России от 06.08.2021 № 722: по сост. на 02.11.2021 // [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс»
4. Система обеспечения законодательной деятельности // Законопроект № 114984-8 — О внесении изменений в статью 59 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» — внесен в Государственную думу 27.04.2022 г.: [Электронный ресурс] — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/114984-8>
5. Старостина А. Н. ЕГЭ, как современная форма проверки знаний, достоинства и недостатки // Тенденция развития науки и образования. — 2021. — № 75-4. — с. 146-149 // [Электронный ресурс] — Доступ из научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU»
6. Галочкин В. Т. К вопросу о высшем образовании в РФ // Хроноэкономика. — 2021. № 1 (29). с. 5-8 // [Электронный ресурс] — Доступ из научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU»

Изъятие земель для государственных или муниципальных нужд

Кудрявцева Арина Михайловна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье анализируется процесс изъятия земель для государственных или муниципальных нужд в части оснований прекращения прав на владение имуществом, процедуры изъятия и правовых последствий изъятия.

Ключевые слова: изъятие, земельный участок, государственные нужды, муниципальные нужды, основания, процедура изъятия, последствия.

В настоящее время среди оснований прекращения прав на владение земельными участками можно выделить их изъятие для государственных или муниципальных нужд, основные положения которого закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] и Земельном кодексе Российской Федерации (далее — ЗК РФ) [2].

Процедура изъятия земельного участка для нужд государства (муниципалитета) предполагает несколько этапов, представленных на рисунке 1.

Правовые последствия, определенные в ст. 56.11 ЗК РФ и наступающие при заключении соглашения об изъятии имущества для государственных (муниципальных) нужд, а также всту-

пления в законную силу решения суда о принудительном изъятии включают в себя:

- 1) отчуждение частного земельного участка в пользу государства (муниципалитета);
- 2) прекращение права пользования или права пожизненного наследуемого владения;
- 3) досрочное прекращение договора аренды или договора безвозмездного пользования;
- 4) прекращение права оперативного управления/хозяйственного ведения на объекты недвижимого имущества;
- 5) возникновение прав на земельные участки, образуемые в результате перераспределения;

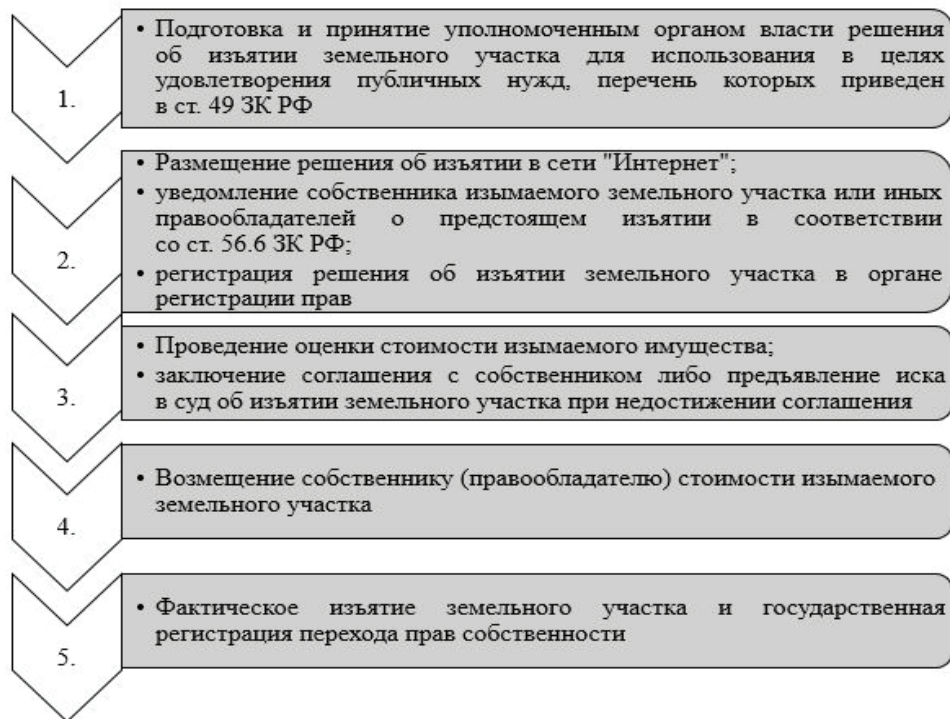

Рис. 1. Основные этапы изъятия земельного участка для государственных (муниципальных) нужд

6) государственную регистрацию возникновения, прекращения или перехода прав на изъятые земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества;

7) снос объектов недвижимого имущества, расположенных на изъятном земельном участке.

В связи с тем, что основным правовым последствием выступает переход права собственности на земельный участок и (или) недвижимое имущество, размещенное на нем, в последнее время увеличивается количество возникающих споров между правообладателями и органами власти, осуществляющими изъятие. Анализ судебной практики рассмотрения дел указанной категории свидетельствует о том, что проблема неправомерного изъятия земельных участков является актуальной.

Так, ООО «Южуралбытсервис» обратилось в Арбитражный суд Челябинской области с заявлением к Администрации города Челябинска (далее — Администрация) и Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Челябинской области (далее — Росреестр) с заявлением о признании недействительным распоряжения Администрации города Челябинска от 24.09.2014 № 6161 «Об изъятии для муниципальных нужд земельного участка по адресу: г. Челябинск, Центральный район, ул. Худякова, д. 29».

Указанный земельный участок подлежал изъятию для нужд муниципалитета, а именно для строительства транспортной развязки на пересечении улиц Худякова — Университетская Набережная в городе Челябинске. При рассмотрении заявленных требований судом было установлено, что согласно пре-

доставленной документации по планировке территории транспортной развязки красные линии вышеупомянутых улиц не пересекали границ изымаемого земельного участка, а также не предусматривали строительство правого поворота с улицы Худякова на улицу Татьянической. Кроме того, судом были отклонены ссылки Администрации на иные нормативные документы по причине их издания после принятия оспариваемого распоряжения об изъятии земельного участка.

Кроме того, пункт 4 статьи 2 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ) [4] предусматривает, что строительство осуществляется на основе документов территориального планирования и правил землепользования и застройки.

Ответчиками был предоставлен План мероприятий муниципальной программы «Развитие улично-дорожной сети города Челябинска», содержащий указание на строительство указанной транспортной развязки. Однако, данный документ, согласно статье 9 ГрК РФ, не входит в перечень документов территориального планирования, обязательного для принятия органами местного самоуправления решений об изъятии земельных участков для муниципальных нужд.

Исходя из вышеизложенного, суд при рассмотрении дела обоснованно не установил документального подтверждения законности изъятия земельного участка, тем самым признав недействительным распоряжение Администрации и удовлетворив требования заявителя.

Вынесенное решение было обжаловано, однако Восемнадцатым арбитражным апелляционным судом решение Арбитражного суда Челябинской области было оставлено без изменения [3].

Рассмотренное дело является ярким примером того, что соответствия цели изъятия земельного участка основаниям, указанным в статье 49 ЗК РФ, недостаточно для отчуждения частного земельного участка в пользу муниципалитета (государства).

В соответствии с частью 5 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [5] бремя доказывания соответствия оспариваемого ненормативного правового акта законности его принятия несут орган или лицо, принявшие указанный акт. Таким образом, в предмет доказывания по делам рассматриваемой категории, влекущим тяжелые правовые последствия как для физических, так и для юридических лиц, входят:

- цель, в соответствии с которой осуществляется изъятие имущества;
- соответствие нормативных документов, подтверждающих обоснованность выбранной цели, самой цели изъятия;

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/
3. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2015 № 18АП-8935/2015, 18АП-9499/2015 по делу № А76-32072/2014. — <https://kad.arbitr.ru/Card/cd68b74c-6c5d-462f-9042-7039b234e334>
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/

Особенности понятия и содержания дефиниции «наркотизм»

Левченко Виталий Борисович, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Актуальность исследования обусловлена устойчивым негативным характером сложившейся в Российской Федерации наркоситуации. В статье анализируется содержание дефиниции «наркотизм», проводится сравнение понятий «наркомания» и «наркотизм», их взаимосвязанность.

Ключевые слова: наркотизм, наркомания, незаконный оборот наркотиков, наркоситуация, общественно опасные деяния.

Наркотизация российского общества представляет в настоящее время реальную угрозу как безопасности государства, так и состоянию общественного здоровья. В соответствии с Докладом о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году, подготовленным Государственным антинаркотическим комитетом, состояние наркоситуации определяется как «тяжелое» и выражается следующими показателями:

- количество зарегистрированных правоохранительными органами Российской Федерации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составило 189 905 (— 0,2%; 2019 г.— 190 197);
- государственной наркологической службой зарегистрировано 381 505 пациентов с психическими и поведенческими

- отсутствие иных вариантов возможного размещения предполагаемого к строительству объекта государственного (муниципального) значения;

- невозможность использования земельного участка согласно выбранной цели без перехода права собственности на спорный земельный участок;

- объективность определения возмещаемой стоимости изымаемого имущества.

Анализируя судебную практику по рассмотренному в настоящей статье вопросу можно прийти к выводу о несовершенстве подхода органов государственной исполнительной власти и органов местного самоуправления к изъятию земельных участков для их нужд. Основываясь на необоснованных целях изъятия органы власти игнорируют права и интересы правообладателей, в то время как при принятии решения должны опираться на принципы всесторонности, полноты и объективности.

- расстройствами, связанными с употреблением наркотиков (— 5%; 2019 г.— 401 233);

- ФСИН России зарегистрировано число лиц с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков в местах лишения свободы — 66 092 человек (2019 г.— 77 488). Из них 57 094 лица с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» (— 15,2%; 2019 г.— 67 303) и 8 998 лиц с диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков» (— 11,7%; 2019 г.— 10 185);

- по данным Роспотребнадзора зарегистрировано 18 013 случаев отравлений наркотическими веществами (— 0,2%; 2019 г.— 18 053),

– число умерших от потребления наркотиков составило 7366 человек, что на 16,1% больше в сравнении с 2019 г. (6344 человек) [1].

Приведенные статистические данные показывают, что определившаяся в последние десятилетия губительная тенденция к наркотизации населения носит устойчивый негативный характер. Также следует учитывать, что истинные масштабы этого явления вуалируются высокой степенью латентности, как заболеваемости наркоманией, так и противоправных деяний, связанных с наркотиками.

В настоящее время в отечественных научных кругах не выработано единого подхода к пониманию такого острого негативного социального явления как наркотизм, что частично объясняется тем фактом, что непосредственно дефиниция «наркотизм» носит многоотраслевой характер и применяется в уголовно-правовой и криминологической доктрине, психологии, медицине, социологии и ряде других наук.

Необходимо отметить, что понятия «наркотизм» и «наркомания» некоторыми авторами отождествляются. К примеру, Б. Ю. Артемов отмечает, что «наркотизм — это явление, которое заключается в систематическом употреблении лицом наркотических средств и психотропных веществ» [2, с. 15]

Однако, как справедливо отмечают Б. У. Сейтхожин и Б. Ш. Сарсембаев, «для отражения различных аспектов, то есть всех преступных явлений, связанных с наркотиками, широко распространенного понятия «наркомания» недостаточно, поскольку оно характеризует только медицинский или биологический аспект, а именно наркоманию, как болезнь исключительно с позиций медицины, но не охватывает социальный, в частности правовой, и ряд других аспектов» [3, с. 18].

Действительно, в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», наркомания определяется как «заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества» [4], что позволяет говорить об исключительно медицинском характере данного понятия.

Э. Г. Гасанов обращает внимание на межотраслевой характер наркотизма, формулируя следующее его определение — это «негативное социальное явление, которое включает в себя социальный, правовой, криминологический, биологический и экологический элементы, затрагивающие, как следствие, социальную, правовую, криминологическую, экономическую и биологическую сферы, которое выражается в заболеваемости наркоманией и совокупности противоправных деяний, связанных с наркотиками или совершающихся для добывания наркотических средств, а также в состоянии наркотического опьянения» [5, с. 4]. Т. В. Гуцина и М. В. Чернецова, разделяя позицию Э. Г. Гасанова, также указывают на такое свойство наркотизма как высокая степень общественной опасности вследствие распространения на различные сферы жизни общества [6, с. 147].

Таким образом, отождествление понятий «наркомания» и «наркотизм» не представляется корректным, дефиниция «наркомания» по отношению к дефиниции «наркотизм» выступает в качестве частного по отношению к целому. Как отме-

чают Т. В. Гуцина и М. В. Чернецова, содержанием наркотизма также охватываются различные подструктуры, разнообразные действия, образующие нелегальный оборот наркотиков: производство, приобретение, сбыт, потребление, хранение и т. д. [6, с. 147].

Л. И. Романова формулирует специальное понятие наркотизма — «криминальный наркотизм», который представляет собой «криминальное и негативное социально-правовое и уголовно-наказуемое явление, которое связано с незаконным оборотом наркотиков, имеющее свои характеристики, причины и условия распространения, особенности развития в той или иной стране или в отдельных регионах страны в определенный исторический период» [7, с. 12–13]. И. А. Яковленко, исследуя приведенную дефиницию, находит, что «неверно сводить сущность наркотизма исключительно к наркотизации различных слоев населения, при этом, укажем, что недопустимо рассматривать данные понятия отдельно друг от друга, поскольку наркомания выступает преддверием наркотизма» [8, с. 223].

Следует отметить, что дефиниция «наркотизм» содержится преимущественно в теоретических источниках, тогда как для обозначения данного явления в законах, других нормативных актах, а также в правоприменительной литературе используется дефиниция «наркомания».

Все преступления, так или иначе обусловленные или сопряженные с наркотизмом, условно можно подразделить на несколько групп:

1) преступления, совершаемые потребителями и производителями наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: запрещенные законом действия по хранению, изготовлению, переработке, перевозке и другие операции с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами, совершаемые лицами, их употребляющими и добывающими эти вещества в личных целях для последующего использования или сбыта (статьи 228–234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации);

2) корыстные и корыстно-насильственные общественно опасные деяния, совершаемые лицами, больными наркоманией, с целью получения денег для приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов;

3) тяжкие преступления, совершаемые лицами, больными наркоманией, находящимися в состоянии наркотического опьянения (как правило, агрессивные и насильственные преступления против жизни и здоровья потерпевших);

4) преступления против несовершеннолетних (общественно опасные деяния, которые связаны с распространением наркомании среди несовершеннолетних и вовлечением их);

5) преступления, связанные с распространением наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в организованной форме (наркобизнес);

6) преступления, совершаемые лицами, отбывающими уголовные наказания в местах лишения свободы из-за наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Таким образом, преступный, социальный, медицинский и экономический вред, наносимый распространением наркотизма, как в Российской Федерации, так и во всем мире, обуславливает необходимость усиления вмешательства государства

в противодействие незаконному обороту наркотиков, разработку и внедрение системы эффективных мер для противодействия и борьбы с наркоманией, в реализации которых должны

быть задействованы государственные органы, медицинские учреждения, образовательные, общественные, культурные организации, средства массовой информации и другие.

Литература:

1. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году.— Текст: электронный // Государственный антинаркотический комитет: [сайт].— URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2021/11/24/24/%D0%92%D1%8B%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%9D%D0%A1_%D0%A0%D0%A4_2020__07_2021.doc (дата обращения: 17.06.2022).
2. Артемов, Д. Ю. Криминологическое планирование в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Артемов Денис Юрьевич; Омская академия МВД России.— Омск, 2008.— 27 с.— Текст: непосредственный.
3. Сейтхожин, Б. У. Понятие, сущность и формы наркомании / Б. У. Сейтхожин, Б. Ш. Сарсембаев.— Текст: непосредственный // Юридический факт.— 2019.— № 110.— С. 17–20.
4. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства РФ.— 1998.— № 2.— Ст. 219.
5. Гасанов, Э. Г. Ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств: сравнительно-правовой и уголовноправовые аспекты / Э. Г. Гасанов.— Москва: ЮрИнфоР, 2002.— 229 с.— Текст: непосредственный.
6. Гущина, Т. В. Понятие наркотизма: проблемы правового и лингвистического толкования / Т. В. Гущина, М. В. Чернецова.— Текст: непосредственный // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.— 2016.— № 3 (72)— С. 145–149.
7. Романова, Л. И. Наркомания и наркотизм / Л. И. Романова.— СПб: Юрид. центр Пресс, 2003.— 481 с.— Текст: непосредственный.
8. Яковленко, И. А. Понятие и сущность наркотизма / И. А. Яковленко.— Текст: непосредственный // Colloquium-journal.— 2019.— № 16–7 (40)— С. 222–223.

Современные проблемы избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном процессе

Лопатин Кирилл Анатольевич, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье автора раскрываются проблемы избрания меры пресечения в виде домашнего ареста. Также в работе обозначены актуальные практические и теоретические проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, подозреваемый, обвиняемый.

В данной работе мы рассмотрим проблемы в избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, а также рассмотрим сложившуюся практику по избранию и по применению данной меры пресечения.

В начале рассмотрения данного вопроса необходимо проанализировать статистические данные по избранию меры пресечения за 2016 год, опубликованные Верховным судом Российской Федерации. Так, например, на территории Российской Федерации судами общей юрисдикции было рассмотрено 136 580 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Количество ходатайств огромное, но положительной чертой является то, что по отношению к 2015 году количество их снизилось на 11,4%. В 2015 году

суды общей юрисдикции рассмотрели 154 066 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [1, с. 161–164].

В своих статистических показателях Верховный суд Российской Федерации указал, что суды общей юрисдикции рассмотрели 6 907 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста.

Из статистических данных видно, что ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста значительно меньше, чем ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Примерно в 20 раз ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу преобладают над ходатайствами об избрании меры пресе-

чения в виде домашнего ареста. Из чего можно сделать вывод, что на практике судами, органами предварительного расследования и прокуратурой предпочтение отдается не более гуманному домашнему аресту, а с мой жесткой меры пресечения — заключение под стражу. Также стоит отметить то, что около 6 101 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суда общей юрисдикции удовлетворили, что составляет 88,3% от общего числа ходатайств данного вида. Подобная ситуация сильно напоминает состояние с ходатайствами об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Как видно из процентного соотношения рассмотренных и удовлетворенных ходатайств из года в год почти не изменяется.

На настоящее время мера пресечения в виде домашнего ареста начала избираться довольно активно. Особенно это касается нашумевших уголовных дел. Например, 15 ноября 2016 года Басманный суд г. Москва избрал меру пресечения в виде домашнего ареста в отношении бывшего министра экономического развития Алексею Улюкаеву.

Проблемы избрания и применения домашнего ареста можно представить в двух группах: 1) определение места нахождения обвиняемого (подозреваемого) и объем возложенных на него правовых ограничений; 2) определение лиц, к которым избрание и применение данной меры пресечения будет оптимальным.

Относительно первого вопроса. Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года дал разъяснения. В п. 38 Постановления сказано, что «жилым помещением для целей статьи 107 УПК РФ понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям». [2].

В случае госпитализации обвиняемого (подозреваемого) местом нахождения данного лица будет лечебного учреждения. Между тем, за рамками толкования Верховного суда Российской Федерации гостиничные номера и общежития, которые отвечают требованиям места временного проживания. По данному вопросу мнения ученых разделились на две группы. Одни считают, что домашний арест возможен в любом помещении, в то время как вторые считают, что контроль за условиями домашнего ареста затруднителен в таких помещениях, поэтому для данной меры пресечения невозможно предоставить такие условия проживания. Что касается ограничений в правах и свободах, то Верховный суд Российской Федерации в п. 40 Постановления указал, что «При ограничении выхода за пределы жилого помещения, где подозреваемый или обвиняемый проживает, суду следует перечислить случаи, в которых лицу разрешено покидать пределы жилого помещения, и указать время, в течение которого лицу разрешается находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, и (или) в случаях, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения».

Однако, на практике суд пренебрегает этим правилом и лишь в трети Постановлений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста присутствуют разрешения на прогулки обвиняемому (подозреваемому). Что касается круг лиц, с которыми обвиняемому (подозреваемому) запрещено общаться, Верховный суд Российской Федерации указал, что «Запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц». Но на практике суды используют типовые формулировки, при ограничении общения с определенным кругом лиц: «со всеми участниками уголовного судопроизводства по делу», «со всеми должностными лицами, работающими совместно с обвиняемым».

Также стоит рассмотреть круг лиц, к которым избрание меры пресечения в виде домашнего ареста будет считать самой оптимальной мерой. По данному вопросу в научных кругах ведутся постоянные споры. Так ряд ученых, как Ткачева Н.В. и Щенина Н.Е. высказываются о том, что домашний арест необходимо избирать в отношении несовершеннолетних, инвалидов, беременных женщин и женщин, имеющих несовершеннолетних детей. [3].

Также ряд ученых считают, что домашний арест стоит избирать и к лицам, которые подозреваются в тяжком или особо тяжком преступлении, не повлекшие вреда здоровью и жизни. В тоже время, присутствует мнение, что стоит избирать меру пресечения в виде домашнего ареста и к лицам, которые совершили преступление, в котором был нанесен только материальный ущерб, но при этом необходимо брать во внимание возмещение ущерба, отсутствие судимости и признание вины.

Рассмотрев судебную статистику, представленную Верховным судом Российской Федерации в «Основных статистических показателях деятельности судов общей юрисдикции за 2016 год», можно сделать следующие выводы: 1. Одной из самых избираемых мер пресечения является домашний арест; 2. Ходатайство, возбужденное перед судом органами предварительного расследования, в среднем будет удовлетворено в 88% случаях. Из этих выводов можно выделить следующую проблему в избрании меры пресечения в современном уголовном судопроизводстве.

Проблема заключается в том, что деятельности судов и правоохранительных органов представляют собой некую рутинную работу, в которой органы предварительного следствия в качестве необходимости избрания меры пресечения используют простое перечисление оснований, перечисленных в статье 97 УПК РФ с использованием типичных фраз о тяжести преступления, наличия связей у подозреваемого или обвиняемого, необходимости проведения следственных действий, а суд в свою очередь не хочет вникать в нюансы уголовного дела, а просто соглашается со всем тем, что заявляют органы предварительного расследования. Также актуальной проблемой является то, что при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, он избирается без реального учета оснований, предусмотренных статье 97 УПК РФ. [4]. В каждом решении присутствуют однотипные формулировки, которые не соответствуют УПК РФ.

Литература:

1. Шамсутдинов М. М. Проблемы дальнейшего развития мер пресечения в уголовном судопроизводстве России // Научные труды Казанского юридического института МВД России: Вып. 9 — Казань: КЮИ МВД России, 2009. — С. 161–164;
2. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями и дополнениями) — Текст: электронный // Гарант: [сайт] — URL: <https://base.garant.ru/70548674/> (дата обращения 01.06.2022);
3. Ткачева Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России: Монография // Научный редактор А. В. Кудрявцева — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. — 192 с.;
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт] — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.06.2022)

Защитник как субъект уголовно-процессуального доказывания

Лычаков Владислав Вячеславович, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

Уголовно-процессуальный статус защитника регламентирован статьей 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Указанной нормой определено, что защитник представляет собой лицо, которое осуществляет в установленном действующим уголовно-процессуальным законодательстве порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении тех и или иных преступных деяний и оказывает им юридическую помощь в ходе производства по уголовному делу [2]. При этом одним из актуальных на сегодняшний день остается вопрос, является ли защитник полноправным субъектом доказывания в уголовном процессе.

Прежде всего, необходимо проанализировать положения УПК РФ. Частью 1 статьи 86 УПК РФ предусмотрено, что процесс собирания доказательств производится в ходе производства по уголовному делу такими участниками уголовного процесса, как дознаватель, следователь, прокурор и суд посредством осуществления следственных и других действий процессуального характера. Между тем, частью 3 статьи 86 УПК РФ установлен закрытый перечень способов собирания доказательств, предоставленных действующим законодательством защитнику.

Следует отметить, что в российской правовой действительности статус адвоката-защитника регламентирован не только УПК РФ, но и Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон № 63-ФЗ). В частности, статьей 6 Закона № 63-ФЗ предусмотрен более широкий перечень способов собирания доказательств, в том числе в процессе производства по уголовному делу.

Думается, указанное противоречие между УПК РФ и Законом № 63-ФЗ разрешается следующим образом. Частью 1 статьи 6 Закона № 63-ФЗ установлено, что полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя или защитника

доверителя в уголовном судопроизводстве, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации [3]. Таким образом, конкуренция норм решается посредством применения правила о приоритете специальной нормы перед общей. В указанном случае специальной нормой выступает положение части 3 статьи 86 УПК РФ, а общей — статьи 6 Закона № 63-ФЗ. Отсюда следует вывод, что в уголовном процессе защитнику предоставлен закрытый перечень способов собирания доказательств, предусмотренный частью 3 статьи 86 УПК РФ.

Между тем, в юридической мысли встречаются иные мнения относительно процессуального статуса защитника как субъекта уголовно-процессуального доказывания. В частности, ряд исследователей считает, что новый УПК РФ каких-либо значительных изменений в устоявшемся доказательственном праве не внес, и закрепление полномочия защитника на сбор и представление доказательств по уголовному делу существенным образом не изменил прежний уголовно-процессуальный статус защитника как субъекта доказывания [4].

Думается, с указанной точкой зрения нельзя согласиться в силу следующего. Действующий УПК РФ в полной мере закрепил состязательность сторон уголовного процесса как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, полностью отказавшись от модели инквизиционного уголовного процесса, господствовавшего в нашей стране долгое время. Так, в ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 года (статья 51) предоставленное защитнику право на представление доказательств носило декларационный характер, поскольку каких-либо способов по самостоятельному сбору доказательств советским уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено не было [1].

Стоит, однако, признать, что положения УПК РФ в части регламентации полномочий защитника как субъекта доказывания по уголовному делу являются несовершенновыми, порождая множество проблем в правоприменительной практике.

Так, закрепив для защитника закрытый перечень способов собирания доказательств в процессе производства по уголовному делу, ни в УПК РФ, ни в иных нормативно-правовых актах не предусмотрен отлаженный механизм реализации этих действий и фиксации доказательств, а также процедура по передаче их органу предварительного расследования и критерии их оценки, в связи с чем УПК РФ необходимо дополнить соответствующими положениями.

Рассматривая право защитника принимать непосредственное участие в процессе доказывания, следует учитывать, что в правоприменительной практике не сложилось единого мнения относительно того, чем выступает результат осуществления деятельности защитника: доказательствами либо сведениями, которые следует рассматривать в качестве основы информационного характера для формирования доказательственной базы. Думается, причиной дискуссий является противоречивость правовых положений, закрепленных в УПК РФ и Законе № 63-ФЗ.

Так, нормы Закона № 63-ФЗ в отличие от положений УПК РФ, устанавливающих только право адвоката собирать сведения, а не доказательства, которые впоследствии могут признать в установленном порядке в качестве вещественных и иных доказательств по уголовному делу [3].

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. 1), ст. 4921.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Икалов И. А. Роль защитника в процессе доказывания, при производстве расследования по уголовному делу // Закон и право. 2004. № 11. С. 19–22.

Проблемы участия защитника в процессе уголовно-процессуального доказывания

Лычаков Владислав Вячеславович, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

Презумпция невиновности, выступающая одним из основополагающих принципов уголовного процесса, предполагает, что лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. Для того чтобы доказать свою невиновность, лицо может воспользоваться помощью защитника (адвоката). В свою очередь, адвокат, представляя интересы своего подзащитного, наделен рядом прав, которые он может использовать, собирая доказательства невиновности представляемого им лица.

Это подтверждено и судебной практикой. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 173-О-О

Решить указанную проблему можно двумя путями. Первый вариант — закрепить в действующем законодательстве процессуальный порядок собирания и представления защитником доказательств. Но следует учитывать, что такие доказательства, хотя и не будут подвержены дополнительной процессуальной проверке, должны оцениваться вместе с иными доказательствами по делу. Второй вариант, который является более правильным, — привести п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и ч. 3 ст. 86 УПК РФ в соответствие со ст. 6 Закона № 63-ФЗ, что предоставит возможность понимать под правом адвоката осуществлять сбор не доказательств, а доказательственных сведений, которые по его ходатайству могут быть представлены для процессуального закрепления. Данный вариант более целесообразен в связи с тем, что, во-первых, предпочтение отдается специальной норме, а во-вторых — предлагаемые изменения упростят деятельность законодателя, в минимальной степени коснутся положений УПК РФ и в то же время устранят ряд имеющихся пробелов.

В целом, можно сделать вывод, что защитник в уголовном процессе выступает полноправным субъектом доказывания, поскольку принимает участие в собирании, проверке и оценке доказательств в порядке, предусмотренным действующим уголовно-процессуальным законодательством.

«Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Овчаровой Л. А. на нарушение ее конституционных прав п. 3 ч. 2 ст. 38 и ч. 2 ст. 159 УПК РФ» указано, что право адвокатов-защитников осуществлять сбор и представление доказательств выступает важнейшей гарантией права его подзащитного на защиту от уголовного преследования. Кроме того, данное право выступает одной из форм реализации закрепленного на конституционном уровне принципа равноправия и состязательности сторон уголовного процесса. Данному праву адвоката-защитника, в свою очередь, корреспондирует обязанность участников со стороны обвинения (следователей и дознава-

телей) принимать решение по заявлениям (ходатайствам), направленным им адвокатом-защитником по вопросу исследования доказательств [3].

Одной из проблем участия защитника в процессе уголовно-процессуального доказывания выступает то, что законодатель не включил в систему доказательств по уголовному делу, отраженную в ч. 2 ст. 74 УПК РФ (показания и заключение специалиста; показания свидетеля, потерпевшего; показания и заключение эксперта; протоколы действий процессуального характера; вещественные доказательства; иные документы) ни способы сбора доказательств, предусмотренные в ст. 86 УПК РФ [1], ни способы, установленные Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2].

Было бы логично предположить, что доказательства, полученные адвокатом-защитником, можно отнести к такому доказательству по уголовному делу, как «иные документы», однако единого мнения ни в науке, ни в законодательстве, ни в практике его применения по этому вопросу не выработано.

Так, можно обратиться к Обзору практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел, утвержденному Президиумом Верховного суда РФ 08.12.2021, согласно которому в качестве иных документов, указанных в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, могут быть представлены документы, которые приняты межправительственными организациями международного уровня и в которых принимает участие Россия. Данные документы должны содержать информацию (сведения), на основании которых суд, участники уголовного процесса со стороны обвинения определяют факт наличия либо отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе уголовного судопроизводства, а также иных обстоятельств, которые имеют значение для конкретного уголовного дела [4].

В подтверждение той позиции, согласно которой доказательству, полученные адвокатом-защитником, нельзя отнести к «иным документам», предусмотренным ст. 74 УПК РФ, высту-

пает еще один аргумент: действующим законодательством не предоставлено право адвоката проводить процессуальные действия, единой формы и требований к проведению защитником, в частности, опроса того или иного лица законом также не установлено.

Решение обозначенной проблемы видится следующим образом: необходимо дополнить ст. 74 УПК РФ положением о том, что в систему доказательств по уголовному делу входят сведения (информация), документы, предметы, собранные (полученные) адвокатом-защитником в ходе уголовно-процессуального доказывания. Также, в целях единообразия применения данного нововведения, на законодательном уровне необходимо детально урегулировать процедуру, порядок и требования к документальному закреплению доказательств адвоката-защитника.

Думается, что следует согласиться с мнением М. Ш. Буфетова о том, что отличие адвоката (защитника) от иных субъектов уголовного судопроизводства заключается в том, что он способствует реализации назначения уголовного процесса. Так, адвокат устанавливает лишь те обстоятельства, на основании которых суд может вынести оправдательный приговор либо смягчить меру наказания. Кроме того, защитник препятствует тому, чтобы его подзащитный использовал в ходе своей защиты нелегитимные способы и средства [5, с. 56].

Итак, можно сделать вывод о том, что в целях реализации закрепленного на конституционном уровне принципа равноправия и состязательности сторон уголовного процесса законодатель необходимо дополнить УПК РФ положением о том, что сведения (информация), документы, предметы, собранные (полученные) адвокатом-защитником в ходе уголовно-процессуального доказывания, имеют силу доказательств по уголовному делу. Это, в свою очередь, выступит одной из форм реализации в полном объеме презумпции невиновности как одного из важнейших принципов уголовного судопроизводства и ознаменует окончательный переход от инквизиционного советского уголовного процесса к процессу состязательному, базирующемуся на соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. 1), ст. 4921.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 173-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Овчаровой Людмилы Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и частью второй статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел» (утв. Президиумом Верховного суда 08.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2022.
5. Буфетова М. Ш. Проблемы реализации права на защиту в современном уголовном судопроизводстве // ГлаголЪ правосудия. 2016. № 2 (12). С. 56–59.

О некоторых вопросах представительства юридических лиц в налоговых правоотношениях в части включения в договор соответствующих полномочий

Марченко Александр Владимирович, юрист (г. Москва)

Настоящая статья посвящена институту уполномоченного представительства в налоговых правоотношениях в части видов документов, где это представительство закрепляется. В частности, рассмотрена возможность оформления полномочий представителя в налоговых правоотношениях путем закрепления соответствующих условий в заключаемых между сторонами договорами, а также соответствующие требования к данному виду договоров.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, договор, лицо, представитель.

On some issues of representation of legal entities in tax legal relationships in the part of including the appropriate authorities in the agreement

Marchenko Aleksandr Vladimirovich, lawyer (Moscow)

This article is devoted to the institution of authorized representation in tax legal relations in terms of the types of documents where this representation is fixed. In particular, the author considers the possibility of formalizing the powers of a representative in tax legal relations by fixing the relevant conditions in agreements concluded between the parties, as well as the corresponding requirements for this type of agreements.

Key words: Civil Code, Tax Code, contract, person, representative.

Имеющийся в данный момент институт уполномоченного представительства в налоговом законодательстве не только способствует защите прав и интересов налогоплательщиков, путем получения квалифицированной помощи (юридической, бухгалтерской), оптимизации штатной численности организации, но и таит за собой определенные риски, связанные с возможным недобросовестным поведением представителей, либо законных представителей организации.

В то же время Гражданский кодекс Российской Федерации в отношении представительства допускает уполномочивание лица на совершение определенных действий путем включения соответствующих положений в договор, заключаемый между представителем и представляемым без оформления отдельного документа (доверенности) [1].

В данной статье предлагается рассмотреть возможность такой формы уполномочивания в налоговых правоотношениях, а также рассмотреть некоторые особенности данной формы.

В Налоговом кодексе Российской Федерации в пункте 1 статьи 11 установлено, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в Кодексе применяются в том значении, в котором они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено Кодексом [2].

Порядок участия представителя налогоплательщика регулируется главой 4 Налогового кодекса Российской Федерации. Вопросы участия уполномоченного представителя налогоплательщика, в частности регулируются статьей 29 Налогового кодекса Российской Федерации.

Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 29 Налогового кодекса Российской Федерации уполномоченный представи-

тель налогоплательщика-организации осуществляет свои полномочия на основании доверенности, выдаваемой в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

В пункте 1 статьи 185 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится определение, согласно которому под доверенностью подразумевается письменное уполномочие, которое выдается одним лицом другому лицу, либо другим лицам для представительства перед третьими лицами.

При этом следует обратить внимание, что при оформлении доверенности от имени юридических лиц для представительства в налоговых правоотношениях допускается простая письменная форма, в отличие от доверенности, выдаваемой физическим лицом, либо индивидуальным предпринимателем, которая требует нотариального удостоверения (пункт 3 статьи 29 Налогового кодекса Российской Федерации).

Таким образом, для уполномочивания третьего лица от имени организации возможно составление простой письменной доверенности, которая подписывается лицом, уполномоченным представлять указанную организацию на основании закона или ее учредительных документов.

Важный интерес с точки зрения представительства в налоговых правоотношениях представляет пункт 4 статьи 185 Гражданского кодекса Российской Федерации, который предполагает возможность удостоверения полномочий представителя, в том числе в договоре между представителем и представляемым, между представляемым и третьим лицом, либо в решении собрания, если иное не установлено законом или не противоречит существу отношений.

Возникает вопрос, возможно ли определение полномочий представителя налогоплательщика-организации для предста-

вительства в налоговых органах непосредственно в договоре об оказании услуг (например, консультационных), либо в агентском договоре и может ли в дальнейшем представитель участвовать в налоговых правоотношениях от имени представляемого без оформления отдельного документа с наименованием «Доверенность»?

Полагается, что да, но при условии соблюдения установленных гражданским законодательством требований, предъявляемых к форме и содержанию доверенности, которые должны быть соблюдены непосредственно в заключаемом договоре.

Исходя из существа института представительства, который предполагает взаимодействие одной стороны (представитель) от имени другой стороны (доверитель) с третьими лицами и являет собой одностороннюю сделку, положения договора об оказании услуг, либо агентского договора, в которых определен только перечень и объем оказываемых услуг, полагается, что не являются достаточным подтверждением наличия полномочия у стороны данного договора.

Подтверждением указанной позиции, в частности, может служить Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 28.05.2019 г. № 26-КГ19-3, в котором указывается, что гражданским законодательством предусмотрено, что доверенностью является письменный документ, оформленный надлежащим образом и в соответствии с требованиями, предъявляемыми к такому роду документам, содержащий указание на наделение полномочиями по представлению одним лицом интересов другого лица или группы лиц [3].

В этой связи нужно понимать, что обязательство, принятое по договору о том, как именно надлежит осуществить действие по полномочию (акт представительства), не является само по себе представительством — уполномочие представляется отдельной сделкой, которая, хотя и может быть оформлена в том же договоре, самостоятельности от этого терять не будет.

Таким образом в данном случае будет иметь место смешанный договор: двусторонняя сделка (договор об оказании услуг, либо агентский договор) и односторонняя сделка (уполномочивание).

В тоже время дополнительно возникает вопрос о порядке передоверия в случае передачи полномочий от одного представителя другому в рамках, например субагентского договора.

В данном случае в отношении односторонней сделки по уполномочиванию необходимо применять положения пункта 3 статьи 187 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие правила передоверия.

Доктор юридических наук, профессор Артем Георгиевич Карапетов в своей работе «Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153–2018 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо указывает, что:

«Кроме этого, здесь следует иметь в виду следующее обстоятельство: в том случае, когда договор с включенным в него полномочием от имени организации подписывает не директор, а представитель по доверенности, речь уже идет о передоверии, следовательно, такой договор подлежит нотариальному удостоверению на основании пункта 3 статьи 187 Гражданского кодекса Российской Федерации» [4, с. 1042].

Следовательно, при нарушении указанных требований при удостоверении доверенности (договора) будет применяться норма пункта 3 статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой при несоблюдении нотариального удостоверения сделки в случае, если такая форма является обязательной, сделка является ничтожной.

Полагается, что указанные требования также применяются в случае включения передачи полномочий по представлению интересов лица/группы лиц в договор с иными лицами, заключаемый лицом который изначально является представителем на основании доверенности.

В то же время имеется судебный акт в рамках оспаривания действий налогового органа, выразившегося в отказе в принятии налоговых деклараций, направленных представителем на основании агентского договора, в котором прямо указано, что в том случае заключения лицом договора, который имеет положения о представительстве, и это лицо первоначально действовало на основании доверенности, в т.ч. нотариальной, то соответствующая передача полномочий передоверием не является и следовательно положения статьи 187 Гражданского кодекса Российской Федерации к указанному действу не применяются [5].

На наш взгляд такая позиция неверна и может в дальнейшем повлечь случаи злоупотребления не только в налоговых правоотношениях, в том числе путем направления деклараций в налоговые органы с заведомо ложными сведениями о суммах налога к уплате, заявлений о возврате, учете налоговых платежей и т.д., но и в гражданских.

Таким образом, несмотря на неоднозначную судебную позицию, указанную выше, полагается верным применять положения гражданского законодательства о представительстве, полномочия которого оформлены на основании договора в полном объеме, в том числе с учетом требований, предъявляемых при передоверии на основании иного договора, либо отдельной доверенности.

В связи с этим, рекомендуется в случае уполномочивания представителя организации для участия в налоговых правоотношениях посредством договора, обращать внимание на необходимость соблюдения всех условий, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации в части представительства, в т.ч. условий, связанных с передачей полномочий на основании передоверия.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N32, ст. 3301;
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп.) // «Собрание законодательства РФ», N31, 03.08.1998, ст. 3824;

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 28.05.2019 г. № 26-КГ19-3.— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=6IDvf9TB03CImHC8&cacheid=1D6F93229CCCBA51C50C24F8BA52DA74&mode=splus&rnd=AIImX-1Q&base=ARB&n=587024#UPEvf9TA9uHclW1l> (дата обращения: 24.06.2022);
4. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов.— М.: М-Логос, 2018.— 1264 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.) ISBN978–5–9500177–6–6\$
5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 апреля 2019 года по делу № А56–146053/2018.— Текст: электронный // Электронной правосудие: [сайт].— URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/abb498ac-db7c-4ea2-aa85-91aa3d45cf93/872ab36c-9c78-444c-9399-cc3bfe078024/A56-146053-2018_20190425_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.06.2022).

Актуальные проблемы предпринимательского права

Морозов Максим Владимирович, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье отображены некоторые актуальные проблемы предпринимательского права. Тема актуальна, так как в современной России отрасль предпринимательского права развита недостаточно. Так, по мнению автора, бессистемность и отсутствие четкой правовой основы непоименованного договора являются важными проблемами сферы. В результате работы будут даны рекомендации относительно каждого направления, указано, что они могут помочь в ликвидации проблем.

Ключевые слова: предпринимательское право, кодификация, непоименованный договор, бессистемность права, договорные конструкции.

Actual problems of business law

The article displays some current problems of entrepreneurial law. The topic is relevant, since in modern Russia the business law industry is not developed enough. Thus, according to the author, the haphazard and lack of a clear legal basis for an unnamed contract are important problems in the sphere. As a result of the work, these recommendations will be given for each direction, it is indicated that they can help in eliminating problems.

Keywords: business law, codification, non-named contract, haphazard law, contractual constructions.

На данном этапе развития предпринимательского права сложилось две ключевые проблемы, которые не дают ему развиваться и полностью реализовывать свои функции. Первая проблема относится к чрезвычайно распространенным сейчас непоименованным договорам, а вторая — к отсутствию кодификации предпринимательского права. По мнению автора, первая проблема позволяет злоупотреблять предпринимателям своим положением в суде, а вторая делает предпринимательское право запутанным, бессистемным, что недопустимо для законодательства. В результате, тема работы имеет высокую актуальность.

Непоименованные договоры ежегодно увеличивают свою популярность среди предпринимателей. Причина заключается в том, что гражданская сфера, правоотношения в ней, цифровизация экономики постоянно расширяются. Бизнесменам, в таких условиях, нужны договорные конструкции, являющиеся гибкими, с их помощью можно наиболее полно реализовать свои интересы. Именно непоименованные договоры стали такой нужной конструкцией.

Непоименованный договор отсутствует в нормативно-правовых актах, а значит, в гражданско-правовом поле он не регла-

ментирован. Эта конструкция является относительно новой. Некоторые ученые считают его юридическим каркасом, в который, вследствие правового вакуума, предприниматели вкладывают то, что им нужно через волеизъявление.

В целом в судебной практике непоименованный договор упоминается, когда:

1. Договорной модели в гражданско-правовых нормах в целом нет;

2. Гражданско-правовые нормы упоминают существование договорной конструкции, однако, ее содержание не представлено (ярким примером является договор между поручителем и должником) [2].

Зачастую непоименованные договоры формируются на основе зарубежного законодательства. Зачастую они носят смешанный характер. На практике их становится все больше, так как часть контрагентов некритично воспринимает вид заключаемого договора, а другая механически заимствует контракт из зарубежной практики. В итоге, происходит замена традиционных правовых гражданских российских институтов.

Если в судебном разбирательстве встречается непоименованный договор, то, определив воли всех его сторон, он считается легальным. Часто такой договор нельзя отнести ни к одной законодательной модели, в результате, лишь общие положения и договора могут быть применены к ним [1].

Существование непоименованных договоров ведет к проблемам при установлении ответственных сторон, так как нет разъяснений в этом направлении. Как результат, большинство разногласий по таким договорам разрешаются судами.

Как уже было сказано, непоименованный договор широко распространился, так как является гибким, что удобно для предпринимателей в современной турбулентной экономике. Это является его достоинством, однако, этот же аспект формирует и недостатки. Так, например, в правовом направлении непоименованный договор ограничен в регламентации. Ключевая проблема здесь — ограничения при заключении такого договора.

Российскими учеными и правоведами не реализованы доктринальные разработки в направлении пределов свободы при заключении изучаемого вида договоров. Проблема лишь ухудшается тем, что законодатель не сформировал предписаний здесь, за исключением одного — нельзя противоречить прямым запретам законодательства, нужно соответствовать общему началу и смыслу, заложенному в гражданском законодательстве. По этой причине судебная практика крайне осторожно разбирает дела с непоименованными договорами, пытаясь отнести их к какой-либо более определенной классификации. В некоторых случаях их просто объявляют недействительными. В итоге, это может привести к злоупотреблениям относительно свободной конструкции договора.

Это отображается в тех случаях, где непоименованный договор может достичь цели, которую нельзя было бы решить легитимно. В итоге появляется структура, очень близкая к смешанному договору. Таким образом, необходимо четко сформировать границы, условия и конструкцию договоров, особенно непоименованного для минимизации возможности злоупотреблений, обхода закона.

Как уже было сказано, важной проблемой является отсутствие кодификации предпринимательского права. Под кодификацией необходимо понимать правотворчество, в ходе которого формируется законодательный акт, заменяющий имевшие ранее юридическую силу документы в определенной сфере.

Литература:

1. Ахмедова, М. К. Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права / М. К. Ахмедова // Результаты современных научных исследований и разработок: сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 15 апреля 2020 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. — С. 92–95. — EDN IGQPQR.
2. Иванов, В. С. Актуальные проблемы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации / В. С. Иванов // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 11 декабря 2020 года. — Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2021. — С. 83–86. — EDN CYSMRY.
3. Овинников, В. А. Актуальные проблемы кодификации предпринимательского законодательства в России / В. А. Овинников // Наука и образование в современном обществе: актуальные вопросы и инновационные исследования: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 сентября 2021 года. — Пенза: Наука и Просвещение, 2021. — С. 70–74. — EDN XGZNDH.

Итогом является систематизация законодательства определенного направления, например, предпринимательства.

Систематизация была предусмотрена еще в двадцатом веке через Указ Президента Российской Федерации Ельцина Б. Н. от 06.02.1995 г. № 94. Так как при Ельцине этот процесс не был закончен, некоторые отрасли права остались без Кодексов, а Указ Президента Российской Федерации Путина В. В. от 28.06.2005 г. № 736 отменил нормативный документ бывшего Президента, сделав не необходимым создание всех Кодексов. При этом никакой альтернативы действующий Президент не представил, поэтому предпринимательское право до сих пор системно и четко не регламентировано.

В настоящее время законодатель не видит необходимости в кодификации отраслей и подотраслей права, несмотря на правовую нужду, развитие и расширение экономики, а также просьбы населения. Некоторые ученые тоже считают, что на данный момент многочисленные нормативно-правовые акты не являются верным инструментом, правильнее было бы создавать Кодексы, которые постепенно увеличивались бы. В нынешний экономический переход это позволило бы более полно регулировать взаимоотношения всех общественных объектов. Особое место здесь имел бы Предпринимательский Кодекс, с помощью которого все юридическо-правовое ведение дела было бы более понятное и грамотное. В итоге, это могло бы стимулировать предпринимателей активнее заниматься бизнесом, вести его к укрупнению, «выходить из тени» и так далее [3].

Системность позволяет наиболее полно регулировать направление деятельности человека. Существующее ныне разрозненное законодательство относительно предпринимательского права недопустимо. Оно формирует запутанность, коллизии, в целом отпугивает граждан от предпринимательства. Таким образом, кодификация предпринимательского права необходима.

Подводя итог, делаем вывод о том, что две отображенные актуальные проблемы предпринимательского права не только существуют, но и не дают ему полноценно развиваться и выполнять свои функции. Если применить рекомендации, которые были даны относительно каждой проблемы, можно достичь многочисленных положительных аспектов, а также оставить количество негативных параметров, которые в дальнейшем будут лишь разрастаться.

Защита экономических прав и свобод Уполномоченным по правам человека в России

Мышев Борис Александрович, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье автор проводит краткий анализ деятельности Уполномоченного по правам человека в России по защите экономических прав и свобод.

Ключевые слова: экономические права и свободы, защита прав и свобод, Уполномоченный по правам человека.

Институт Уполномоченного по правам человека достаточно молодой для России. Его возникновение связано с новым этапом развития государства, связанного с переходом тоталитарного политического режима к демократическому. Учреждение института омбудсмена в России базируется на положительном опыте зарубежных демократических государств, показавших результативность его деятельности.

Хотя Уполномоченный по правам человека не обладает государственно-властными полномочиями, его можно назвать связующим звеном между органами государственной власти, местного самоуправления и гражданами, что проявляется в его полномочиях. Институт Уполномоченного по правам человека дополняет имеющиеся формы защиты прав человека, в том числе доносит основные проблемы в сфере реализации прав человека до государственных органов. Это позволяет вовремя реагировать на них и принимать соответствующие решения на государственном уровне. Так, в адрес Уполномоченного уже за 1 полугодие 2022 года поступило 23269 обращений [1].

Экономические права, предусмотренные Конституцией РФ [2], предполагают свободу человеческой деятельности в сфере производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг и в своей основе связаны с обладанием собственностью и другими имущественными благами. Особенностью экономических прав является их способность нередко выступать в качестве права-гарантии, обеспечивающего реализацию других прав и свобод.

За 2021 год в адрес Уполномоченного по правам человека поступило 1377 обращений о нарушении экономических прав. Это на 111 обращений больше, чем в 2020 году, но на 186 обращений меньше, чем в 2019 году. В целом в 2021 году был отмечен рост количества жалоб в сфере защиты экономических прав человека (+24%) в связи с их увеличением по вопросам, связанным с заключением договоров (+5%), нарушениями обязательств (в 2 раза), оформлением наследства (+51%). Снижение произошло лишь по жалобам, касающимся осуществления предпринимательской деятельности (-70%) [1].

Согласно п. 1 ст. 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В последние годы в российском обществе возросло понимание значения малого и среднего бизнеса

как социальной основы рыночной экономики и фактора политической стабильности.

Защита прав и законных интересов предпринимателей Уполномоченным по правам человека предполагает изначально его работу по рассмотрению жалоб субъектов предпринимательской деятельности на решения или действия (бездействие) органов публичной власти и их должностных лиц, нарушающие их права и законные интересы. Уполномоченный рассматривает жалобы в порядке, установленном действующим законодательством, но с учетом особенностей, предусмотренных федеральным законом, регламентирующим его деятельность.

Что касается земельных прав, то в 2021 году увеличение количества обращений на нарушения права на землю было более чем в 2 раза, что произошло в основном за счет жалоб по вопросам разрешения частноправовых споров, возникающих в связи с предоставлением и изъятием земель, согласования границ земельных участков, внесения изменений в ЕГРН. Так же уменьшилось в 1,7 раза количество несогласий с привлечением к ответственности за нарушение земельного законодательства. Если же говорить о количестве коллективных обращений по поводу нарушения права собственности на землю, то в 2021 году их количество составило 80, что на 20 обращений больше, чем в 2020 году, но на 100 обращений меньше, чем в 2019 году. Число же коллективных обращений по поводу нарушений иных экономических прав в 2021 году составило 52, что на 9 больше, чем в 2020 году и больше на 6, чем в 2019 году [1].

Осуществляя работу по рассмотрению обращений граждан, Уполномоченный по правам человека сталкивается с пробелами и противоречиями законодательства. Данная деятельность позволяет определить первоочередные, текущие и перспективные направления совершенствования законодательства, дать конкретные предложения по его изменению.

Итогами рассмотрения обращений граждан, признанных обоснованными, стало не только фактическое восстановление нарушенных прав заявителей, но и привлечение к административной и дисциплинарной ответственности лиц, виновных в совершении правонарушений; внесение контрольно-надзорными органами требований об устранении нарушений действующего законодательства; отмена необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и др.

Литература:

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год // URL.: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86dd-c9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ce6-ae92-b32f8d741412.pdf> (Дата обращения 01.06.2022 год);
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 25.12.1993; Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144.

Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений

Николаев Владислав Сергеевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Фролов Михаил Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент
Смоленский государственный университет

В статье исследуются особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений в Российской Федерации.

Ключевые слова: экологические преступления, предупреждение экологической преступности, экологическое правосознание.

Действующее законодательство Российской Федерации не дает конкретного определения такому термину как «экологическое преступление». Ни уголовный кодекс Российской Федерации, ни иные федеральные законы, в том числе ФЗ «Охране окружающей среды», ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» так же не определяет, что можно отнести к понятию «экологическое преступлений».

Для уяснения данного понятия необходимо обратиться к теории уголовного права, а также мнениям ученых-процессуалистов анализируемой категории.

По мнению Жаворонковой Н. Г. и Шпаковского Ю. Г., под экологическим преступлением следует понимать «предусмотренное уголовным законом общественно опасное, виновное деяние, посягающее на общественные отношения, обеспечивающие сохранение для нормальной жизнедеятельности человека благоприятной природной среды, рациональное использование ее ресурсов и экологическую безопасность населения» [6, с. 69].

Согласно позиции Боголюбов С. А. экологическое преступление — это «виновно совершенное, общественно опасное деяние (действие или бездействие), причиняющее (способное причинить) существенный вред охраняемым уголовным законом комплексным общественным отношениям по обеспечению экологической безопасности населения, рациональному использованию природных ресурсов и защите особо охраняемых природных территорий» [7, с. 107].

Произведя анализ указанных определений, можно определить, что под экологическим преступлением следует понимать виновно совершенное, общественно опасное действие (бездействие), непосредственно причиняющее вред общественным отношениям, складывающимся в сфере природопользования и экологического благополучия населения.

Необходимо отметить, что Конституция РФ [1] устанавливает основы правового регулирования в области охраны окружающей среды. Так, ст. 42 Конституции РФ определяет право каждого гражданина «на благоприятную окружающую среду,

достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу человека экологическим правонарушением».

В настоящее время экологическая обстановка в стране ухудшается, однако случаи привлечения лиц, виновных в совершении экологических преступлений к уголовной ответственности, единичны. Представляется вероятным, что данное положение дел главным образом связано с высокой степенью латентности указанного вида преступлений. Следует также иметь ввиду, что негативные последствия преступлений в сфере экологии, в большинстве случаев обнаруживаются не сразу, однако они могут быть губительны для будущих поколений людей.

По данным статистической отчетности прокуратуры Смоленской области за 9 месяцев 2021 года зарегистрировано 152 экологических преступлений, за аналогичный период в 2020 году зарегистрировано 135 преступлений данной категории [8].

Не вызывает сомнений тот факт, что в целях обеспечения защиты природной среды необходимо принимать меры правового характера, которые позволят снизить высокий уровень латентности данного вида преступлений. Кроме того, необходимо усовершенствование правового регулирования и контроля в сфере охраны окружающей среды.

Значительную роль в минимизации числа совершаемых экологических преступлений могут сыграть меры упредительного характера, а также повышения уровня экологического правосознания населения.

Экологическое правосознание является многомерным понятием, включающим в себя систему сложившихся взглядов, знаний, идей, относительно порядка взаимодействия различных природных систем и человеческого социума, урегулированного правовыми нормами и категориями.

Проведение мероприятий в целях предупреждения экологических преступлений и правонарушений должно касаться экономической сферы, так как уровень финансовых затрат на восстановление экологического благополучия населения, по-

страдавшего от преступных действий, остается весьма высоким.

Большинство посягательства на природные ресурсы совершаются с корыстной целью. Значительная часть таких посягательств совершается должностными лицами. Злоупотребляя должностными полномочиями, указанные лица становятся участниками коррупционных отношений.

Данную проблему возможно решить путем установления ведомственного контроля в целях соблюдения, исполнения норм и правил в области экологической безопасности, деятельности предприятий и охраны природных объектов [5].

Кроме того, целесообразно было бы создание специализированной службы по ликвидации загрязнения окружающей среды и выработке соответствующего закона, наделяющего полномочиями данную службу по устранению последствий различных аварий, проведение мероприятий по расширению лесного фонда, увеличению числа объектов животного мира, а также водных и рыбных биоресурсов.

На сегодняшний день одним из самых распространенных видов экологических преступлений являются преступления в сфере лесного хозяйства, в частности, незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ).

Ущерб, который причиняется незаконными рубками лесных насаждений достигает огромных масштабов. Кроме того, указанный вид преступлений наносит большой вред экологической системе всей страны. Лесные массивы, уничтоженные незаконной рубкой, практически невозможно восстановить в короткие сроки.

Преступные посягательства в сфере лесного хозяйства представляют огромную угрозу для экономической и экологической

безопасности России. В связи с этим становится очевидным, что необходимо вести разработку более эффективных мер, направленных на предупреждение совершения новых преступлений.

Одним из таких способов может стать дистанционный мониторинг, позволяющий незамедлительно реагировать на противоправные действия в лесной сфере.

Так, на Дальнем Востоке по инициативе Всемирного фонда дикой природы начала активно внедряться передовая система космического мониторинга «КЕДР», которая позволяет выявить незаконные рубки в кедрово-широколиственных лесах [4]. Первое тестирование указанной системы в августе-сентябре 2015 г. в полевых условиях в Приморском и Хабаровском краях. Суть работы заключается в фотографировании лесного массива из космоса и постоянном обновлении фотоархива. Затем фотографии накладываются друг на друга, и программа определяет расхождение.

В случае производства незаконной рубки лесного массива, на место её совершения выезжает оперативная группа. Значительным плюсом данной системы является возможность обнаружения не только массового уничтожения лесов, но и небольшую выборочную рубку лесных насаждений.

Учитывая, что экологическая ситуация в настоящее время не самая лучшая, совершенствование правового регулирования в области охраны окружающей среды и ее правовой охраны должно находиться в центре внимания государства. Только оперативные действия органов государственной власти, направленные на упреждения экологических преступлений и повышения уровня экологического правосознания позволят снизить уровень экологической преступности, а соответственно, сохранить окружающую среду.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N7-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021) // Собрание законодательства РФ — 2002. — № 2 ст. 3241
4. Васильева М. А., Степанюгин К. В., Богданов А. В. Использование систем дистанционного мониторинга в расследовании экологических преступлений // Российский следователь. — 2015. — № 22. — С. 14–17.
5. Мухлынина М. М. К вопросу об обеспечении органами полиции России экологического правопорядка // Экономико-правовые аспекты обеспечения безопасности жизнедеятельности: Сборник трудов XXVIII Международной научно-практической конференции. — 2018. — С. 81–84.
6. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2017. — 160 с.
7. Экологическое право: учебник для академического бакалавриата / С. А. Боголюбов [и др.]; под редакцией С. А. Боголюбова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 281 с.
8. «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» [Электронный ресурс]. — Официальный сайт Прокуратуры Смоленской области, 2022 — Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_67/activity/statistics/office/result/svedeniya_o_sostoyanii_prestupnosti, (дата обращения: 01.03.2022).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 25 (420) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 06.07.2022. Дата выхода в свет: 13.07.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.